ISSN 1403-7068 (Print)
ISSN 2002-3847 (Online)

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КАВКАЗ

Журнал
социально-политических исследований

Издается с 1998 года

Том 20
Выпуск 3
2017

CA&CC Press®
ШВЕЦИЯ

УЧРЕДИТЕЛИ И ИЗДАТЕЛИ

ИНСТИТУТ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ И КАВКАЗСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Номер регистрации: 620720-0459
Государственная администрация патентов и регистрации Швеции

ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАВКАЗА

Номер регистрации: М-770
Министерство юстиции Азербайджанской Республики

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

***CA&CC Press®*. ШВЕЦИЯ**

Номер регистрации: 556699-5964

Номер регистрации журнала: 22 339
Государственная администрация патентов и регистрации Швеции

Редакционный совет

Эльдар ИСМАИЛОВ — ***Председатель редакционного совета***
Тел/факс: (994 - 12) 497 12 22; E-mail: elis@tdb.baku.az

Мурад ЭСЕНОВ — ***Главный редактор***
Тел/факс: (46) 70 232 16 55; E-mail: m.esenov@gmail.com

Владимир ПАПАВА — ***Заместитель главного редактора***
Тел.: (995 – 32) 24 35 55; E-mail: papavavladimer@yahoo.com

Джаннатхан ЭЙВАЗОВ — ***Заместитель главного редактора***
Тел/факс: (994 - 12) 596 11 73; E-mail: jeyvazov@gmail.com

Каламкас ЕСИМОВА — ***Представитель журнала в Казахстане (Астана)***
Тел/факс: (+7 701) 7408600; E-mail: kesimova@gmail.com

Айнура ЭЛЕБАЕВА — ***Представитель журнала в Кыргызстане (Бишкек)***
Тел: (996 - 312) 61 30 36; E-mail: ainur_eb@mail.ru

Саодат ОЛИМОВА — ***Представитель журнала в Таджикистане (Душанбе)***
Тел.: (992 372) 21 89 95; E-mail: olimov@tajik.net

Фархад ТОЛИПОВ — ***Представитель журнала в Узбекистане (Ташкент)***
Тел.: (998 - 71) 225 43 22; E-mail: farkhad_tolipov@yahoo.com

Зия КЕНГЕРЛИ — ***Представитель журнала в Азербайджане (Баку)***
Тел: (+994 - 50) 3006694; E-mail: ziken12@yahoo.co.uk

Давид ПЕТРОСЯН — ***Представитель журнала в Армении (Ереван)***
Тел.: (374 - 10) 56 88 10; E-mail: dave@arminco.com

Кахабер ЕРАДЗЕ — ***Представитель журнала в Грузии (Тбилиси)***
Тел.: (+995 - 95) 45 82 88; E-mail: kakha_ae@yahoo.com

Владимир МЕСАМЕД — ***Представитель журнала на Ближнем Востоке (Иерусалим)***
Тел.: (972) 2 5882332; E-mail: mssamed@olive.mscc.huji.ac.il

Конрад ШАФФЛЕР — ***Представитель журнала в Германии (Мюнхен)***
Тел.: (49 - 89) 3003132; E-mail: GA-infoservice@s.m.isar.de

Сунь ЧЖУАНЧЖИ — ***Представитель журнала в Китае (Пекин)***
Тел.: (86) 10-64039088; E-mail: sunzhzh@isc.cass.net.cn

Ирина ЕГОРОВА — ***Представитель журнала в Российской Федерации (Москва)***
Тел. (7 - 495) 3163146; E-mail: egorova@mosinfo.ru

Роберт ГУАН ТЯНЬ — ***Представитель журнала в США (Буффало, Нью-Йорк)***
Тел.: (716) 880-2104; E-mail: robert.g.tian@medaille.edu

Рустем ДЖАНГУЖИН — ***Представитель журнала в Украине (Киев)***
Тел.: (380 - 44) 524 79 13; E-mail: zhangozha@yahoo.co.uk

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акиф АБДУЛЛАЕВ	Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института стратегических исследований Кавказа (Азербайджан)
Мустафа АЙДЫН	Ректор университета им. Кадира Хаса (Турция)
Бюлент АРАЗ	Доктор, заведующий кафедрой международных отношений Университета Фатих (Турция)
Марьям АРУНОВА	Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской адемии наук (Россия)
Гарник АСАТРЯН	Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иранских исследований Ереванского государственного университета (Армения)
Джеймс ВЕРЧ	Профессор Вашингтонского университета в Сент-Луисе, директор программы международных и региональных исследований (США)
Пол ГОБЛ	Главный консультант радиостанции «Голос Америки» (США)
Сергей ГРЕЦКИЙ	Доктор, заведующий кафедрой Центральной Азии Института заграничной службы Государственного департамента США (США)
Син ГУАНЧЭН	Доктор политических наук, профессор, заместитель директора Института по исследованию Восточной Европы, России и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (Китай)
Стефен ДЖОНС	Профессор, эксперт по исследованиям России и Евразии колледжа Монт Холуоки (США)
Станислав ЖУКОВ	Доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН (Россия)
Александр ИГНАТЕНКО	Президент Института религии и политики, доктор философских наук, исламовед, главный эксперт НИИ социальных систем Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации (Россия)
Ашурбой ИМОМОВ	Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного права Таджикского национального университета (Таджикистан)
Лена ЙОНСОН	Доктор, старший научный сотрудник Института международных отношений Швеции (Швеция)
Сванте КОРНЕЛ	Профессор, директор по исследованиям Института Центральной Азии и Кавказа при Университете им. Джонса Хопкинса (США)
Зайнидин КУРМАНОВ	Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений Кыргызско-Российского университета (Кыргызстан)
Яков М. ЛАНДАУ	Профессор политологии Еврейского университета (Израиль)
Роджер МАКДЕРМОТТ	Аффилированный ведущий аналитик Датского института международных исследований, Копенгаген (Дания)
Нейл МАКФАРЛЕН	Профессор, директор Центра международных исследований Оксфордского университета (Великобритания)
Алексей МАЛАШЕНКО	Доктор исторических наук, член научного совета и содиректор программы «Этничность и нацие-строительство» Московского центра Карнеги (Россия)
Аббас МАЛЕКИ	Доктор, генеральный директор Международного института по исследованию Каспийского региона (Иран)
Акира МАТСУНАГА	Доктор, эксперт по истории Центральной Азии и Кавказа, ведущий специалист Фонда мира «Сасакава» (Япония)
Роин МЕТРЕВЕЛИ	Доктор исторических наук, профессор, академик Национальной академии наук Грузии, президент Национального комитета грузинских историков (Грузия)
Назим МУЗАФФАРЛИ	Доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики Национальной академии наук Азербайджана (Азербайджан)
Виталий НАУМКИН	Доктор исторических наук, профессор, директор Центра стратегических и международных исследований РФ (Россия)
Еренгаип ОМАРОВ	Ректор университета Кайнар, президент Академии естественных наук Республики Казахстан (Казахстан)
Автандил СИЛАГАДЗЕ	Доктор экономических наук, профессор Тбилисского университета международных отношений, академик Национальной академии наук Грузии (Грузия)
Фредерик СТАРР	Профессор, директор Института Центральной Азии и Кавказа при Университете им. Джонса Хопкинса (США)
Уильям ФИЕРМАН	Доктор политических наук, профессор Индианского университета (США)
Клара ХАФИЗОВА	Доктор исторических наук, директор Центра стратегических и международных исследований, профессор факультета международных отношений и внешней политики Университета «Кайнар» (Казахстан)
Алла ЯЗЬКОВА	Доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра «Средиземноморье-Черноморье» Института Европы Российской академии наук (Россия)

Материалы, публикуемые в журнале, не обязательно отражают точку зрения Редакции и Редколлегии

АДРЕС РЕДАКЦИИ: CA&CC Press AB, Hubertusstigen 9. 97455 Luleå, SWEDEN

ВЕБ АДРЕС: www.ca-c.org

© «Центральная Азия и Кавказ», 2017

© CA&CC Press®, 2017

«ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
И
КАВКАЗ»

Журнал социально-политических исследований

Том 20
Выпуск 3
2017

ЧИТАЙТЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И МИГРАЦИЯ

Р. Хунагов, С. Ляушева, А. Шадже, З. Жаде. СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ 7

К. Аллахвердиев. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 15

М. Кирчанов. ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИЯ И ВООБРАЖЕНИЕ ЭТНИЧНОСТИ: КАРТВЕЛИЗМ КАК ИЗОБРЕТЕННАЯ ТРАДИЦИЯ 28

С. Рязанцев, А. Тер-Акопов, Е. Письменная, А. Лукьянова. ДИАСПОРЫ КАК НЕФОРМАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ 38

С. Рязанцев, А. Тер-Акопов, Е. Письменная, М. Храмова. СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В ЕАЭС В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ 47

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ И РЕСУРСНАЯ ПОЛИТИКА

С. Жильцов, В. Штоль, В. Егоров. ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПОТОКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 57

К. Ыдырыс, С. Ыдырыс, М. Мунасипова, Г. Темирбаева. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ 67

Ф. Усмонов, Ф. Инагаки. РОЛЬ ЯПОНИИ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ ТАДЖИКИСТАНА: УЧАСТИЕ, СЛОЖИВШАЯСЯ СИТУАЦИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ 76

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

Г. Гаджимурадова, В. Доброхлеб, В. Безвербный, М. Храмова. РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И НА КАВКАЗЕ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ..... 86

В. Акаев, Б. Нанаева. РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПОСРЕДСТВОМ МОБИЛИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РЕСУРСА 96

И. Карабулатова, С. Галиуллина, К. Котик. ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК В УСЛОВИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ 103

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

В печатной и электронной версиях журнала «Центральная Азия и Кавказ», 2017 г., Том 20, Выпуск 1 по независящим от Редакции причинам неверно указаны авторы статьи «Результативность монетарной политики в странах Евразийского экономического союза» (с. 111—120). Авторами указанной статьи являются Голодова Жанна Гавриловна, Федякина Лора Николаевна и Ранчинская Юлия Сергеевна.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Основными темами трех ближайших номеров журнала будут:

- ***Современный политический процесс в странах Центральной Евразии***
- ***Религия в общественно-политической жизни стран Центральной Евразии***
- ***Интеграционные процессы в Центральной Евразии***

При подготовке статей авторам следует обратить внимание на следующие пункты:

— в начале статьи должна быть выделена короткая аннотация (300—500 слов) и ключевые слова статьи;

— объем статьи должен быть не менее 3 тыс. и не более 6 тыс. слов, включая сноски;

— сноски должны быть помещены внизу каждой страницы; если есть ссылки на интернет-ресурсы, то надо указать имя автора, название материала, веб адрес и когда был осуществлен доступ, *например*, доступна — 2007-04-19;

— цитаты, имена авторов и другие сведения из англоязычных источников должны быть дублированы в скобках на языке оригинала, то есть на английском;

— статья должна быть разделена на отдельные рубрики, включая Введение и Заключение;

— к статье надо приложить краткие сведения об авторе: ФИО, ученая степень, место работы, должность, город, страна.

Все принятые статьи публикуются на русском и английском языках. Статьи должны быть представлены в редакцию на русском и английском языках, или вопросы перевода статьи нужно обсудить с редакцией в индивидуальном порядке.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И МИГРАЦИЯ

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Рашид ХУНАГОВ

доктор социологических наук, профессор,
ректор Адыгейского государственного университета
(Майкоп, Республика Адыгея, Российская Федерация)

Светлана ЛЯУШЕВА

доктор философских наук,
профессор, начальник управления аспирантуры и
диссертационных советов, профессор
кафедры философии и социологии
Адыгейского государственного университета
(Майкоп, Республика Адыгея, Российская Федерация)

Асиет ШАДЖЕ

доктор философских наук,
профессор кафедры философии и социологии
Адыгейского государственного университета
(Майкоп, Республика Адыгея, Российская Федерация)

Работа выполнена по гранту РНФ проект № 15-18-00148 «Этносоциальные процессы и межэтническая напряженность на Юге России: совершенствование аналитического инструментария и способов регулирования».

Зуриет ЖАДЕ

*доктор политических наук, профессор,
завкафедрой теории государства и права и
политологии юридического факультета
Адыгейского государственного университета
(Майкоп, Республика Адыгея, Российская Федерация)*

АННОТАЦИЯ

Актуальность заявленной темы вытекает из потребности обозначить общие рамки понятийной концептуализации феномена этнополитического конфликта на Северном Кавказе. Развитие мирового политического процесса свидетельствует о превращении этого региона в один из ключевых элементов политического и общественного устройства современного мира. Проблемы региональных конфликтов и задачи по их урегулированию постоянно присутствуют в повестке дня всех международных организаций, в том числе ОБСЕ, ООН, в резолюциях ее Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности, а также в деятельности ее Генерального секретаря. В последние годы Северо-Кавказский регион превратился в зону острейших межэтнических конфликтов, и это не могло не отразиться на социально-политической ситуации[1]*. Процесс суверенизации республик Юга России привел к сегментации социально-политического пространства региона, росту латентной и открытой межнациональной, межэтнической напряженности, которая вылилась в ряд вооруженных столкновений. События последних лет и те, которые имеют место сейчас, сказываются на социально-политической обстановке Северного Кавказа в целом. Развитие обстановки в социальной сфере Северного Кавказа показывает, что на передний план сегодня выдвинулись проблемы обеспечения безопасности и местных жителей, и отдыхающих. Кроме того, Северный Кавказ объективно втянут в абхазскую и южноосетинскую проблемы, включен в систему трансрегиональных этнополитических отношений*[2]*. Возникла прямая угроза превращения Северного Кавказа в один из центров международного терроризма и экстремизма. Потоки беженцев и социальные потрясения — вот социально-политический фон, который характеризует ситуацию общей напряженности.*

[1] См.: *Шадже А., Карабулатова И., Хунагов Р., Жаде З.* Этнополитическая доминанта в регулировании государственной безопасности в приграничном пространстве стран Кавказско-Каспийского региона // Центральная Азия и Кавказ, 2016, Том 19, Выпуск 3. С. 73—82.

[2] См.: *Ляушева С., Хунагов Р., Жаде З., Шадже А.* Фактор межэтнической напряженности на Юге России в экспертных оценках // Центральная Азия и Кавказ, 2016, Том 19, Выпуск 3. С. 104—114.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ***Северный Кавказ, этнополитические конфликты, региональная конфликтология, межэтническая напряженность.***

Введение

Генезис и эволюция конфликтов на Кавказе обусловлены накопившимися проблемами в сфере межнациональных отношений, а также факторами, способствующими их возникновению и обострению. В числе таких факторов можно выделить политические (борьба за национальное самоопределение, реабилитация репрессированных народов, территориальные споры и т.д.) и этнические, которые оказывают решающее влияние на конфликты и отражаются в требованиях и лозунгах сил, участвующих в противостоянии. Оба типа факторов тесно переплетаются, их роль и место в конкретном конфликте изменяются по мере его развития, что затрудняет их различие.

Геополитические процессы на Северном Кавказе в постсоветский период спонтанны, конфликты циклически нарастают, постепенно начинают влиять на трансграничные международные отношения, институционализируется участие в них зарубежных акторов (США, стран Европейского союза, стран Ближнего Востока, исламистских радикальных организаций).

Для Северного Кавказа приоритетами являются ликвидация очагов сепаратизма и терроризма, обеспечение территориальной целостности России. Здесь геополитика РФ должна быть направлена на активное противостояние угрозе внешнего вмешательства, безусловное сохранение российского суверенитета и территориальной целостности страны. В долгосрочной перспективе нужно ликвидировать давний очаг сепаратизма в Чечне, блокировать возможную интернационализацию конфликта и распространение идеологии религиозного радикализма. В республиках, прилегающих к очагу сепаратизма, надлежит восстановить правопорядок и обеспечить достойный уровень жизни. Необходимо поддерживать прочный военный и пограничный контроль на государственной границе, добиваясь ликвидации трансграничных анклавов поддержки террористов (в Панкисском ущелье на участке между Восточной Грузией и Чечней и т.п.).

Во внешнеполитическом аспекте, логически следующем из внутрироссийского, федеральные органы власти должны добиваться благоприятного режима черноморских проливов (вопреки амбициям Турции), лоббировать трассы Каспийского трубопроводного консорциума, а также нефтепровода Баку — Грозный — Туапсе, газопровода «Голубой поток» и другие энергетические коммуникации в пределах территории РФ. На основе действующих международных соглашений следует поддерживать российское посредничество в карабахском, осетино-грузинском и абхазо-грузинском конфликтах, использовать небольшой ныне «коридор возможностей» для сохранения влияния в странах Закавказья. Полезно восстановить Транскавказскую железную дорогу, активизировать партнерство с Арменией и Ираном, странами Центральной Азии.

При этом необходим более сбалансированный, чем сейчас, учет интересов сторон конфликтов на Кавказе, отказ от несвоевременной и необдуманной демонстрации силы. Требуется исключить возможность внерегионального военного присутствия на Каспийском море, что связано с легитимацией нового международно-правового статуса Каспия, поскольку можно с уверенностью сказать, что сегодня регион является одним из центров геополитического противоборства[3].

---

[3] См.: *Ахметова Б., Карабулатова И., Дудин П., Доржиев Ж.* Напряжение вокруг проблемы Южно-Китайского моря как фактор геополитического противоборства и трансформации современного мирового порядка // Центральная Азия и Кавказ, 2016, Том 19, Выпуск 4. С. 55—63.

Материалы и методы

Источниковая основа данного исследования включает в себя следующие виды документов:

1) законодательные акты Российской Федерации и зарубежных стран по вопросам геополитики и национальной безопасности;
2) документы политических партий (программы, предвыборные манифесты и заявления, резолюции) по проблемам геополитики Северного Кавказа;
3) материалы периодической печати (газетные и журнальные статьи, сообщения в интернет-изданиях);
4) публичные выступления политических деятелей (речи, интервью, статьи);
5) статистические материалы по проблемам экономического потенциала республик Северного Кавказа, демографии, миграции, насильственных преступлений в регионе;
6) документы религиозно-политических организаций и деятелей Северного Кавказа;
7) воспоминания и иные документы личного происхождения;
8) данные опросов.

Теоретико-методологическая база исследования включает в себя следующие уровни методов:

1) общенаучные: логико-эвристические (индукция, дедукция, анализ, синтез); дескриптивно-конкретный и абстрактно-объяснительный; определение и классификация;
2) социально-гуманитарные: анализ документов, сравнительный метод;
3) специально-научные: геополитический анализ, методики картографирования политических явлений.

Методология геополитического исследования процессов на Северном Кавказе описана в работах Э.А. Позднякова, В.Л. Цымбурского, А.Г. Дугина, Э.Н. Ожиганова. Авторский коллектив является сторонником неоевразийского подхода к осмыслению российской геополитики в регионе.

Под термином «Северный Кавказ» понимают территорию Предкавказья, включая в нее северный склон Большого Кавказа, за исключением его восточной части, являющейся частью Азербайджана. Кроме того, в состав Северного Кавказа обычно включают причерноморскую часть Краснодарского края, находящуюся к югу от Главного Кавказского хребта. Мы полагаем, что вряд ли возможна единая точка зрения на определение границ Северного Кавказа. Ранее к Северному Кавказу часто относили не только территорию Предкавказья, но и выходящие за ее пределы земли. Вместе с тем Северо-Кавказский регион, являясь составной частью России, включает в себя тринадцать административных и национально-территориальных образований: два края (Ставропольский и Краснодарский), три области (Ростовскую, Астраханскую, Волгоградскую), восемь республик (Адыгею, Дагестан, Ингушетию, Кабардино-Балкарию, Калмыкию, Карачаево-Черкессию, Северную Осетию, Чечню). Этот регион представляет собой единый уникальный этнокультурный, поликонфессиональный и социально-экономический феномен, обладающий особой значимостью для всей России.

Результаты

В числе важнейших факторов, определяющих характер этнополитических конфликтов на Северном Кавказе, можно назвать следующие.

1. ***Полиэтноконфессиональный состав населения.*** На этнонациональную ситуацию на Северном Кавказе накладывает определенный отпечаток поликонфессиональный характер населения. Народы здесь исповедуют христианство и ислам различных толков и направлений, зачастую сильно переплетенный с традиционными языческими верованиями[4]. Несмотря на длительную государственную политику вытеснения религии, ее ограничения и даже запрещения пропаганды основ вероучения, в настоящее время на Кавказе усиливается влияние религиозного фактора на этнополитические процессы, особенно в районах традиционного распространения ислама[5]. Позиции ислама, особенно в Чечне, Ингушетии и Дагестане, очень прочны, и он действительно определяет повседневную жизнь и бытовую культуру этих народов[6]. Конфессиональный фактор, внешне не всегда заметный, все же проявляется в большинстве конфликтов на Северном Кавказе. Он присутствует, например, в противостоянии России и Чечни, Осетии и Ингушетии.

   Однако происходящие в регионе конфликты носят больше этнополитический характер, чем религиозный[7]. Чаще всего религиозные лозунги используются некоторыми политическими элитами конфликтующих сторон в качестве объединяющей символики или политического прикрытия.

2. ***Территориальные притязания.*** Частые изменения административно-территориального деления в регионе, проводимые без учета реального расселения народов, массовые депортации народов и их последующее возвращение в родные места породили запутанность и произвольность административных границ, которые повсеместно не совпадали с этническими[8]. Распад СССР, значительный подъем национального движения за суверенитет и самоопределение обострили проблемы территориального размежевания народов. Так, осетино-ингушский конфликт изначально был порожден территориальным спором и лишь позже стал приобретать этническую окраску.

3. ***Жесткая иерархичность национально-государственной структуры бывшего СССР.*** Деление народов на «титульные» и «нетитульные», обладающие, соответственно, различными правами и конституционным статусом, привело к накоплению противоречий в этнополитической сфере[9].

---

[4] См.: *Хунагов Р., Шаов А., Ляушева С., Нехай В.* Традиционные адыгские стереотипы в дихотомии «межэтническая толерантность/интолерантность» как фактор эволюционного развития этносов на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ, 2016, Том 19, Выпуск 3. С. 114—122.

[5] См.: *Карабулатова И.* Характер современных этнокультурных коммуникаций на Северном Кавказе и проблема радикального ислама // Центральная Азия и Кавказ, 2016, Том 19, Выпуск 4. С. 79—87.

[6] См.: *Бетильмирзаева М., Ахтаев А., Садулаев Б., Салгириев А.* Взаимодействия религии и государства: особенности социокультурных трансформаций на примере Чеченской Республики // Центральная Азия и Кавказ, 2017, Том 20, Выпуск 1. С. 139—148.

[7] См.: Оказывается, неправильно верили? [http://maxpark.com/community/6696/content/5019450], 6 июня 2017.

[8] См.: *Вок Г.Б.* Стратегические интересы США на Кавказе. В кн.: Исторические связи народов Дагестана и Чечни. Тезисы научно-практической конференции. Махачкала: Ин-т истории, археологии, этнографии ДНЦ РАН, 2005. С. 95—99;

[9] См.: *Осипов Г., Карабулатова И., Шафранов-Куцев Г., Кононова Л., Ахметова Б., Лоскутова Е., Ниязова Г.* Последствия этнотравмы в современной ментальной картине мира у народов постсоветского пространства: межэтнический конфликтный дискурс в современном этнолингвоинформационном пространстве России // Центральная Азия и Кавказ, 2016, Том 19, Выпуск 2. С. 100—108.

Тенденции национального самоопределения проявляются в таких формах, как стремление к внутренней федерализации полиэтнических республик (Дагестан)[10], призывы к разделению бинациональных республик (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия); стремление к самоопределению вне суверенных государств (Чечня)[11], тяга разделенных народов к объединению (лезгины в Дагестане и Азербайджане).

4. ***Негативные последствия необоснованных депортаций, репрессий в отношении народов.*** С 1860-х годов царское правительство выселяло в Турцию многочисленные племена черкесов, часть чеченцев, ногайцев и других народов Северного Кавказа. Общее число переселенцев с Северного и Северо-Западного Кавказа в течение XIX века оценивается примерно в 3 млн человек. В результате кардинально изменился этнодемографический состав населения этого края[12].

   В советское время принудительное выселение и переселение народов Кавказа приобрело большой размах. На основании огульного обвинения чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы в годы Великой Отечественной войны были высланы в районы Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока. Там люди оказались без средств к существованию и жилья. Сосланные народы вымирали. Они лишались возможности развивать национальную культуру, вести обучение на родном языке и т.д. На земли депортированных народов заселялось население из других районов. Это время в сознании народов Кавказа прочно ассоциируется с тьмой[13].

   Потенциально конфликтные проблемы возникали и в связи с созданием на Кавказе бинациональных республик (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия)[14]. Эти проблемы связаны с землепользованием, с переселением на свои земли репрессированных в прошлом народов, с вопросом о разделении автономии и т.д.

   Таковы основные факторы, которые привели к накоплению противоречий в этнополитической сфере. Но обострение этих противоречий и переход их в форму открытых конфликтов — следствие «обвальных» дезинтеграционных процессов и распада СССР.

5. ***Этнополитические последствия миграции.*** Миграция усугубила ситуацию в регионе. Она не только обострила этнополитические отношения, но и усилила конкуренцию на рынке труда[15].

Если до начала 1990-х годов, например, из Дагестана больше уезжало людей, чем прибывало, то в последний период в относительно спокойную республику устремились десятки тысяч беженцев из «горячих» точек, главным образом из Грузии, Азербайджана, Чечни и Таджикистана[16]. Напряженность в этом плане может только возрасти.

---

[10] См.: *Махулова З.А.* Региональный фактор геополитических процессов в современной России (на примере Республики Дагестан). Автореф. дис. канд. полит. наук. Махачкала, 2006.

[11] *Шарапова Е.В.* Непризнанные государства постсоветского пространства и проблема идентичности: Абхазия. В кн.: Кавказский регион: пути стабилизации. Ростов н/Д: изд-во Рост. гос. ун-та, 2004. С. 237—282.

[12] См.: *Шаджe, А.Ю., Шеуджен Э.А.* Северокавказское общество: опыт системного анализа. Майкоп: изд-во Адыг. гос. ун-та, 2004.

[13] См.: *Karabulatova I.S., Ebzeeva Y.N.* Tolerance Problems in the Context of the Repressed Caucasians' Ethno-trauma Transformation as «LIGHT» AND «DARKNESS» // Terra Sebvs, 2017, No. 9. P. 270—278.

[14] См.: *Эбзеева Ю., Дубинина Н.* Дискурсивные практики современного радикального ислама в странах ЕС и Таможенного союза // Центральная Азия и Кавказ, 2017, Том 20, Выпуск 2. С. 117—124.

[15] См.: *Сейдина М., Карабулатова И., Поливара З., Зинченко А.* Современный публицистический дискурс исламских организаций Центрального федерального округа России и проблемы толерантности // Центральная Азия и Кавказ, 2017, Том 20, Выпуск 1. С. 121—131.

[16] См.: *Карабулатова И.* Влияние исламского фактора на политические процессы в современном Таджикистане // Центральная Азия и Кавказ, 2017, Том 20, Выпуск 1. С. 132—139; *Троулис М.* Кавказ в эпоху после окончания

Ощущаемой взрывоопасностью межнациональных отношений объясняется серьезная озабоченность общественного мнения этнополитическими конфликтами, обнаруживающаяся во всех опросах. Именно в этих конфликтах не без основания видят одну из самых больших угроз сохранению России.

Таблица 1

Оценка значимости этнополитических конфликтов для российского государства (*доля опрошенных, %*)

Позиция	Доля ответивших		
	согласен	не согласен	затрудняюсь ответить
Этнополитические конфликты не представляют собой большой опасности для России	13,5	55,6	12,4
Дело идет к тому, что этнополитические конфликты могут привести к развалу Российского государства	62,6	14,2	14,2

Почти 63%, то есть 2/3 опрошенных считали, что этнополитические конфликты могут привести к развалу Российского государства, и только 14% не придавали им большого значения. Однако к этим 14% респондентов следует отнестись особенно внимательно. Как ни странно это покажется, но данное суждение, хотя и избирается меньшинством и на первый взгляд противоречит очевидным фактам, гораздо более взвешено в аналитическом плане. Можно допустить, что большая часть респондентов, избравших такую оценку этнополитических конфликтов, имела в виду, что сами по себе национальные конфликты не играют решающей роли. Они лишь используются в качестве средства для решения вопросов иного характера, не выступающих на поверхность с той же очевидностью, как национальные противостояния.

При проводимых опросах стало очевидно, что большая часть населения была склонна усматривать причины этнополитических конфликтов в происках местной и центральной политических элит[17].

В целом сложившаяся ситуация на Северном Кавказе свидетельствует, что в основе конфликта лежат объективно существующие противоречия, заложенные всем ходом исторического и этнического развития этого региона. Разрешение этих противоречий и есть реальный путь устранения конфликтов на Северном Кавказе.

Дискуссия

За последние десять лет число ученых, занимающихся изучением сущности и специфики региональных конфликтов, возросло. Научный интерес исследователей и импульс к быстрому

холодной войны: от советских республик к ключевой буферной зоне // Центральная Азия и Кавказ, 2017, Том 20, Выпуск 1. С. 15—26; *Акаев В.Х., Вок Г.Б.* Кавказ в контексте геополитики. Грозный, 2006.

[17] См.: *Ostrovskaya T.A., Karabulatova I.S., Khachmafova Z.R., Lyaucheva S.A., Osipov G.V.* The Discourse of the Russian Elite in the ERA «Liquid» Modernity as a Problem of Ethnic, Social and Cultural Security // Mediterranean Journal of Social Sciences, 2015, Vol. 6, No. 3, S4. P. 147—154.

реагированию на конфликтогенные ситуации регионального уровня обусловлены перетеканием из одного региона в другой новых процессов и явлений, последствием которых стало появление новых региональных конфликтов. Такие ученые, как В.Р. Чагилов, И.В. Калинкина, А.Н. Доева, А.В. Глухова, Д.В. Доленко и др.[18], в своих трудах уделяли особое внимание анализу и изучению сущности, специфики и разновидности региональных конфликтов.

Существенной характеристикой многих миросистемных исследований остается ориентация на геополитический подход, который опирается на анализ взаимосвязи между государством, территорией и населением (Р. Челлен и др.). Так, Р. Челлен подчеркивал, что геополитика держит в поле своего зрения единство государства, способствуя тем самым пониманию его сущности, а политическая география изучает объективные природные качества территории в их влиянии на политику[19]. Геополитика трактовалась как научный анализ пространственных интересов и действий государства. Политическая география, напротив, изучала пространственные условия существования государств: размеры, взаимное расположение, границы, территориальные споры и проч. В середине XX века политическая наука стран Запада признала нарастающую роль негосударственных акторов политики (по выражению Дж. Розенау, акторов вне суверенитета — корпораций, элит, партий, лидеров). Территориальная политика превратилась из сферы монопольной активности государств и межгосударственных союзов в пространство сложного взаимодействия разноуровневых и разнородных акторов. Методологически пересмотр смысла политики привел к размыванию барьеров между геополитикой и политической географией, вызвал интерес к субнациональным и местным факторам геополитики. Интерес к ресурсным возможностям государства, с которыми связана его сила и мощь, в том числе военная, обусловил выход геополитики за пределы политической географии, усилил экономическую составляющую ее методологической матрицы (Н. Кондратьев, Ф. Бродель, И. Валлерстайн). Наконец, распад СССР и конец биполярной модели мира переориентировали геополитику на учет цивилизационных факторов (Р. Коллинз[20], А.С. Панарин[21], Н.С. Розов, С. Хантингтон, В.Л. Цымбурский).

Заключение

Сегодня в российских реалиях речь может идти не только об экономическом и политическом плюрализме, но и о плюрализме социокультурном, конфессиональном, ценностном. В связи с этим нам представляется, что возможные пути устранения этих противоречий заключаются в следующем.

1. Необходимо признать реальность пространственного плюрализма и многоукладности жизни, преодолеть страх перед призраком сепаратизма (отделения) там, где речь идет о стремлении к утверждению действительно федеративных принципов. С этой

---

[18] См.: *Чагилов В.Р.* Политические детерминанты этнорегионального конфликта: теоретико-методологические аспекты. В кн.: Региональные конфликты в контексте глобализации и становления культуры мира: Сборник научных материалов. М. — Ставрополь: изд-во СГУ, 2006.; *Калинкина И.В., Доева А.Н.* Региональная конфликтология. Ярославль, 2009; *Глухова А.В.* Политические факторы региональной конфликтологии. В кн.: Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 19. Региональная конфликтология. Конфликтогенные факторы и их взаимодействие. М., 2004; *Доленко Д.В.* Региональные конфликты в современной мировой политике // Социально-политические науки, 2011, № 1.

[19] См.: *Челлен Р.* Государство как форма жизни (Staten som lifvsform). М.: Российская политическая энциклопедия, 2008.

[20] См.: *Коллинз Р.* Макроистория: Очерки социологии большой длительности (Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run) / Пер. с англ. Н. С. Розова. М.: УРСС, 2015. 504 с.

[21] См.: *Панарин А.С.* Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. М.: Университет, 2000.

точки зрения важно учесть, что одна из важнейших сущностных характеристик демократии состоит в том, что она признает не только равенство стартовых возможностей, но и равенство способов жизнедеятельности. Поэтому необходимо признать за территориями, регионами, областями, республиками, народами право не только на разные способы производства, но и на самореализацию человеческих возможностей.

2. Урегулирование конфликтов с помощью военной силы есть свидетельство недальновидности политики и политиков нынешней России, оказавшихся неспособными усвоить важнейшие уроки XX века. Война перестала быть эффективным средством политики, цели, которые раньше достигались с ее помощью, теперь куда лучше и выгоднее для всех достигаются экономическими, технологическими, научными и другими мирными инструментами. События в Чечне еще раз подтвердили, что ни в коем случае не должно быть легковесного, бездумного обращения с войной и военной силой.

3. Необходимость формирования культуры межнационального общения. Это можно назвать и «этикой межнационального общения».

Урегулирование региональных конфликтов (чеченского, дагестанского, осетино-ингушского) на Северном Кавказе требует дифференцированных геополитических методов. В случае Дагестана полезен опыт консоциативной демократии и кантонизации территории. В Чечне требуется комплексное постконфликтное урегулирование и одновременно конструирование новой гражданской идентичности жителей республики. В осетино-ингушском конфликте постконфликтное урегулирование предполагает посредничество федеральных органов власти. Вместе с тем региональные конфликты в пределах Северного Кавказа имеют единую логику «сообщающихся сосудов» и для их урегулирования необходима геополитическая стратегия на общероссийском уровне принятия решений.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Кенан АЛЛАХВЕРДИЕВ

кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и политического управления Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики (Баку, Азербайджан)

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается сложный комплекс вопросов, возникающих на пересечении двух крайне важных и чувствительных для общества и государства сфер: процессов этнополитического развития нации и страте-

гии обеспечения национальной безопасности. В данном контексте одной из главных задач, поставленных в работе, является раскрытие различных подходов к проблеме, анализ вызовов и угроз, обусловленных влиянием глобализации на активизацию этнополитической составляющей всей проблематики и всех уровней безопасности: глобальной, региональной, национальной. Наряду с этим в статье прослеживается трансформация имеющихся в политической науке и практической политике представлений об этнополитическом измерении объекта данного исследования: сначала — переход от «растворения» этнополитических проблем в социальном секторе системы безопасности к научно-атрибутивному признанию безопасности в этнической сфере, затем — осознание необходимости теоретико-методологического обоснования и политико-правовой институционализации этнополитической безопасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ***этнополитика, этнополитические процессы, национальная безопасность, глобализация.***

Введение

События конца XX — начала XXI веков вызвали серьезные дискуссии о сущности и тенденциях трансформации стратегических основ национальной безопасности. По мнению российского исследователя В. Барановского, это определяется тремя факторами.

- «Во-первых, национальная безопасность относится к числу таких понятий, которые имеют очень широкое употребление.
- Во-вторых, оно плотно вписано в политический контекст, широко употребляется как в профессиональных и публичных дискуссиях, так и в официальных документах.
- В-третьих, вопрос о национальной безопасности затрагивает самые разнообразные области общественного развития. Он тем или иным образом соотносится и со сферой военной, и с внешнеполитической деятельностью, и с экономикой. И с проблематикой демократии и прав человека тоже — и то, и другое очень легко свернуть или ограничить, мотивируя это именно соображениями национальной безопасности»[1].

Действительно, глобализационный императив XXI века ставит перед исследователями все новые проблемы, требующие своего осмысления: анализ корреспондирующих взаимосвязей между различными видами и уровнями национальной, региональной и международной безопасности; трансформация сущностных основ национальной безопасности в контексте актуализации новых вызовов и угроз; влияние новых измерений национальной безопасности на характер и формирование конфигурации внутренней и внешней политики новых независимых государств.

В данной статье указанный проблемный ряд преломляется через призму его этнополитического измерения и актуализируется путем исследования следующих вопросов: природа современных этнополитических процессов в контексте современных угроз национальной безопасности; дискурс этнополитических аспектов национальной безопасности; основные этнопо-

[1] *Барановский В*. Национальная безопасность: концептуальные и практические аспекты // Материалы семинара «Стратегия развития». 22 апреля 2002 года. М., 2002. С. 7.

литические противоречия и наиболее актуальные проблемы обеспечения этнополитической безопасности; комплекс вызовов и угроз этнополитической безопасности в транзитных странах, формирование в них государственной политики в этнической сфере.

Этнополитические процессы и национальная безопасность

Для ответа на эти и другие вопросы прежде всего следует выяснить основные позиции данной проблемы: правомерно ли совмещать в едином контексте два столь сложных понятийных ряда — «этнополитические процессы» и «национальная безопасность» — или целесообразно рассматривать их отдельно.

Как известно, национальная безопасность представляет собой чрезвычайно сложную многоуровневую функциональную систему, в которой постоянно происходят процессы взаимодействия и противоборства жизненно важных интересов государства, общества и личности с угрозами (как внутренними, так и внешними) этим интересам. В силу этого безопасность не может выступать в качестве обособленного объекта изучения. Она имеет системный комплексный характер, позволяющий изучать разные стороны состояния и развития общества и его интересов.

В XXI веке само понимание безопасности значительно трансформируется. В традиционной трактовке национальной безопасности упор ставился,

- во-первых, на решение задачи физического выживания государства, на его право и возможности реализовать себя в международной системе;
- во-вторых, на гарантированное поддержание мира в отношениях между государствами в пределах некоего территориального и политического пространства.

На современном этапе развития международных отношений понимание национальной безопасности обрело более широкий контекст, стало объемнее, так как наряду с военно-политическими задачами безопасности возникают новые общественно-значимые — политико-экономические, социально-экологические и другие. Без их решения национальная безопасность не будет стабильной. Кроме того, изменилась и общественная среда, в которой решаются эти задачи. Если раньше у государства были две четко разграниченные сферы безопасности — внутренняя и внешняя, то ныне, в условиях глобализации, усиливается тенденция к размыванию грани между ними.

Как отмечают многие исследователи проблемы[2], при растущей глобализации и регионализации, а также интернационализации всех сторон общественной жизни (связанной с процессами интеграции) грань между внутренней и внешней безопасностью весьма условна, а многие угрозы: международный терроризм и наркобизнес, информационно-коммуникационные и техногенные катастрофы — порой трудно привязать к единому источнику. В научной литературе все больше находит свое отражение то, что анализ тенденций в сфере безопасности и прогноз на XXI век показывают, что опасности и угрозы, вызовы и риски обретают все более комплексный и взаимоувязанный характер. Одна угроза нередко влечет за собой цепочку других опасностей.

---

[2] См.: *Возженников А.В.* Национальная безопасность России. М., 2002; Общая теория национальной безопасности / Под ред. А.А. Прохожева. М., 2002; *Buzan B.* People, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. Colorado, 1991, и др.

Вопрос о сущности современных угроз и вызовов, опасностей и рисков занимает особое место в проблеме безопасности[3]. Однако в научной литературе эти понятия раскрываются пока еще недостаточно глубоко и полно. Зачастую анализ угроз национальной безопасности подменяется анализом вызовов, потенциальные угрозы не отделяются от реальных, не проработана этимология базовых понятий «угроза» и «опасность». Так, в законе Российской Федерации «О безопасности» (статья 3) дается следующее определение угрозы: «Угроза безопасности — совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства»[4]. Здесь, как очевидно из текста, понятие угроза не только оказывается близким по смыслу понятию опасность, то есть тавтологично ему, но и раскрывается через него. Несколько иная интерпретация предлагается в законе Азербайджанской Республики «О национальной безопасности», где угроза выступает как совокупность условий, факторов, процессов[5]. Различия окажутся еще большими, если обратиться к концептуальным документам по безопасности целого ряда других стран (США, Франции, Китая и др.).

В этой связи ответ на вопрос о том, нужна ли в принципе полная унификация теоретико-методологической основы исследовательского аппарата в сфере изучения безопасности, уже не столь очевиден. Сравнительный анализ показывает, что, скорее всего, унификация нужна на уровне терминологии, а в своей эмпирической части эта основа может (и должна) быть оригинальной в исследовательских и практико-политических подходах, что, безусловно, позволяет сохранять региональную уникальность, отражать своеобразную «эндемичность» реальных национальных потребностей и интересов.

Тем не менее в литературе встречаются попытки сформулировать блоки универсальных угроз для больших континентальных пространств. Так, российский исследователь А.Д. Цыганок полагает, что в XXI веке в условиях глобализации для Европы возможны следующие основные угрозы.

- Во-первых, угроза со стороны так называемого «международного терроризма» носит очевидный характер и является основной на сегодня.
- Во-вторых, замороженные конфликты (Приднестровья, Южного Кавказа), нерешенные балканский и арабо-израильский конфликты. Нерешенность территориальных проблем, вопросов территориальной целостности, как в Европе (Дания — Люксембург, косовский конфликт), так и на ее границах (Грузия, Армения, Азербайджан), в Центральной Азии (Узбекистан, Таджикистан).
- В-третьих, не меньшую опасность представляет распространение ОМП, существование нежизнеспособных государств и организованная преступность.
- В-четвертых, все возрастающая угроза со стороны КНР, в частности наличие спорных участков границы между РФ, Индией, Казахстаном, Вьетнамом, Тайванем и Китаем.
- В-пятых, очаги напряженности на Ближнем Востоке, связанные с угрозой возможных несанкционированных пусков одиночных ракет, в том числе с ядерными боеголовками с территории КНДР, Ирана, Пакистана.

---

[3] Наряду с указанными ранее авторами, см. также: *Росс Э.Л.* Теория и практика международных отношений: аналитические взгляды. Ньюпорт, 1997; *Цыганков П.А.* Международные отношения. М., 1996; *Job B.L.* The Insecurity Dilemma: National, Regime, and State Securities. 1992; *Terriff T., Groft S., James L., Morgan P.* Security Studies Today. Cambridge UK, 1999 и др.

[4] Закон РФ о безопасности (в редакции закона от 1992 г.) [www.scrf.gov.ru].

[5] См.: Закон Азербайджанской Республики «О национальной безопасности» // Журнал «Ганун», 2004, № 9 (125) (на азерб. яз.).

- В-шестых, угроза ввода иностранных войск (в нарушение Устава ООН) в сопредельные государства.
- В-седьмых, угроза со стороны тоталитарных режимов, непредсказуемость которых будет постоянно создавать напряженность.

Среди множества невоенных угроз для Европы наибольшую опасность, по мнению автора, представляют: новые приграничные угрозы (наркотрафик, незаконная миграция и др.), угрозы безопасности трубопроводным и энергетическим системам, угрозы в информационной сфере[6].

Другой, более широкий, подход обозначен А.И. Уткиным. По его мнению, современные вызовы глобализации выступают в виде пяти мощных сил, которые ведут мировое сообщество к новому состоянию: фиксация однополярности, глобализация мировой экономики, ослабление государств-наций, поиски цивилизационной идентичности, восстание бедного большинства мирового сообщества[7].

Безусловно, возможны и другие комбинации стратегических угроз, тем более их модификации, адаптированные к субконтинентальным, региональным и национально-государственным пространствам. Но практически во всех из них в ряду геополитических констант важное место занимают те, что связаны с этнической (национальной) дифференциацией населения планеты в целом и отдельных стран. Дело в том, что как в геополитике, так и в общей теории безопасности главными акторами выступают государства, существующие де-юре или де-факто, а также лишь становящиеся таковыми. Они являются целостным и относительно самостоятельным (а то и самодовлеющим) организмом со своими интересами, ценностями и устремлениями.

Между тем не только направленность, сила и содержание интересов и устремлений государств, но и само их возникновение, укрепление и разрушение во многом обусловливаются национальными и этническими факторами. Вот почему государственное конституирование этнических, национальных общностей выступает как одна из общих тенденций создания, функционирования и развития суверенного национального государства, то есть является системным этнополитическим процессом.

Отметим, что под этнополитическим процессом следует понимать взаимодействие достаточно больших групп населения, каждая из которых характеризуется, с одной стороны, определенно артикулированной этнической идентичностью, с другой — определенными (реально наличествующими или желаемыми) институтами суверенитета. Таким образом, выражаемые этими группами этнические требования немедленно трансформируются в политические (расширение суверенитета), а политические, экономические или гуманитарные требования обретают этническую окраску, при их реализации используются механизмы этнической мобилизации и т.п.[8]

Общий обзор состояния этнополитических процессов, очевидно, не может быть полным без рассмотрения некоторых тенденций их стратегического развития. Сегодня в стратегии этнополитического развития народов бывшего СССР вырисовываются три основных сценария.

- В первом случае речь идет о гипертрофированной самодовлеющей роли этнического фактора в социальном, политическом развитии жизни современных народов. Безус-

---

[6] См.: *Цыганок А.Д.* Новые угрозы для Евроазиатского континента в условиях глобализации. Институт развития гражданского общества и местного самоуправления [http://c-society.ru/main.php?ID=234053&ar2=30&ar3=14]; *Он же*. Новые угрозы и опасности XXI века для Евроазиатского континента. М., 2004.

[7] См.: *Уткин А.И.* Геоструктура XXI века // Независимая газета, 1 сентября 2000.

[8] См.: *Драгунский Д.В.* Этнополитические процессы на постсоветском пространстве и реконструкция Северной Евразии // Полис, 1995, № 3. С. 40.

ловно, этнизация общественной и политической жизни (даже без экстремизма) неприемлема как для перспектив развития наций-этносов, так и для формирования всего многонационального государства.

- Во втором сценарии наблюдается тенденция к унификации жизни народов, их максимальной ассимиляции и растворению в «титульном» этнокультурном пространстве — подход, не так давно считавшийся наиболее приемлемым и перспективным (например, путь создания советского суперэтноса), что частично привело к политизации национального самосознания этносов и отдельных индивидов, тем самым воспроизводя межэтническую конфликтность.
- В исторически сложившихся условиях у народов постсоветского пространства есть наиболее предпочтительный третий сценарий развития этнополитических процессов — путь этнополитической интеграции различных наций и становление многонационального народа в новых независимых государствах.

Таким образом, очевидно, что вопросы политического характера этничности, в частности этнических факторов проблем национальной безопасности представляют не только теоретический, но и сугубо практический интерес. В последнее десятилетие в научном обиходе и в политической лексике все шире и активнее используют новые словосочетания, в которых безопасность формулируется в рамках крупных отраслей (сфер) деятельности, являющихся ее объектами: экономическая, экологическая, социальная, технологическая, информационная, продуктовая, топливная, коммуникационная, санитарная и другие виды безопасности. В этой связи перед исследователями и политиками встает вопрос-дискурс: по каким критериям и в каких дефинициях характеризовать роль этнического фактора в системе национальной безопасности: «этнополитические аспекты национальной безопасности», «безопасность в этнической сфере» или же «этнополитическая безопасность»?

Безопасность и этнополитика: модели измерения

Средства массовой информации пестрят сообщениями из ведущих мировых исследовательских центров, в которых прогнозируется в XXI веке дробление национальных государств на этнические микрогосударства. С другой стороны, в эпоху глобализации многое свидетельствует и о том, что, образно говоря, стертая в мелкую этническую пыль государственность будет заменена глобальным управлением невидимого мирового правительства. По всей видимости, в стороне от этого процесса не останутся ни США, ни Россия, ни страны Европы, ни какие-либо иные.

Это вызывает все большее накопление «горючего» материала для кровопролитных конфликтов, когда ключевой проблемой для национальной безопасности большинства государств мира становятся межэтнические конфликты. Так, в Стратегии национальной безопасности США американские аналитики с тревогой отмечают: «С глобализацией приходят и риски. Во многих важных регионах мира государства-изгои и межэтнические конфликты несут угрозу региональной стабильности и прогрессу»[9].

Но правомерно ли списывать взрыв этнического активизма лишь на «издержки» становления глобального мира? Думается, глобализационные процессы здесь выступают в качестве катализатора, а не первопричинами этнических конфликтов.

[9] A National Security Strategy for a New Century. Introduction. The White House. December 1999. P. 1.

Прежде всего отметим, что в их возникновении можно выделить по меньшей мере два основных уровня: внутренний и внешний. Внутреннее измерение проблемы заключается в активном включении в политический процесс акторов-этносов, то есть возникновении этнополитического процесса.

Внешний аспект проявляется в том, что межэтнические конфликты одновременно являются и геополитической проблемой (к примеру, международно-каузальное значение имеет конфликт в Косове). Не случайно большинство правительств, втянутых в круговорот этнических конфликтов, часто пытаются объяснить их причины иностранным вмешательством во внутренние дела этих государств (действительным или мнимым).

Опыт мировой истории наглядно показывает необыкновенную легкость перехода зародившегося этнополитического конфликта из ненасильственной стадии в вооруженную. Так, по подсчетам английского социолога-международника Э. Луарда, с 1400 года по настоящее время примерно половина случившихся в мире вооруженных конфликтов произошла между государствами. За четыре же послевоенных десятилетия из 127 «значительных» войн лишь 37 относились к категории международных. По данным Дипломатической академии МИД РФ, удельный вес собственно международных насильственных конфликтов, происшедших в 1945—1989 годах, еще меньше: лишь 22 (из 147) крупных вооруженных конфликтов имели исключительно межгосударственный характер, а остальные — преимущественно внутригосударственный[10].

Причины этнополитических конфликтов коренятся прежде всего в самой природе и объективной среде функционирования этнонациональных общин, когда несовпадение естественных географических границ расселения этнических общностей с политическим делением мира превращает пространства конституирования государств-территорий в арену борьбы за формирование национальных (этнических) государств и провоцирует связанные с этим этнические движения и конфликты.

В современном мире живет 3—5 тыс. этнических групп, причем общая численность этнических меньшинств значительно выше, поскольку многие этносы расселены в ряде стран. Так, численность каждого из 269 этносов превышает 1 млн чел., 90% наций и народностей входят в состав многонациональных государств. Такое многообразие не прибавляет стабильности в современном мире. Напомним, 99 стран в мире имеют 291 этническое меньшинство с «фактором риска». В качестве показательного примера возьмем данные по обзору государств, участвовавших в вооруженных конфликтах в 1988 году: из 111 таких конфликтов, проходивших во всем мире, 63 были внутренними, а 36 определялись как «войны, связанные с государственным устройством», то есть конфликты правительства с оппозицией, требующей автономии для определенной этнической общности или региона. Организованные с помощью государства акты уничтожения членов этнических или политических групп приносят больше людских потерь, чем все другие формы конфликтов вместе взятые[11]. Более того, по выражению исследователя-конфликтолога Э. Хендерсона, этнический конфликт — один из «величайших убийц в мире». По сведениям исследователя, более 26 млн вынужденных переселенцев спасались бегством в 50 основных этнических конфликтах, имевших место в 1993 и 1994 годах, а на каждом из этих конфликтов лежит ответственность за гибель в среднем 80 тыс. чел. Кроме того, 32% всех международных кризисов, происходивших с 1918-го по 1988 год, демонстрируют этнополитическое измерение[12].

---

[10] См.: Общая и прикладная политология / Под общ. ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова. М.: МГСУ; Изд-во «Союз», 1997. С. 195.

[11] См.: *Медведева М.А*. Этнополитический конфликт как фактор угрозы международной безопасности. В кн.: Философия XX века: школы и концепции. Научная конференция к 60-летию философского факультета СПбГУ, 21 ноября 2000 г. Санкт- Петербург, 2001. С. 156.

[12] См.: Там же.

Таким образом, само существование классических многонациональных государств со всеми атрибутами этнополитики (экономическая потребность в границах, этничность как статус и т.п.) вызывает к жизни объективную общественно-историческую потребность в их «преодолении», то есть в планетарном униформизме. С другой стороны, глобализация содержит в себе также огромный потенциал саморазрушения — ускоряет мощные этномиграционные потоки, вследствие чего возрастает этническая мозаичность большинства стран мира, даже ранее относительно гомогенных. В результате, в таких государствах на передний план выходит значительный ряд этнополитических проблем:

— обостряются отношения между «титульными» и «нетитульными» народами, а также так называемым «Центром» и этническими регионами, анклавами;

— усиливается этнический редукционизм, рассматривающий все процессы политического, социально-экономического и культурного развития сквозь призму этнонациональной идентификации;

— усугубляются этнонационализм и этнорегионализм;

— актуализируются права и статус этнических меньшинств;

— отмечается «смещение» акцента с политико-гражданской идентификации людей к этнической и т.д.[13]

Межэтнические конфликты и войны не имеют ни территориальной, ни социально-политической локализации. Они не являются исключительным продуктом определенного исторического периода или конкретного геополитического организма. При этом следует согласиться с мнением исследователей, которые полагают, что пока концепция общей безопасности недостаточно учитывает значение этнополитической безопасности[14].

В этой связи возникает вопрос: как же правильно на уровне предметной дефиниции характеризовать этнополитическое измерение национальной безопасности: как проблему обеспечения безопасности в этнической сфере или как проблему защищенности от угроз объектов в самостоятельной сфере — этнополитической безопасности?

Однозначного ответа на этот вопрос в научной литературе пока нет. Вопросы, находящиеся на стыке этнополитики и национальной безопасности, сложны не только по существу, в значительной степени их решение затруднено переплетением различных сфер общественной жизни и исследовательских подходов (терминологических, методологических и др.).

Так, согласно сторонникам конструктивистского (постмодернистского) подхода, этничность — специфическая характеристика основных сфер общественной жизни (политической, экономической, духовной и др.), существует в них и проявляется через них, поэтому не выступает в качестве самостоятельной субъектно-объектной сферы. Базовым постулатом здесь можно считать «тезис о фактическом отсутствии в природе этнического как такового и вытекающее из этого сведение этничности к рукотворному артефакту либо формируемому индивидами в процессе создания собственной когнитивной картины социального мира»[15]. В данном контексте даже острейшие формы этнополитических конфликтов сводятся к различным комбинациям «привычных» социально-политических, экономических и иных причин. В категоричной форме данный подход проявляет себя в жестком исключении этнического фактора из числа детерминант национальной безопасности: «К основным компонентам национальной

---

[13] См.: *Аллахвердиев К.* Кавказ: между «молотом» глобализации и «наковальней» этнополитики // Кавказ & Глобализация, 2007, Т. 1 (2). С. 11—12.

[14] См.: *Панарин С.* Безопасность и этническая миграция в России // Проблемы безопасности. М., Московский центр Карнеги. Pro et Contra, 1998, Т. 3, № 4. С. 9.

[15] *Рыбаков С.Е.* Философия этноса. М., 2001. С. 18.

безопасности относятся военная, экономическая, социальная, экологическая, информационная безопасность»[16]. Соответственно, в этом случае и в понятийно-предметном плане целесообразней говорить об этнополитических (этнических) аспектах, факторах, проявлениях проблем безопасности в традиционных институтах и сферах жизни общества[17].

Оппоненты данного подхода, нашедшего свое отражение прежде всего в теории примордиализма, исходят из очевидного, на их взгляд, факта о бесспорности реального функционирования комплекса этнических отношений, этнической жизни в целом, вместе с сопряженными с нею свойствами (этническая история, психология, менталитет и т.д.) в качестве особой социальной субстанции — этнической сферы. Поскольку здесь речь может идти о «реальном существовании этнической субстанции, которая активна и порождает из себя этнически окрашенные социальные феномены»[18], то в своих крайних проявлениях, примордиалисты приходят даже к выводу, что «абсолютно только существование нации, этноса, а все остальное относительно»[19]. С учетом того, что в последние десятилетия демонстрация этнической идентификации и политизации этничности приобрела во всем мире угрожающий и самодовлеющий характер, то и внимание исследователей, по мнению сторонников данного подхода, необходимо сосредоточить на изучении проблем безопасности непосредственно в этнической сфере. Именно поэтому наиболее последовательные авторы данного направления предлагают выделить новый, особый сегмент в структуре национальной безопасности — этнополитическую безопасность.

Показательна в этом плане ускоренная смена акцентов в тематике и предмете научных дискуссий. Так, в отличие от предшествующих лет, когда доминировал постмодернистский подход в понимании взаимосвязи этнополитики и безопасности, научно-практическая конференция, проведенная по этой проблеме (Краснодар, 2003 г.) была уже обозначена как «Этнополитические аспекты безопасности в конфликтных очагах и зонах потенциальной напряженности на Кавказе и в Сибири»[20]. Тенденцию смены приоритетов в российской политической науке продолжила состоявшаяся в октябре 2007 года в Махачкале Всероссийская научная конференция, посвященная 15-летию Регионального центра этнополитических исследований (РЦЭИ) Дагестанского научного центра Российской академии наук. Эта конференция, первоначально анонсированная как итоги проекта «Этнополитическая стабильность Юга России в условиях глобализации»[21], была проведена под названием «Этнополитическая безопасность Юга России в условиях глобализации». То, что это не просто замена одного названия другим, более удачным, думается, понятно даже не специалистам. Более того, на основе полипарадигмального синтеза на конференции была предпринята попытка сформулировать категориаль-

---

[16] *Жаде З.А.* Национальные интересы и безопасность России в контексте геополитики. В кн.: Политологические, этнополитические и культурологические науки, 2005. С. 60. [http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2005.2/123/jade2005_2.pdf].

[17] См.: *Медведева М.А.* Указ. соч. С. 156—158; *Молчанов Н.А.* Термины и определения, используемые специалистами зарубежных стран при разработке проблем национальной безопасности // Стратегическая стабильность, 2000, № 3 [http://www.sipria.ru/ss20_03.html]; Общая теория национальной безопасности; *Белов П.Г.* Категории и методы национальной безопасности. М., 2002; *Ипполитов К.Х.* Идеология национальной безопасности. М.: РСПБ, 1997; *Бовш В.И.* Национальная безопасность и историческое сознание нации. М., 2002; *McSweeney B.* Security, Identity and Interests. A Sociology of International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

[18] *Рыбаков С.Е.* Нация и национализм. М., 2001. С. 8.

[19] *Абдулатипов Р.Г.* Парадоксы суверенитета. Перспективы человека, нации, государства. М.: Славянский диалог, 1995. С. 31.

[20] См.: Этнополитические аспекты безопасности в конфликтных очагах и зонах потенциальной напряженности на Кавказе и в Сибири. Конференция. Краснодар, 23—26 октября 2003 // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики [http://www.intertrends.ru/three/014.htm].

[21] См.: Этнополитическая стабильность Юга России в условиях глобализации (рук. д. филос. н. А.-Г.К. Алиев, к. филос. н. Г.И. Юсупова, РЦЭИ ДагНЦ РАН) [http://adaptation.iea.ras.ru/reports/2006/subprogramme.pdf].

ное определение этнополитической безопасности как системы мер, направленных на профилактику, предотвращение, разрешение конфликтов (межэтнических, социальных, политических, межконфессиональных и внутриконфессиональных) путем достижения паритета интересов индивидов, этнонациональной и социальной общности, социума, многонационального народа и государства в целом[22].

По нашему мнению, ответ на вопрос о правомерности того или иного из вышеуказанных подходов целесообразно отложить, поскольку это требует развернутого анализа обоих подходов, что представляется невозможным в ограниченных рамках данной статьи. В самой общей форме лишь отметим, что этнополитическую безопасность (в силу сущностной сложности и многосоставности лежащего в ее основе объекта) нельзя сводить к набору относительно простых положений-тезисов, заимствованных из этнополитологии и теории национальной безопасности.

В сжатом виде суммарный результат анализа научной литературы по указанной проблеме, по нашему мнению, можно раскрыть в следующих положениях.

- Во-первых, используемая в этой сфере терминология (в том числе указанные выше «этнополитические аспекты национальной безопасности», «безопасность в этнической сфере», «этнополитическая безопасность» и другие), очень часто не носит в логико-понятийном отношении строго научного характера, а больше представляет собой некие привлекательные лингвосемантические обороты, и, соответственно, нуждается в более глубокой категориальной разработке.
- Во-вторых, образование наций и национальных государств, безусловно, процесс исторический, истоки которого лежат в глубине веков. Однако столь же бесспорно, что с начала XX века идет непрерывный процесс ускорения динамики нациеобразования. Так, если ныне существует около 200 государств, то в 1910 году их было 15, а каждая новая эпоха геополитических потрясений (Первая и Вторая мировые войны, крах колониальной системы и мирового социализма) лишь придает этому процессу дополнительный стимул. В результате в современном мире объективно увеличивается количество разделительных линий между государствообразующими народами-нациями и этническими меньшинствами. При этом нельзя считать корректным подход, согласно которому, «те, кто не имеет и не имел своей государственности, не могут претендовать на статус нации до тех пор, пока данное положение не изменится в силу очередного исторического курьеза. Здравая национальная политика должна всячески избегать этих курьезов, чтобы нынешние нации сохранялись, а новые не появлялись на свет»[23].
- В-третьих, анализируя этнополитические процессы в контексте глобализации, нельзя сосредоточиваться на конфликтосодержащих факторах и процессах (в том числе мы говорим о праве на самоопределение). Как с теоретической, так и с практической точки зрения (особенно) намного продуктивнее сфокусироваться на изучении путей упреждения этих процессов и — как альтернатива — на формировании новых транснациональных мультиэтнических образований. Такой подход будет понятен, если учесть, что глобализация протягивает коммуникационную «паутину» взаимозависимостей и взаимопроникновения не только и не столько между национальными го-

[22] См.: Этнополитическая безопасность Юга России в условиях глобализации. Всероссийская научная конференция. Региональный центр этнополитических исследований (РЦЭИ) Дагестанского научного центра РАН (октябрь 2007 г.) [http://kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1199967.html].

[23] Национальные меньшинства в судьбе государства [http://www.vtk.interro.ru/].

сударствами, сколько поверх существующих между народами границ и барьеров, объединяя тем самым различные этнические идентичности в глобальную общность на новом цивилизационном уровне. Отметим лишь, что во многих футурологических сценариях будущего этносов ясно просматривается ослабление факторов-детерминантов формирования наций, их характерных признаков, соответственно, и деактуализация принципа этнического самоопределения, особенно экстремальных форм его реализации.

- В-четвертых, вызовы и угрозы глобализации уже сегодня ставят практически все народы (как сформировавшие собственные государства, так и остальные) перед дилеммой: либо сохранение этнической идентичности в ее исторической данности, либо поиски новой формулы гармонизации этносоциального содержания. В обозримом будущем необходимость такого выбора лишь ожесточится: современные тенденции мирового развития указывают, что в конечном счете именно от него будут зависеть исторические судьбы народов, их органичная «вплетенность» в глобальную цивилизацию. Межэтнические конфликты все очевиднее перерастают в международно-геополитическую проблему. Их решение так или иначе затрагивает многие страны и народы, в том числе находящиеся за пределами государств, в которых зародился и развертывается этнополитический конфликт. А это значит, что ни одна страна мира, тем более с полиэтничным составом населения, не может позволить себе игнорировать этнические проблемы и противоречия в контексте обеспечения своей национальной безопасности.
- В-пятых, ни одно из теоретических направлений в изучении этнических отношений и этнической политики не является в настоящее время доминирующим и общепризнанным. Эта методологическая неопределенность еще более возрастает при попытках применить к этнической сфере методики и инструментарий других наук, в частности теории национальной безопасности, или междисциплинарных инноваций. Поэтому, наверное, прав Л. Деспрес, когда пишет, что различные теоретические парадигмы могут по-разному описать процессы, происходящие в сфере этнических отношений, поскольку одним и тем же ситуациям приписывают свои специфические значения[24].
- В-шестых, углубляется противоречие между международно-правовыми нормами, устанавливающими рамки государственного суверенитета, и процессами глобализации, создающими основу для вмешательства международных организаций, включая региональные, во внутригосударственные дела, в том числе в связи с межэтническими конфликтами. А это, в свою очередь, вызывает обвинения в адрес государств мира и международных наднациональных акторов в неоимпериализме, борьбе за передел мира, «двойных стандартах» и т.д. При этом перекрестное поле, складывающееся на стыке этничности и безопасности, характеризуется, с одной стороны, многомерностью возникающих при этом новых системных свойств, с другой — переосмыслением совокупности действительно национальных интересов и, соответственно, выстраиванием качественно новой иерархии долгосрочных и среднесрочных целей их реализации.
- В-седьмых, большую часть XX века в политической литературе применительно к этнической сфере категория «безопасность» использовалась мало. При этом в западной

[24] См.: *Деспрес Л.* К разработке теории этнического феномена // Этнос и политика: Хрестоматия. М., 2000. С. 27—28.

литературе в понятие «этнос» вкладывали преимущественно смысл «народный», а собственно национально-этнические качества социально-исторических общин раскрывали через категорию «этничность». В советской научной литературе (затем и в постсоветской) придерживались несколько иных парадигмальных приоритетов, поскольку усилиями этнологической науки здесь понятие «этнос» получило широкое признание у научной и политической элит. Однако и в западной, и в советско-российской научных школах этносы, образно говоря, были «растворены» среди доминантных социально-исторических общностей: классов (марксизм), слоев населения (теория стратификации), государств (идеология этатизма), различных тоталитарных и идеологических конструкций. В этот контекст вполне логично вписывается и тот факт, что в отчете по Индексу человеческого развития (ИЧР), опубликованном в 1994 году Программой развития ООН, среди основных аспектов безопасности человека (экономической, политической, продовольственной, экологической, безопасности здоровья, личной) указывались угрозы и такому ее виду, как *общественная и культурная безопасност*ь, вызывающие разрушение традиционных общностей: семьи, общины, организации, этнической группы. Эти деструктивные тенденции не поддаются точному количественному измерению, но по силе разрушительного воздействия могут вызвать катастрофические последствия[25]. Фактически в документе не было ни слова об этнополитической безопасности, близких или тождественных ему понятиях, категориально отражающих защищенность от внешних и внутренних угроз совокупности этнических отношений в определенном территориально-политическом ареале. По сути, это также еще одно свидетельство тому, что кровопролитные этнополитические конфликты конца XX века оказались достаточно неожиданными для мирового сообщества, показали его неготовность к преодолению проблем, обусловленных процессами этнической консолидации и мобилизации. Эти процессы вызвали и трансформацию представлений о философии этнической безопасности в эпоху глобализации. Через 11 лет в докладе ПРООН за 2005 год ее авторы признаются, что недооценили зарождавшиеся угрозы, и ставят вопрос о «необходимости нового определения безопасности и построения коллективной безопасности». Как отмечается в докладе, «в течение значительной части XX века конфликт с применением насилия был результатом разрыва отношений между государствами. Сегодня насильственный конфликт — прежде всего результат неспособности государств предотвратить, обуздать и решить конфликты между различными группами»[26]. Хотя и в этом документе дипломаты из ООН продолжают лавировать между Сциллой «территориальной целостности» государств и Харибдой «права народов на самоопределение», сложившиеся угрозы безопасности вынуждают их поддержать выводы Международной комиссии по интервенции и государственному суверенитету: «В плане безопасности когерентная и мирная международная система будет с гораздо большей степенью вероятности создана путем сотрудничества эффективных государств... нежели в среде хрупких, распадающихся, фрагментарных или вообще хаотичных государственных образований»[27].

---

[25] Цит. по: *Биктимирова З.З.* Безопасность в концепции развития человека // Общественные науки и современность, 2002, № 6. С. 139—140 (см. полный текст Доклада о развитии человека 1994 года [http://hdr.undp.org/en/media/hdr_1994_en.pdf]).

[26] Доклад о развитии человека 2005 года. Программа развития ООН. Глава 5. С. 181 [http://www.un.org/russian/esa/hdr/2005/hdr05_ru_chapter_5.pdf].

[27] Там же. С. 182.

Таким образом, в политических науках и в политической практике конца XX — начала XXI веков прослеживается трансформация имеющихся представлений об этнополитическом измерении объекта данного исследования:

1) не увенчавшиеся успехом попытки «растворения» этнополитических по своей природе проблем в социальном или культурном секторе системы безопасности, выраженные в нейтральной научной формулировке «этнополитические аспекты национальной безопасности»;
2) переход к научно-атрибутивному признанию функционирования институтов защиты национальных интересов в этнической сфере — «безопасность в этнической сфере»;
3) осознание необходимости теоретико-методологического обоснования и политико-правовой институционализации «этнополитической безопасности» как составной части системы национальной безопасности.

Сегодня, в эпоху глобализации, порождаемых ею надежд и страхов, времени трансформации каузальной основы сотрясающих мир конфликтов, по сути, назрела необходимость смены теоретико-методологической парадигмы в осмыслении этнополитических процессов и формирования нового исследовательского поля. На наш взгляд, эту парадигму можно раскрыть в виде корреспондирующей связи между экзистенциональной характеристикой этнической сферы и интегративной природой безопасности. Исследование различных типов коррелирующих связей между ними позволит определить этнополитическое измерение безопасности (на всех его уровнях и структурных видах), выраженное в количественных и качественных параметрах. С этой точки зрения этнополитическая безопасность представляет собой многомерную и многоуровневую функциональную систему, в которой трансляция действительных национальных интересов, осуществленная средствами этнополитической агрегации и артикуляции, выступает необходимым условием оптимизации процесса модернизации полиэтничного общества.

Заключение

В связи с существующей в современном мире системой вызовов и угроз глобализации обеспечение безопасности в этнополитической сфере все больше обретает значение ключевого фактора во всей системе национальной безопасности. Оно направлено на оптимизацию режима межэтнического взаимодействия, на повышение адаптивных возможностей этносов к происходящим социально-экономическим и политическим изменениям как одного из основополагающих факторов защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства.

Следует отметить, что современные теоретические подходы к национальной безопасности отличаются неопределенностью во взглядах на безопасность и недооценкой ряда методологических аспектов формирования стратегии национальной безопасности, исключающей единый алгоритм мышления в принятии стратегических решений и реализации деятельности в сфере безопасности. Особое место в этом плане занимает преодоление в политической науке доминантной до последнего времени определенной «табуированности» этнополитической проблематики в контексте парадигм национальной безопасности. Поэтому можно сделать вывод, что назревшей потребностью современного этапа развития политической науки и складывающейся политической практики должно стать отражение трансформации каузальной основы конфликтности глобализирующегося мира (от преимущественно межгосударственных

конфликтов к преимущественно внутригосударственным). Все это делает императивным как смену теоретико-методологических парадигм в осмыслении этнополитических процессов, так и формирование на этой основе нового исследовательского поля, расположенного на стыке взаимосвязи этнополитики и безопасности.

Таким образом, теоретико-методологическая и прикладная разработка этнополитического измерения национальной безопасности позволит сформулировать четкую государственную политику в этнической сфере, выраженную в категории «этнополитическая безопасность». Следует также отметить, что для ее реализации (при всех вариантах позитивной этнической политики) жизненно важна нейтрализация попыток использовать этническую идентичность в целях политической мобилизации. Не менее важно также предотвращение этнических конфликтов как способов выхода из стадии жесткого этнополитического противостояния, включая создание различных моделей и программ преодоления его последствий. Главная задача этой политики — оптимизировать работу наличных государственных и общественных институтов или создавать новые структурные элементы, с тем чтобы нейтрализовать угрозы для этнополитической безопасности со стороны развивающихся этносоциальных процессов.

ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИЯ И ВООБРАЖЕНИЕ ЭТНИЧНОСТИ: КАРТВЕЛИЗМ КАК ИЗОБРЕТЕННАЯ ТРАДИЦИЯ

Максим КИРЧАНОВ

доктор исторических наук,
доцент кафедры регионоведения и экономики
зарубежных стран факультета международных отношений
ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет»
(Воронеж, Российская Федерация)

АННОТАЦИЯ

Автор анализирует проблемы картвелизма как изобретенной политической традиции в современной Грузии. В этой статье реализована попытка использовать инвенционистские подходы для изучения истории и современных тенденций развития грузинского национализма и грузинской идентичности. Методологически статья основана на принципах, предложенных в 1983 году британскими историками Эриком Хобсбаумом и Теренсом Рэйнджером в их классической книге «Изобретение традиций». Автор полагает, что картвельский миф стал важной и влиятельной интеллектуальной традицией, элементом культурных практик и социальных стратегий. Автор

анализирует различные формы картвелизма как изобретенной политической традиции, включая язык и идеи национальной миссии. Автор утверждает, что средняя школа и высшее гуманитарное историческое и филологическое образование стали важными каналами развития и актуализации картвелизма как изобретенной традиции. Централизованная система изучения, преподавания и популяризации грузинского языка, истории и литературы как основ этнической идентичности содействует регулярной актуализации картвелизма как изобретенной политической традиции в современной Грузии.

Грузинский язык, история и литература, актуализация их картвельского характера являются важными звеньями в системе развития политических изобретенных традиций, которые грузинские интеллектуальные и политические элиты используют для развития идентичности Грузии как одновременно грузинской политической и картвельской этнической.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ***Грузия, картвелизм, этничность, изобретенные традиции, модернизм, инструментализм, иструментализация этничности.***

Введение

Современные политические нации, которые символизируют государства Европы в частности и западного мира в целом, есть продукты крайне непродолжительной истории социальных, политических, экономических и культурных трансформаций, которые охватили Европу в XVIII веке и превратили традиционные аграрные и преимущественно рурализированные группы в политические сообщества, воображаемые сообщества наций и наций-государств. Процессы социальных и культурных трансформаций были универсальны, но их политические темпы и скорости в различных регионах и периферия Европы, включая географические центры и углы, были различны и неравномерны. Страны первичной модернизации сосуществовали с государствами вторичной модернизации, где процессы трансформации традиционных групп в нации были более медленны. Грузия принадлежит к числу тех стран, которые стали видимы на политической карте Европы позднее, чем другие национальные государства.

Актуальность

Политическая история современной Грузии, с одной стороны, принадлежит к числу актуальных проблем в российской историографии. Однако число работ российских авторов о современной истории Грузии, грузинской идентичности и национализме крайне незначительно. Историографические провалы и лакуны заполняются переводными текстами с английского и других европейских языков, но эти попытки популяризации Грузии, грузинской истории и культуры не улучшают ситуацию. С другой стороны, актуальная политическая история Грузии обеспечивает историков несколькими примерами удачных политических реформ. Успехи грузинских реформ делают грузинский опыт релевантным для других постсоветских государств. Поэтому Грузия будет в центре авторского внимания в этой статье.

Формулировка проблемы

Развитие грузинского политического и этнического национализма имеет значительные особенности, которые позволяют выделять грузинский случай национального строительства и развития нации среди других трансформаций традиционных сообществ в нации-государства. Автор полагает, что будет логично анализировать основные стратегии и векторы националистических трансформаций Грузии в русле модернистских и конструктивистских подходов, которые формируют наиболее влиятельные теории национализма в современных междисциплинарных гуманитарных исследованиях.

Этническая уникальность и устойчивые традиции артикуляции этнических оснований современной политической нации — в числе главных особенностей истории грузинского национализма. С одной стороны, грузинский национализм, как другие европейские национализмы, которые конструировали свои нации, вообразил и изобрел грузинскую политическую нацию и трансформировал Грузию из традиционного гетерогенного сословного общества в современное государство-нацию. С другой стороны, грузинский национализм, как и армянский, греческий или еврейский национализм, принадлежит к числу тех национализмов, которые имеют визуальные яркие этнические основания. Грузинская политическая нация как модернистский конструкт и воображенное сообщество коренится в политизированной традиции народной этничности, поскольку националисты-интеллектуалы изъяли этнические особенности и атрибуты из контекстов гетерогенных народных культур, ревизировали, переосмыслили их и превратили в изобретенные традиции как формальные или неформальные институты картвельской этничности.

Цели и задачи статьи

Автор статьи попытается проанализировать одновременно тактики и стратегии, которые грузинские интеллектуалы используют для артикуляции различных форм картвельской идентичности или коллективных представлений о ней. Автор покажет, как изобретенная традиция картвельской этничности существует в различных социальных, культурных и политических дискурсах современной Грузии. Эта статья имеет несколько целей, включая анализ артикуляции картвельской этничности как основы грузинской идентичности в среднем и высшем гуманитарном образовании, воспроизводстве народных и этнизированных форм культуры, сочетании секулярных и религиозных трендов в механизме постоянного воспроизводства этничности.

Историография

Проблемы картвелизма в контексте изобретения традиций и изобретенных традиций, с одной стороны, принадлежат к числу еще неизученных проблем в современной историографии национализма, несмотря на то, что некоторые авторы[1] пытаются анализировать историю

[1] См.: *Кирчанов М.В.* «Политика прошлого» в современной Грузии, или Как СМИ и публичные политики формируют коллективные представления о прошлом // Диалог со временем, 2016, Выпуск 56, С. 374—395; *Он же.* «Европа» и «Запад» в грузинском политическом воображении и националистическом дискурсе // Центральная Азия и Кавказ, 2010, Том 13, Выпуск 2. С. 179—189; *Он же.* Основные направления развития грузинского национализма в

грузинского национализма и идентичности в русле модернистских и конструктивистских подходов. С другой стороны, теория изобретения традиций[2], предложенная в первой половине 1980-х годов[3], сохраняет свое влияние, потому что стала интеллектуальным стимулом, который вдохновил инвенционистские и имагинативные практики как частные формы и случаи конструктивистского поворота в междисциплинарной историографии национализма.

Языковое и этническое воображение в изобретении традиций

Язык и лингвистические моменты националистического воображения играют одну из центральных ролей в развитии современного грузинского картвелизма, так как грузинский язык есть одно из наиболее ярких проявлений и форм этнической неповторимости современной грузинской нации. Националисты активно используют язык для конструирования изобретенных грузинских традиций, поскольку грузинский язык не принадлежит ни к индоевропейской, ни к тюркской языковым семьям в отличие от армянского и турецкого языков соседних народов. Интеллектуалы[4], воображая и изобретая грузинскую этничность как картвельскую, фактически инструментализируют этничность. Трансформация грузинского языка в один из столпов идентичности и изобретенную традицию была неизбежной, так как академические штудии языка[5] содействуют его развитию, укреплению языковых норм и превращению языка в одно из системных оснований национальной идентичности. Эта идеологическая судьба политического языка в Грузии была также неизбежной, поскольку язык актуализировал уникальные этнические и лингвистические особенности и черты грузинской нации.

Грузинский язык в грузинской националистической и романтической историографии, которые развивались в этноцентричной системе координат, стал одним из центральных атри-

---

условиях политической нестабильности: между традициями политической нации и вызовами радикализации // Центральная Азия и Кавказ, 2010, Том 13, Выпуск 3. С. 146—159; *Он же.* Российская тематика в идеологии современного грузинского национализма // Центральная Азия и Кавказ, 2011, Том 14, Выпуск 1. С. 170—179; *Он же.* Церковь в политической жизни современной Грузии: проблемы, противоречия // Кавказ и Глобализация, 2014, Том 8, Выпуск 1—2. С. 94—100; *Он же.* «Кавказское» и «российское» в современном грузинском национализме // Центральная Азия и Кавказ, 2013, Том 16, Выпуск 4. С. 115—125; *Он же.* Религиозные партии в Грузии: политические платформы и идеологические трансформации // Центральная Азия и Кавказ, 2014, Том 17, Выпуск 2. С. 106—113; *Он же.* Картвелизм как парадигма развития идеологии грузинского этнического национализма // Центральная Азия и Кавказ, 2015, Том 18, Выпуск 1. С. 116—129; *Он же.* Независимость как «изобретенная традиция» в политической идентичности Грузии (2014—2016) // Центральная Азия и Кавказ, 2016, Том 19, Выпуск 3. С. 52—60.

[2] См.: *Миллер А.* Изобретение традиции. Георгиевская ленточка и другие символы в контексте исторической политики // Pro et Contra, май — июнь 2012. С. 94—100; *Колягина Н.* Изобретение традиции // Уроки истории. XX век, 14 октября 2010.

[3] См.: The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983; *Hobsbawm E.* Mass-Producing Traditions: Europe, 1870—1914. В кн. Representing the Nation: A Reader / Ed. by D. Boswell, J. Evans. London — New York: Routledge, 2007. P. 61—86.

[4] См.: *Абашидзе З.* Грузия и грузины. Тбилиси, 2015; *Ханиашвили Н.* Шумерские предки грузин. Тбилиси, 2013; *Касаби М.* Османские грузины. Стамбул, 2012 (все на груз. яз.).

[5] См.: *Gamkrelidze Th.* A Typology of Common-Kartvelian // Language, 1966, Vol. 42, No. 1. P. 69—83; *Гамкрелидзе Т., Мачавариани Г.* Сонант и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.); *Фенрих Х., Сарведадзе З.* Этимологический словарь картвельских языков. Тбилиси, 2002 (на груз. яз.); *Кагея О.* Мегрело-грузинский словарь. Т. 1. Тбилиси: Некери, 2001 (на груз. яз.); *Картозия Г.* Лазский язык и его место в системе грузинского языка. Тбилиси: Некери, 2005 (на груз. яз.).

бутов национальной идентичности[6]. Грузинские националисты утвердили миф, что именно уникальная природа языка стала стимулом для сохранения и развития идентичности, несмотря на многочисленные иноземные агрессии и завоевания. Использование уникального алфавита[7] в большой степени содействует трансформации языковых особенностей грузинской нации в изобретенную традицию. Активное изучение истории и грамматики грузинского языка[8] и других картвельских языков иностранными учеными также содействует актуализации лингвистической компоненты в грузинских изобретенных традициях, при этом зарубежные авторы фактически становятся популяризаторами лингвистического измерения современного картвельского мифа.

От языка к мифу, от мифа к национальной миссии

Языковые компоненты играют одну из наиболее важных ролей в развитии грузинской национальной идентичности и актуализируют ее картвельскую природу, но язык трансформировался в один из политических мифов современной грузинской идентичности в контексте идей политической уникальности грузинского исторического развития. Советские грузинские интеллектуалы[9] предложили основные идеи и принципы картвельского мифа, но они не могли реализовать его потенциал изобретенной политической традиции и актуализировать его инструменталистский характер[10], поскольку Грузия не имела политической независимости и государственного суверенитета.

Лекция Звиада Гамсахурдиа «Духовная миссия Грузии» («*sak'art'velos sulieri missia*»), прочитанная 2 мая 1990 года[11], стала важной и решительной попыткой систематизировать и зафиксировать духовную, политическую и историческую миссию Грузии, картировать мессианские идеи в грузинской интеллектуальной истории. Звиад Гамсахурдиа попытался обобщить основные положения картвелизма как синтетической формы политического и этнического мифа и доказать, что грузины были самой древней нацией и населяли обширные территории

---

[6] См.: *Кизирия Д.* Грузинский язык — восьмое чудо света... [http://www.georoyal.ge/?MTID=5&TID=40&id=514]; Грузинский язык—древнейший язык в мире [https://www.youtube.com/watch?v=ABgpa4gveo]; *Дзигаури Г.* Язык наш грузинский // Грузинский меч, апрель 1998 [https://iberiana.wordpress.com/iberiana/jigauri/qartuli]; *Он же.* День грузинского языка // Нацлавте, апрель 1993 [https://iberiana.wordpress.com/iberiana/jigauri/qartuli/]; *Он же.* Это снова? Нет, хуже! // ТЕПЕРЬ, октябрь 1996 [https://iberiana.wordpress.com/iberiana/jigauri/qartuli/]; История грузинского языка: происхождение, интересные факты [http://qartuliarkhi.ge/] (все на груз. яз.).

[7] См.: *Чхенкели Т.* Грузинский алфавит и «История царей» [http://georoyal.ge/?MTID=5&TID=40&id=1602]; Грузинский алфавит глазами иностранцев [http://georoyal.ge/?MTID=5&TID=40&id=1689] (все на груз. яз.).

[8] См.: *Boeder W.* Speech and Thought Representation in the Kartvelian (South Caucasian) Languages. В кн.: Reported Discourse. A Meeting-Ground of Different Linguistic Domains. Typological Studies in Language / Ed. by T. Güldemann, M. von Roncador. Amsterdam — Philadelphia: Benjamins, 2002. Vol. 52. P. 3—48; *Он же.* The South Caucasian Languages // Lingua, 2005, Vol. 115, No. 1—2. P. 5—89; *Fähnrich H.* Kartwelische Wortschatzstudien. Jena: Friedrich-Schiller-Universität, 2002; *Климов Г.* Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964; *Klimov G.* Einführung in die kaukasische Sprachwissenschaft. Hamburg: Buske, 1994; *Он же.* Etymological Dictionary of Kartvelian Languages. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998.

[9] См.: *Пирцхалава С.* Предки грузин и родственные племена в Азии 40-6 гг. до н.э. Тбилиси: Оригами, 1948; *Меликишвили Г.* К проблеме древнего населения Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965 (все на груз. яз.).

[10] См.: *Топчишвили Р.* Этническая история грузин в историко-этнографических землях Грузии [http://www.amsi.ge/istoria/div/ToFCiSvili_saqarT.html] (на груз. яз.).

[11] См.: *Гамсахурдиа З.* Духовная миссия Грузии. Лекция прочитанная на фестивале «Идриат» в Тбилиси 2 мая 1990 года [http://www.amsi.ge/istoria/zg/missia.html] (на груз. яз.).

Европы. Инструментализм современных изобретенных политических традиций в Грузии проявляется в стремлениях и попытках интеллектуалов доказать автохтонный характер грузин и непрерывность их исторического и политического пребывания в регионах, населенных группами, которые говорят на картвельских языках. Грузинские националисты в начале XX века актуализировали инструменталистские функции языка[12], что содействовало его трансформации в политическую традицию, вдохновляло идеологизацию и стимулировало политизацию языкового дискурса. Язык стал формой политического и идеологического мифа, что содействовало политизации и радикализации картвельской идеи и актуализации ее мессианских тенденций[13]. Грузинские интеллектуалы предлагают триаду *mamuli, ena, sartsmunoeba*[14], которую они фактически воспринимают как изобретенную политическую традицию. Эта триада политически воображенных и конструируемых ценностей трансформируется в изобретенную традицию *k'art'uli messianizmi*[15].

Грузинские интеллектуалы[16] настаивают, что *k'art'uli messianizmi* радикально отличается от других национальных идеологий, поскольку она не имеет агрессивной и империалистической направленности, но только актуализирует этнические картвельские и религиозные христианские основы грузинской нации. Этноцентризм[17], который продолжает доминировать в грузинской историографии и определять основные векторы ее развития, стал одной из наиболее влиятельных изобретенных традиций. Этнические аспекты, необычайная древность грузинской нации, автохтонность грузин, неразрывное проживание картвельских предков на территории современной Грузии в абсолютизированной форме стали одновременно общими местами грузинской этноцентричной национальной историографии и политическими изобретенными традициями, которые актуализируют инструментальные и практические роли и функции исторического воображения.

Националисты изобретают *mamuli* как универсальную и неизбежную ценность, стремятся актуализировать ее древний и неизбежный характер, но эта фактически политическая и социальная категория принадлежит к числу относительно новых идеологических продуктов и изобретений, так как государственная лексика вошла в политический словарь грузинского языка относительно поздно и только после того, как традиционные картвельские группы и сообщества трансформировались в политическую нацию. *ena*, грузинский язык[18], несмотря на его формальную древность и многочисленные древние и средневековые тексты в этой триаде, также является порождением эпохи политических и социальных модернизаций. Попытки националистов и интеллектуалов актуализировать древность грузинского языка очень показательны в контексте различных тактик и стратегий изобретения политических традиций. Язык позволяет националистам актуализировать одновременно ценности и принципы политического и этнического национализма.

---

[12] См.: *Кикодзе Г.* Язык и национальная энергия [http://www.georoyal.ge/?MTID=5&TID=41&id=793] (на груз. яз.).

[13] См.: *Леонидзе Г.* Миссия Грузии [http://www.georoyal.ge/?MTID=5&TID=41&id=1450] (на груз. яз.).

[14] См.: *Мамаладзе Г.* Вертикальные и горизонтальные постулаты национальной идеологии (родина, язык, вера + нация, имя, семья) [http://www.georoyal.ge/?MTID=5&TID=41&id=766] (на груз. яз.).

[15] См.: *Мамаладзе Г.* «Грузинский мессианизм» Гиорги Леонидзе [http://www.georoyal.ge/?MTID=5&TID=41&id=1450] (на груз. яз.).

[16] См.: *Абсандзе Г.* Основы грузинской духовности и государственности: духовный рост, миссия, роль, цивилизация / Под ред. К. Микадзе. Тбилиси, 2006. 459 с. (на груз. яз.).

[17] См.: *Цулукидзе Н.* Грузинский миф и индейские корни. Тбилиси: Лампари-99, 2014. 192 с.; *Топчишвили Р.* Этническая история грузин и историко-этнографические части Грузии / Под ред. Д. Мусхелишвили. Тбилиси: Мемориал, 2002. 127 с.; Этногенез / Под ред. Д. Мусхелишвили. Тбилиси: Мемориал, 2002. 276 с. (все на груз. яз.).

[18] См.: *Кизирия Д.* Указ. соч.; *Мамаладзе Г.* «Язык и национальная энергия» Геронти Кикодзе [http://www.georoyal.ge/?MTID=5&TID=41&id=793] (на груз. яз.).

Языковое воображение является центральным и определяющим фактором в конструировании образов региональных картвельских групп[19] и их интеграции в более широкий грузинский национальный контекст. Место *sartsmunoeba* в этой триаде националистических традиций является самым спорным и дискуссионным, поскольку большинство современных европейских националистов развиваются в светской системе политических координат и их теоретики и идеологи предпочитают игнорировать религиозные ценности и принципы, поскольку воспринимают их как архаические. *sartsmunoeba* присутствует в контекстах грузинских изобретенных политических традиций в двух формах, которые включают православие и язычество[20]. В то время как христианство актуализирует европейский политический выбор, изобретенная традиция язычества (*kerpt'aqvanismts'emloba*) является преимущественно академическим конструктом, который актуализирует картвельские уровни и формы современной грузинской идентичности. Картвельский миф как политическая традиция, представленная *mamuli, ena, sartsmunoeba* в этой интеллектуальной ситуации, имеет преимущественно компромиссный характер, так как интеллектуалы стремятся интегрировать, с одной стороны, архаичные традиционные, а с другой фактически постмодернистские культурные практики и стратегии воображения и изобретения традиций в модерновые коллективные понятия и смыслы политического воображения.

Визуализации картвельской этничности

Визуализация, которая имеет разные формы и измерения, играет особую роль в развитии грузинского картвелизма как изобретенной традиции. Грузинские фольклорные группы и ансамбли, включая «Sionioni», «Ialoni», «Khaobioba», «Vavi», «Kika» and «Amblambli Arara» одновременно содействуют визуализации и популяризации картвельской этничности. Деятельность народных музыкальных коллективов — это фактически форма изобретения традиций и музеификации картвельской этничности, попытка ее интеграции в современный контекст. Фольклорные группы активны в изобретении народной песни, танца и костюма как этнизированных проявлений и элементов архаичной этничности.

Фольклорные музыкальные группы участвуют в изобретении традиций, так как они национализируют проявления традиционной картвельской этнической песенной, музыкальной

---

[19] См.: *Чикобава А*. Чанская грамматика с анализом и текстами. Тбилиси, 1936. 152 с.; *Он же*. Принципы анализа имени и глагола в грузинском языке. Тбилиси: Школа, 1998. 56 с.; *Он же*. Общее описание грузинского языка. Тбилиси: Грузинский язык, 1998. 96 с.; *Он же*. Что такое морфологический объект в древнегрузинском языке? Тбилиси, 1928; *Он же*. Чанские тексты. Тбилиси, 1929; Сванские тексты. Том 1. Тбилиси, 1939. 490 с.; *Ониани А*. Сванский язык. Тбилиси, 1998. 284 с.; Сванские тексты и словарный запас с грузинским переводом. Тбилиси, 2003. 222 с.; *Чикобава А*. История изучения иберо-кавказских языков. Тбилиси: Образование, 1965. 412 с.; *Гагуа К*. Спряжение глаголов в сванском языке. Тбилиси: Наука, 1976. 242 с.; Сванский язык. Тбилиси, 1978. 368 с.; Сванский язык: прозаические тексты. Тбилиси: Наука, 1979. 293 с.; *Николаишвили М*. Структурный анализ редукции гласных. Тбилиси, 1984. 122 с.; Сванский язык: грамматические обзоры, тексты, словари / Под ред. Г. Чумбуридзе. Тбилиси: Пети, 2007. 388 с.; *Мибучани Т*. Секрет Бичилы. Шумерские грузинские (сванские) параллели. Открытие языка человечества. Тбилиси: Шумер, 2008. 120 с.; *Топурия В*. Сванский язык: учебник. Тбилиси, 2008. 240 с.; *Николаишвили М*. Проблемы фонологии и морфологии в сванском языке. Тбилиси, 2009. 200 с.; *Маргиани-Субари С*. Некоторые аспекты морфосистемного анализа элитных диалектов. Тбилиси: Мцгебарири, 2008. 252 с. (все на груз. яз.).

[20] См.: *Бардавелидзе В*. Из истории древних грузин. Тбилиси: Кавказский дом, 2006. 160 с.; *Кутателадзе С*. Культ мифа в Грузии / Под ред. Н. Хазарадзе. Тбилиси, 2006. 106 с.; *Макалатия С*. Культ Джеге-Мирон в Старой Грузии. Тбилиси, 1938. 47 с.; *Ломашвили Дж*. Илья Чавчавадзе и языческие религии грузин / Под ред. А. Бендиниш-вили. Тбилиси, 2007. 54 с.; *Микеладзе М*. Этническое имя грузин в свете архаичных религиозных представлений / Под ред. Х. Курдованидзе. Тбилиси, 2014. 358 с. (все на груз. яз.).

и танцевальной культуры, интегрируют их в современные культурные стратегии. Фольклорные ансамбли фиксируют различные формы и проявления народных, традиционных и архаических культур, определяя их место на картах новых модерных идентичностей. Деятельность этих групп и хоров содействует тому, что локальные формы и проявления народной культуры одновременно вырываются из контекстов культурной и социальной периферийности, изобретаются и воображаются как древние этнические и современные национальные традиции, несмотря на то что процессы изобретения политических традиций как национальных могут быть сознательными практиками и стратегиями политического воображения. Классическая хореография и академический вокал, облаченные в этнические, фольклорные и традиционные картвельские одеяния и облачения, фактически стали изобретенными традициями. Активность этих групп важна в контексте изобретения традиций, поскольку попытки интеграции традиционной культуры в современные культурные контексты, с одной стороны, содействует сохранению традиций в их архаичном и культурном понимании; с другой стороны, фольклорные ансамбли стали генераторами новых смыслов изобретенных традиций, модернизаций и национализаций архаичных этничностей.

Инструментализация изобретенных традиций

Национально мыслящие интеллектуалы стали создателями грузинских изобретенных и воображенных политических традиций, а представители политического класса, которые формируют правящие элиты, стремятся инструментализировать изобретенные традиции и использовать их для укрепления и развития национальной идентичности. Механизмы и тактики практической реализации изобретенных традиций разнообразны. Попытки и стремления интеллектуалов сохранять, изучать и развивать грузинский язык имеют регулярный характер. Многочисленные лингвистические штудии[21] содействуют институционализации грузинского языка как воображенной политической традиции.

Картвельская этничность грузинского языка как основы грузинской политической нации и воображаемого культурного и этнического родства в этой интеллектуальной ситуации постепенно распадается на несколько политических изобретенных традиций конструирования этнических групп, включая аджарцев (აჭარლები)[22], лазов (ლაზები)[23], мегрелов (მეგრელები)[24],

[21] См.: *Мегрелидзе И.* Якоб Гогебашвили и новый грузинский язык. Тбилиси: Образование, 1988. 234 с.; *Жгенти С.* Грузинская фонетика. Тбилиси: Образование, 1965. 333 с.; *Ониани А.* Сравнительная грамматика картвельских языков (морфология имен). Тбилиси: Образование, 1989. 319 с.; *Беридзе Г.* Джавахети и грузинский язык. Тбилиси: Советская Грузия, 1988. 264 с.; *Гоголашвили К.* Система преобразования грузинских глаголов. Тбилиси: Наука, 1988. 174 с.; *Чикобава А.* Каковы особенности структуры грузинского языка? Тбилиси: Школа, 1998. 124 с. (все на груз. яз.).

[22] См.: *Ногаидели Дж.* Этнографическая сущность аджарской жизни. Тбилиси, 1935. 88 с.; *Он же.* Аджарская устная традиция и теории этнографии. Тбилиси: Наука, 1967. 91 с. (все на груз. яз.).

[23] См.: *София Б.* История наших лазских мигрантов / Под ред. Дж. Шониа. Тбилиси: Эгриси, 2006. 446 с.; *Чантурия Э.* Очерки из истории лазского, или чанского, образования. Тбилиси, 2006. 454 с.; *Шония А.* Лазика: Великая грузинская боль: письмо к братьям! Тбилиси, 2005. 112 с. (все на груз. яз.).

[24] См.: *Элиава Г.* Этнография Самегрело: Альбом / Под ред. П. Киртадзе. Тбилиси: Martvili, 1989. 134 с.; *Он же.* Колхети, Одиши. Археология, лингвистика, история, архитектура и этнология / Под ред. Ф. Антелава. Тбилиси — Зугдиди: Интеллект, 1999. 376 с.; *Он же.* Самегрело: мой взгляд. Тбилиси, 1996. 140 с.; *Макалатия С.* История и этнография Самегрело. Тбилиси: Уплисцихе, 1992. 168 с.; *Гогиа К.* Христианская космология в грузинской агрологии и мегрельских традициях / Под ред. А. Алибегашвили. Тбилиси, 2005. 62 с.; *Макалатия С.* История и этнография Самегрело. Тбилиси, 1941. 384 с. (все на груз. яз.).

сванов (სვანები)[25], хевсуров (ხევსურები)[26] и их интеграции в современный грузинский контекст как частей единого воображаемого пространственного тела грузинской политической нации.

Исследования грузинских интеллектуалов содействуют институционализации языка как политической традиции и миграции коллективных представлений о языке из чистой академической сферы в пространство политических манипуляций и национального воображения. День родного языка (14 апреля)[27] является попыткой инструментализировать одновременно грузинский язык как одно из оснований картвельской этничности и принципы политической нации.

День родного языка стал изобретенной традицией, попыткой зафиксировать события 14 апреля 1978 года и коммеморизировать их в исторической и политической памяти. Диапазон событий, которые ежегодно и уже традиционно имеют место 14 апреля, разнообразен. 14 апреля стало коллективной попыткой публичной актуализации картвельской этничности, языковой идентичности и исторической памяти в общественных, культурных и социальных пространствах современной Грузии. Жители Грузии, от детей до публичных политиков, актуализируют идентичность и свои символические связи с картвельским миром и грузинскими предками. Публичные декламации стихов и текстов грузинских классиков стали обычной практикой культурной коммуникации между миром предков и современной политической нацией. Эти культурные и интеллектуальные практики и стратегии содействуют актуализации изобретенных традиций в их языковых формах и измерениях. Язык является мощным фактором, который стимулирует интеграцию различных картвельских этнических групп, которые в историческом и языковом измерении родственны современной грузинской нации.

Выводы

Картвельская природа грузинской политической нации не вызывает сомнений и она имеет репутацию древней и главной особенности грузин как нации, но автор статьи полагает, что картвельская этничность стала поздним с социальной и культурной точек зрения конструктом. Картвельские изобретенные традиции стали социальными и культурными институтами современного грузинского общества. Изобретенные традиции имеют очевидные социальные, идеологические, культурные и политические функции. Картвелизм стал изобретенным поли-

---

[25] См.: Научно-практическая конференция «Сванети. Культурно-историческое наследие и проблемы его сохранения» (1995, Местиа). Программа и доклады. Тбилиси, 1996. 32 с.; *Авалиани Г*. Сванети. Кривое зеркало: критическое эссе. Гори: Kartli, 1998. 44 с.; *Аргвилиани И*. Этнологические поиски: Сванети. Тбилиси, 2003. 52 с.; *Харадзе Р*. Деревня Сванети в древние времена. Тбилиси, 1964. 129 с. (все на груз. яз.).

[26] См.: *Гамкрелидзе Б*. Деревня Хевсурети и ее традиции. Тбилиси: Наука, 1989. 104 с.; *Давиташвили Г*. Народный суд или «Закон» в Хевсурети / Под ред. Ф. Метревели. Тбилиси, 2001. 100 с.; *Макалатия С*. Хевсурети. Тифлис, 1935. 280 с.; *Камараули А*. Хевсурети: Суть. Тифлис, 1932, 152 с.; *Очаури Т*. Хевсурети: этнографическая сущность. Тбилиси, 1964. 48 с.; *Он же*. Хевсурети и хевсуры: суть. Тбилиси, 1977. 135 с.; *Чинчараули М*. Шатили и шалилианцы. Тбилиси: Артууджи, 2008. 166 с.; *Макалатия С*. Хевсурети: этнографическое наследие / Под ред. А. Чинчараули. Тбилиси: Накадули, 1984. 263 с.; *Очаури Т*. Религиозная служба в Хевсурети. Тбилиси: Фонд защиты этнографического наследия, 2010. 150 с. (все на груз. яз.).

[27] См.: *Рехвиашвили Дж*. 14 апреля — День родного языка // Радио Свобода. 14 апреля 2011; 14 апреля — День родного языка [http://www1.accent.com.ge/ru/news/details/13106]; 14 апреля — День грузинского языка [http://ick.ge/rubrics/society/17908-i.html]; 14 апреля — День родного языка в Грузии [https://www.youtube.com/watch?v=PEab8RcDH_Q]; 14 апреля — День родного языка [https://www.youtube.com/watch?v=dCVXV-lsafY]; 14 апреля — День родного языка [https://www.youtube.com/watch?v=lELev-z26kI]; День родного языка — что произошло 14 апреля 1978 года [https://www.youtube.com/watch?v=0ERtSUw6QEg]; 14 апреля — День родного языка — 36 лет назад произошли протесты против советской системы [https://www.youtube.com/watch?v=D_HIWmJAw1U]; 14 апреля — День родного языка [https://www.youtube.com/watch?v=BxNHhJbACCY] (все на груз. яз.).

тически и идеологически мотивированным символом грузинского общества, который поддерживает и стимулирует его консолидацию. Изобретенные традиции как институты генерируют политические и культурные смыслы, воспроизводят, изобретают, воображают и ревизируют этнические моменты в современной грузинской политической и исторической памяти.

Грузинские интеллектуалы осознают мобилизационный потенциал этнического картвелизма и поэтому активно используют его. Современные картвельские изобретенные традиции крайне гетерогенны, но они имеют преимущественно инструменталистские функции. Развитие картвелизма как изобретенной традиции стало процессом ее ритуализации и формализации, а постоянные социально мотивированные повторения содействовали глубокой интеграции картвельского мифа в ткани и пласты национальной исторической памяти. Картвелизм как изобретенная традиция гетерогенен, и поэтому грузинские интеллектуалы обеспечили картвельский миф ритуально необходимыми и символически значимыми атрибутами жертвенности. Картвелизм, как изобретенная политическая традиция, стал одновременно политически мотивированными и идеологически стимулированными социальными и культурными практиками актуализации коллективной жертвенности грузинской нации и ее политического государственного непрерывного пространственного континуитета. Изобретенная традиция картвельской идентичности проявляется в грузинском языке, который актуализирует одновременно картвельский характер нации и ее уникальное место среди других наций региона, так как Грузия принадлежит к числу тех немногочисленных современных наций, которые используют свой уникальный алфавит.

Социализация начинается с освоения языка, и этническая картвельская специфика стала определяющим фактором в развитии грузинского общества, поскольку картвельские мотивы, как изобретенные традиции, видимо и невидимо присутствуют во всех сферах жизни современного грузинского общества. Язык и языковая идентичность особо выделяется среди важных интеллектуальных оснований грузинского картвелизма как изобретенной традиции. Лингвистические штудии, популяризация грузинского языка, изучение этнической и этнографической истории, поиск этнических предков в Европе и попытки доказать автохтонный характер грузин и их более широкое территориальное распространение стали формами воспроизводства картвелизма как изобретенной традиции. Средняя и высшая школы в Грузии стали социальными пространствами развития картвельского мифа, потому что система образования является этноцентричной. Этнические компоненты картвельского мифа неизбежно актуализируются в изучении грузинского языка и истории.

Система и организация преподавания и изучения грузинского языка, истории и литературы стала институционализированной изобретенной традицией. Грузинские интеллектуалы, вовлеченные в изучение грузинской истории и литературы и их преподавание, фактически инструментализируют изобретенные традиции, актуализируют их прикладной характер и гарантируют их воспроизводство в контексте социализации и национализации поколений от средней до высшей школы. Политическая, культурная и социальная истории Грузии, написанные в картвельской системе координат, также стали важными изобретенными традициями, которые воспроизводят коллективные представления об истории и гарантируют ее воспроизводство в этноцентричной картвельской системе координат.

Картвельский миф стал одной из самых удачных и эффективных изобретенных традиций, поскольку он так глубоко укоренился в грузинской идентичности, что этноцентричные формы окончательно возобладали в написании национальной истории. Картвельская этничность стала следствием развития картвельского мифа как грузинской формы и версии романтического этнизированного национализма. Картвельская этничность грузинской политической нации в этих интеллектуальных ситуациях есть результат социального конструктивизма. Картвельская идея стала одной из многочисленных изобретенных традиций, которые исполь-

зуют древнее и средневековое этническое наследие, трансформируют его в политические атрибуты современной нации и превращают в изобретенные традиции.

ДИАСПОРЫ КАК НЕФОРМАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

Сергей РЯЗАНЦЕВ

доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, руководитель Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН, профессор РУДН и МГИМО, заведующий лабораторией исследований демографических процессов «НИУ БелГУ» (Москва, Российская Федерация)

Александр ТЕР-АКОПОВ

кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН (Москва, Российская Федерация)

Елена ПИСЬМЕННАЯ

доктор социологических наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Российская Федерация)

Анна ЛУКЬЯНОВА

кандидат экономических наук, доцент Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Российская Федерация)

Исследование проведено при поддержке грантов РФФИ № 16-06-00476 и № 16-36-00411 мол_а.

АННОТАЦИЯ

Исследуются проблемы диаспоризации, дается определение понятия «современная диаспора». Формирование крупных диаспор стран Центральной Азии является следствием продолжительной и масштабной миграции из данного региона в Россию. Миграция выступает в роли своеобразного катализатора трансформации этнического состава населения. Социальные сети — дополнительный «притягивающий» фактор для желающих выехать с целью заработка. Диаспоры обладают значительным социально-экономическим ресурсом и могут оказывать влияние на принятие решений в области государственного регулирования, воздействовать на социально-экономические процессы.

Существует прямая зависимость между размером диаспоры и масштабом миграции, то есть выбор места эмиграции во многом определяется уровнем развития и размером диаспоры. С одной стороны, диаспоры выступают в роли акторов интеграции и адаптации мигрантов в принимающее общество, неким буфером между мигрантами и местным населением; с другой стороны, они способствуют формированию этнических анклавов с этнической экономикой в местах территориальной концентрации мигрантов. Отмечается, что для успешной интеграции мигрантов в России необходима гармонизация сферы трудовых отношений путем улучшения условий труда и повышения размера оплаты; совершенствование системы правовой защиты мигрантов; упрощение процедуры получения гражданства и обеспечение ее прозрачности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ***трудовая миграция, неформальные инструменты регулирования, диаспора, этническая экономика, адаптация и интеграция мигрантов.***

Введение

Глобальные миграционные потоки привели к формированию крупных диаспор и «диаспоризации» экономики многих стран. Текущий век можно назвать «веком диаспор», размер которых значительно увеличился за последние несколько десятилетий. Для населения стран Центральной Азии трудовая миграция — единственный способ борьбы с бедностью. Ориентировочная численность мигрантов из стран Центральной Азии, которые находятся за пределами своих стран, колеблется в пределах между 2,6 и 4 млн человек[1].

В силу исторических особенностей население государств постсоветского пространства в значительной степени ориентировано на коллективную модель поведения в вопросах трудовой миграции. С 1990-х годов Россия стала одной из крупнейших принимающих стран. Самые масштабные миграционные потоки в Россию наблюдаются из стран СНГ. Для мигрантов из

[1] См.: *Рязанцев С., Богданов И., Доброхлеб В., Лукьянец А.* Миграционное взаимодействие стран Центральной Азии с Россией и Казахстаном в контексте интеграционных процессов в ЕАЭС // Центральная Азия и Кавказ, 2017, Том 20, Выпуск 1. С. 44—56; *Рязанцев С.В., Хорие Н.* Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию. Экономико-социологическое исследование. М.: Научный мир, 2011. С. 15.

стран Закавказья и Центральной Азии Россия является самым привлекательным государством в Евразии.

Материалы и методы

Факторы формирования диаспор в ЕАЭС. В настоящее время трудовая миграция является самой массовой и динамичной формой миграции на постсоветском пространстве. Основным фактором, вызвавшим бурный рост трудовой миграции, является экономический кризис практически во всех странах СНГ, который привел к снижению уровня жизни большинства населения, безработице, массовой бедности. Россия обладает самым высоким уровнем миграционной привлекательности среди стран — участниц ЕАЭС. Об этом свидетельствуют ежегодные массовые потоки трудовых мигрантов — как официальных, так и недокументированных. В рамках ЕАЭС основными донорами трудовых ресурсов являются Кыргызстан и Армения; соответственно, кыргызская и армянская диаспоры — в числе наиболее развитых и крупных на территории РФ[2]. Можно полагать, что помимо глубоких исторических связей РФ с Арменией и Кыргызстаном, важную роль играет прямая зависимость между размером уже имеющейся диаспоры и масштабом миграционных потоков.

Основываясь на теории «трех стадий миграционного процесса» Л.Л. Рыбаковского и Т.И. Заславской[3], а также на ряде исследований ЕАБР, можно прийти к выводу, что в процессе формирования миграционной подвижности потенциальный мигрант рассчитывает на имеющуюся сеть знакомств в том месте, куда планирует приехать на заработки, а если такой сети нет, то планирует обратиться за первоначальной помощью к институту диаспоры.

По данным опроса ЕАБР, большинство трудовых мигрантов приехали в Россию благодаря помощи родственников и друзей. Таким образом, можно говорить о существовании дополнительного фактора. Социальные факторы постепенно обретают зрелую форму и становятся независимыми от экономических. В частности, дополнительный «притягивающий» фактор для желающих выехать с целью заработка — социальные сети. В России были сформированы сообщества и социальные сети мигрантов. Проведенные в 2012 году в Кыргызстане крупномасштабные собрания диаспор «Замандаш» и «Мекендештер» с участием руководства страны указывают на начало процесса институционализации и растущей политической и экономической роли этих объединений[4].

Формирование этнических диаспор является следствием долгосрочных и устойчивых миграционных потоков. Однако изменение этнического состава населения крупных городов и стран — результат не только глобальной миграции, но и воспроизводства населения. Миграция выступает в роли своеобразного катализатора процесса трансформации этнического состава населения.

Под диаспорой подразумевается этническое сообщество людей, объединенных единым интересом. Другими словами, — сообщество, социум, перманентный, структурированный, осознающий свою общность и идентичность. При этом не исключено, что на ранних стадиях

---

[2] См.: *Ryazantsev S., Bozhenko V.* New Approaches to Managing Labor Migration under Integration in EurAsEC // Asian Social Sciences, 2014, Vol. 10, No. 20. P. 195—200.

[3] См.: *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения: стадии миграционного процесса // Миграция в России, 2001, № 5. С. 11.

[4] См.: Официальный сайт Евразийского банка развития. Материалы доклада: «Последствия вступления Кыргызстана в Таможенный союз и ЕЭП для рынка труда и человеческого капитала страны» [http://www.eabr.org/general//upload/CII%20-%20izdania/Proekti%20i%20dokladi/Kyrgyzstan%20%20CU/EDB_Centre_Report_13_Presentation_Rus_1.pdf], 18 ноября 2014.

становления такой социум может существовать и при явном преобладании временных мигрантов. Главное здесь — устойчивость существования и функционирования этнической группы, когда постоянные приезды-отъезды, постоянные ротации членов не нарушают преемственности и устойчивости связей, отношений, структур, сетей. Диаспора — это устойчивая сеть многообразных коммуникаций между общинами[5].

С другой стороны, диаспора — не данность, ее становление и развитие — не автоматический процесс. Возникновение и развитие диаспор может быть ситуативным ответом на вызов времени, места и обстоятельств. Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыкова выделяют три основных признака «современной» диаспоры[6].

- Во-первых, это пребывание этнической общности за пределами ее исторической родины. Данный признак является ключевым, без него невозможно рассматривать сущность феномена диаспоры.
- Во-вторых, диаспора рассматривается как этническая общность, обладающая основными характеристиками культурной самобытности своего народа. Если этническая группа выбирает стратегию ассимиляции, то ее нельзя называть диаспорой.
- В качестве третьего признака указывают организационные формы функционирования диаспоры, например землячества, общественные или политические движения. Таким образом, если у этнической группы отсутствуют организационные функции, это предполагает отсутствие диаспоры. Например, применительно к русским за рубежом использовать термин диаспора представляется неправомерным[7].

По мнению С.В. Рязанцева, «в условиях глобальной миграции диаспору нужно рассматривать не только как часть народа, проживающего за пределами своей страны, имеющего с ней общие духовные, культурные и исторические корни и стремящегося к поддержанию разнообразных контактов с исторической родиной (т.е. с традиционных позиций), но и как транснациональную сеть, находящуюся в стадии становления, но содержащую социально-экономический, культурный и общественно-политический потенциал»[8].

Диаспоры как субъекты экономических процессов в ЕАЭС. Диаспоры всегда были субъектами экономических процессов. Они и сегодня играют немалую социально-экономическую роль и выступают определенным ресурсом. Представители диаспор инвестируют в экономику своей родины значительные средства, формируют имидж страны происхождения. Порой диаспоры непосредственно управляются страной происхождения и лоббируют ее интересы. Кроме того, некоторые виды экономической деятельности оказываются «специфичными» для представителей той или иной диаспоры.

Как справедливо отмечает С.В. Стрельченко, представители диаспор могут обладать специфическими трудовыми навыками, которыми представители окружающей диаспору внешней среды обладают в меньшей степени или вовсе не обладают. Так, с конца XVIII века по 1917 год армянские диаспоры Поволжья активно участвовали в развитии торгово-промышленной сферы, а украинское меньшинство региона практически монополизировало соляной промысел[9]. Специфические трудовые навыки и род экономической деятельности могут быть

---

[5] См.: *Попков В.* Феномен этнических диаспор. М., 2003. С. 74.

[6] См.: *Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И.* Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования, 2004, № 3. С. 16—19.

[7] См.: *Рязанцев С.В.* Эмигранты из России: русская диаспора или русскоговорящие сообщества? // Социологические исследования, 2016, № 12. С. 93—104.

[8] Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. С. 136.

[9] См.: *Стрельченко С.В.* Диаспора как субъект социально-экономических процессов (Социально-философский анализ наиболее общих тенденций в прошлом и настоящем) // Энергия, 2006, № 7. С. 65—66.

связаны с конкретными этнокультурными особенностями, носителями которых являются представители диаспор. Причину данной тенденции С.В. Стрельченко видит в том, что «этносы связаны с характерными для них хозяйственно-культурными типами (ХКТ), которые формируются под действием географо-климатических и социальных условий и отражаются в трудовых навыках и, следовательно, в социально-экономической роли диаспоры»[10]. Кроме того, зачастую в распоряжении диаспор могут быть непропорционально большие объемы капитала и собственности. Это приводит к усилению позиций диаспор в различных отраслях экономики, вплоть до их полной монополизации. Диаспоры выступают центром притяжения мигрантов, так как располагают определенной автономностью и характеризуются коллективным укладом ведения хозяйственной деятельности.

Таким образом, диаспоры, с одной стороны, выступают механизмом перераспределения рабочей силы, так как существует прямая зависимость между уровнем развития диаспоры, ее размером и потоками трудовой миграции. То есть выбор места эмиграции во многом определяется уровнем развития и размером диаспоры. С другой стороны, при определенном контроле полномочий диаспоры она может выступать в роли эффективного механизма адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество.

Диаспоры как инструмент адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество. Принимая во внимание сложности кросс-культурного взаимодействия и кризис культурного диалога, отсутствие единого механизма адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество является очень серьезной проблемой. Этническое разнообразие сегодня приобретает новые оттенки. Уровни, формы межэтнических отношений стали значительно разнообразнее. Неадекватное восприятие и трактовка «иного», отсутствие терпимости к проявлениям иных культурных ценностей и этническая интолерантность становятся одной из серьезнейших проблем глобального масштаба. На фоне глубоких общественных трансформаций, связанных с процессами формирования свободного и открытого общества и рыночной экономики, в постсоветской России проявились кризис общероссийской гражданской идентичности, межэтническая нетерпимость, этнотерриториальный сепаратизм, терроризм. Возникла опасность дезинтеграции общества вплоть до возможного распада страны.

Социум воспринимает представителя другой культуры как чужого, что вызывает волну социального напряжения. В ходе все более частых соприкосновений наблюдаются противоречия своего с чужим, непонятым, а поэтому плохим.

С.К. Бондырева отмечает, что межэтнический конфликт возникает уже на уровне класса, школы, так как, например, дети мигрантов отличаются от других учащихся. Они говорят с акцентом, отличаются внешностью, деталями национальной одежды и т.д. Эти дети и их родители живут в новом окружении в сложной и напряженной ситуации. Возникает конфликт, внутренний и внешний, скрытый и явный, появляются настороженность, тревожность, недоверие, порой агрессивность, ожесточение, обусловленные самыми разными причинами, базирующимися на различии, разности и неадекватной оценке.

Стихийная интеграция приводит к ряду проблем, которые отчетливо проявились на примере Европы и США. В определенной степени ошибки зарубежных стран повторяются и в России. Многие страны столкнулись с проблемой формирования на своей территории этнических анклавов, населенных отдельными группами иммигрантов. Как правило, в таких зонах наблюдаются проблемы с адаптацией и интеграцией мигрантов, существуют потенциальные риски распространения преступности. В отсутствие эффективных моделей интеграции мигранты предпочитают обособленное, «компактное» размещение. В этих случаях, как показы-

[10] *Стрельченко С.В.* Указ. соч.

вают различные исследования специализированных российских институтов, диаспоры выступают в качестве эффективных инструментов адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество.

Миграция связана с ценностной дезориентацией. Меняя место жительство, в особенности приезжая в другой по социально-экономическому уровню развития регион, с одной стороны, мигранты теряют прежние ценности, с другой — они не знают, как жить в большом городе. Мигранты — очень уязвимая и одновременно неудобная социальная группа. Социального контроля своего сообщества над ними уже нет, как нет и понимания того, какие культурные и социальные нормы существуют у жителей того или иного города в другой стране.

Сегодня развитие диаспор неразрывно связано с процессом адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество. Диаспоры выступают в роли своеобразных проводников. Основным свойством диаспоры является «устойчивость к ассимиляции», а интеграция, по мнению М.А. Хрусталева, — «это встречное движение двух самостоятельных, зрелых этносов, сближающихся по своим характеристикам, но не достигающих полного слияния»[11]. Близкой по содержанию позиции придерживается академик В.А. Тишков[12]. Таким образом, под интеграцией понимается не ассимиляция, а сближение, не противоречащее основному свойству диаспоры.

Академик Ю.В. Бромлей, представитель примордиалистской школы, отмечал, что «на стадии трансформации народности в нацию наблюдается стремление к внутренней ограниченности, к территориальной, экономической и политической замкнутости, которая выражается в формировании внутреннего рынка с наличием самодостаточного народнохозяйственного комплекса, разветвленной транспортной инфраструктуры, а также единого политического руководства. На этом этапе среди представителей этноса рождается чувство национального самосознания (идеология), в рамках которого идентификация осуществляется преимущественно по политическому основанию»[13]. Система межэтнических взаимодействий, межгосударственных отношений, миграционных потоков, формирование транснациональных сообществ обусловливают развитие этнических диаспор.

Эффективные практики адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество. Противодействие формированию «этнических анклавов» должно осуществляться не только методами депортации нелегальных (недокументированных) трудовых мигрантов, но также и методами культурной интеграции представителей этнических меньшинств в принимающее общество. Инструментами культурной интеграции являются изучение языка и культуры принимающей страны, организованное расселение мигрантов по территории страны, обучение детей мигрантов в школах совместно с местными детьми, популяризация праздников национальной культуры, «национальных гостиных». Проект «Национальные гостиные» выступает в качестве образовательной технологии. Рекомендуется реализация данного проекта во всех учебных заведениях. Знакомство с другими культурами и этносами представляется сегодня важнейшей задачей.

Для женщин, например, можно проводить серию кулинарных мастер-классов. Для мужчин и детей — спортивные игры. Совместная игра в одной команде — это мощный интегрирующий стимул. Кроме того, спортивная игра также является эффективным инструментом адаптации и интеграции мигрантов, так как способствует здоровой конкуренции, ведет к объединению на внеэтнической основе и стремлению к победе. Кроме того, об этом свидетельствуют успешные примеры реализации зарубежных государственных социальных программ.

---

[11] *Хрусталев М.А.* Методология прикладного политического анализа. М., 2010.

[12] См.: *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

[13] *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973.

Например, в Германии реализуется подобная правительственная социальная программа. На базе Берлинского института эмпирического исследования миграции и интеграции Университета Гумбольдта в Берлине сформирована группа исследователей, изучающих вопросы адаптации и интеграции посредством спорта. Одним из масштабных проектов выступает проект «Интеграция, спорт и футбол». Проект направлен на всестороннюю популяризацию футбола среди мигрантов, освещение последних футбольных событий и придание им социально-политического смысла. Институт также исследует вопросы взаимодействия спортивных государственных и общественных организаций, участие и интерес мигрантов к спортивным мероприятиям.

Кроме того, необходимо совершенствовать социальную политику, развивая идеи организации сообществ. Этого в России сегодня очень не хватает. Во времена СССР было распространено взаимодействие на уровне района, двора, дома. Районы были определенным механизмом интеграции приезжих.

Результаты

Одной из приоритетных задач интеграционного строительства в ЕАЭС является формирование и развитие цифрового пространства. С целью контроля работы диаспор и упрощения процедуры интеграции мигрантов разумно было бы создать официальную социальную сеть трудовых мигрантов ЕАЭС в пространстве Интернета. Структура социальной сети может представлять собой совокупность блоков информации по странам. Каждый блок может содержать несколько разделов информации:

1) история и культурные особенности страны;
2) нормативно-правовая база;
3) электронная биржа труда;
4) карты, схемы проезда, основные организации, профили диаспор и ведомств, курирующих работу с мигрантами;
5) поиск людей по заданным параметрам (возраст, пол, образование, родной город и т.д.).

С помощью такого ресурса потенциальный мигрант уже на стадии принятия решения о переезде может получить всю необходимую информацию и составить план дальнейших действий. Каждый зарегистрированный пользователь сможет иметь собственную анкету и возможность коммуникации с работодателями, которые также получат возможность доступа к социальной сети. Создав такой мощный цифровой ресурс, удастся решить множество проблем, связанных с миграционным процессом и интеграцией мигрантов. Кроме того, появится возможность координировать деятельность мигрантов в принимающих странах. Например, в октябре 2014 года президент Республики Таджикистан Э. Рахмон провел встречу с руководителями 20 диаспор и обществ таджиков России, на которой поддержал предложение о создании Всероссийской организации таджиков для координации их деятельности в РФ.

Встает задача не только воспитания толерантности как необходимого отношения в цивилизационном мире, как условия и принципа сохранения отношений людей и их самих. Не менее важно формирование нового мышления, которое принимает многообразие как нечто ценное и положительное[14].

[14] См.: *Ахиезер А.С.* Между Я и другим // Мир психологии, 2001, № 3. С. 12—15.

В исследовании проблемы кросс-культурной коммуникации встречается бесконечное множество разнообразий, однако ключевым является этническое разнообразие. Стирание разнообразий и «особенного» недопустимо. Решение: культурный диалог, основанный на стремлении к познанию «иного». Кроме того, здесь следует говорить о социальной солидарности, как об особом случае социального взаимодействия, природа которого лежит в моральном долженствовании помощи «своим», а не в ситуативном соотнесении «своих» и «чужих».

Россия сильно отличается от своих западных соседей и по характеру иммиграции, и по отношению к ней со стороны общества[15]. Существует ряд проблем, которые стоят на пути интеграции мигрантов: большое количество недокументированных мигрантов, трудовая эксплуатация, распространение в СМИ негативного образа мигрантов, отсутствие «проиммигрантского лобби», дефицит институтов, ответственных за интеграцию мигрантов, высокий уровень коррупции, низкий уровень толерантности местного населения и т.д. Однако единственное, что можно позаимствовать в данном случае у стран — членов ЕС — создание условий для финансирования интеграционных программ на наднациональном уровне. Речь идет о создании Евразийского интеграционного фонда в качестве рассчитанного на несколько лет пилотного проекта с возможностью долевого участия стран — участниц ЕАЭС в зависимости от уровня их экономического развития и остроты проблемы интеграции мигрантов. Передача компетенций в области интеграции мигрантов одной специально созданной организации — грубая ошибка. Интеграция приезжих должна осуществляться на всех уровнях, от муниципального до наднационального. В России вопросами диаспор, в частности, занимается Федеральное агентство по делам национальностей. В ФАДН функционирует Отдел по взаимодействию с диаспорами, землячествами и некоммерческими организациями. Кроме того, в крупных городах действуют программы по социокультурной адаптации интеграции детей зарубежных мигрантов — «школы русского языка». Активно работают некоммерческие организации, осуществляющие правозащитную, культурно-просветительскую, психологическую и образовательную работу. Однако недостаточные финансовые и инфраструктурные возможности данных организаций, особенно после принятия законодательства об НКО, препятствуют эффективной деятельности в области реализации интеграционных программ. Таким образом, следует говорить об определенной неразвитости институтов, ответственных за интеграцию мигрантов.

С годами в миграционном потоке из постсоветских государств растет количество молодых людей, социализировавшихся в иных условиях, чем старшее поколение. Молодые люди хуже владеют русским языком, а иногда не владеют вовсе. Стоит отметить, что проблемы интеграции мигрантов в России в основном лежат в социально-экономической плоскости, с целью их решения необходимо создавать условия для качественного образования и не допускать трудовой эксплуатации мигрантов. Сегодня благодаря созданию единого рынка труда в ЕАЭС многие недокументированные мигранты, находившиеся в тени, прошли процедуру легализации. Остается надеяться, что Таджикистан, как потенциальный кандидат на присоединение к ЕАЭС, осознает важность проблемы нелегального пребывания и трудовой деятельности мигрантов на территории РФ и, выполнив все требования, пройдет процедуру присоединения к единому рынку труда.

Таким образом, важным направлением миграционной политики становится интеграция иммигрантов в принимающее общество. Оттого, насколько политика интеграции будет учитывать особенности страны происхождения и культурные особенности этнических групп иммигрантов, будет зависеть эффективность процесса интеграции и миграционной политики в целом. Основой для интеграционной политики с точки зрения механизмов социально-экономической интеграции иммигрантов в принимающее общество можно считать формирование

[15] См.: *Ryazantsev S.* Russia Needs a New Migration Policy // Russian Politics and Law, 2013, No. 1 (3). P. 80—88.

неформальных сетей, развитие этнического бизнеса и появление других социально-экономических институтов.

Дискуссия

Реализуемую в экономически развитых странах миграционную политику трудно назвать эффективной. Она, с одной стороны, направлена на ограничение миграционных потоков из развивающихся и бедных стран на основе различных критериев (образовательных, социальных, географических, этнических), а с другой — пытается привести этнокультурное многообразие иммигрантов к общему знаменателю (теория «плавильного котла», или ассимиляции). Однако теория «плавильного котла» не оправдывает возложенных на нее ожиданий. «Плавильные котлы» не способны переплавить все этническое многообразие до полностью однородной массы, и в них все чаще происходят межрасовые и межэтнические конфликты. Как отмечает в своей книге «Плавильный котел или симфония» Абрам Сакер, Америку когда-то «называли плавильным котлом для всех иммигрантов, приехавших сюда в поисках лучшей жизни. В этом огромном котле они обретали новое качество — превращались в американцев. Сейчас такая модель этнического взаимодействия уже не кажется адекватной реальности. Америку правильнее сравнить с партитурой сложной симфонии, созданной талантом многих народов. В ней слышна мелодия каждого из них». Американская теория сегментной ассимиляции показывает, что у мигрантов есть три возможности. Они могут пройти процесс адаптации и интеграции, стать частью бедного городского населения или влиться в свое этническое сообщество. Каждая из возможностей имеет свои последствия для принимающего общества. Стоит отметить, что сегодня Россия занимает третье место после США и Германии по количеству мигрантов. Однако США реализуют иную миграционную политику, направленную на привлечение высококвалифицированных мигрантов, на что следует обратить внимание. Диаспоры выполняют важную социально-политическую и экономические функции, однако стремительное развитие диаспор может привести к глобальной этнической миграции и, как следствие, к еще большему притоку неквалифицированной рабочей силы.

Можно предположить, что этничность в качестве ресурса адаптации и интеграции на новом месте сегодня играет одну из решающих ролей в жизненной стратегии мигрантов. Однако те мигранты, которые уже однажды потеряли свою родину, никогда не будут полностью приняты в общество страны исхода и в то же время никогда полностью не освободятся от чувства «чужого» в стране поселения. Поэтому они вынуждены создавать свой мир «между» двумя обществами, который базируется на двойной идентичности.

Заключение

Формирование и развитие диаспор способствует как этнической интеграции, так и экономической. Диаспоры обладают значительным социально-экономическим ресурсом и могут оказывать воздействие на принятие решений в области государственного регулирования, влиять на социально-экономические процессы.

С одной стороны, диаспоры выполняют важную роль «помощника» и «куратора», с другой стороны, могут способствовать участию вновь прибывших мигрантов в неформальной экономике, что повышает уровень недокументированной миграции. Поэтому так важно, чтобы деятельность диаспор контролировалась компетентными органами.

Диаспоры существенно влияют на процесс перераспределения рабочей силы. С помощью усиления позиций диаспор отдельных этносов можно регулировать потоки мигрантов в рамках стран ЕАЭС.

С одной стороны, диаспоры выступают акторами интеграции и адаптации мигрантов в принимающее общество, неким буфером между мигрантским сообществом и местным населением, с другой — способствуют формированию этнических анклавов с этнической экономикой в местах территориальной концентрации мигрантов.

Модель интеграции мигрантов в РФ должна иметь специфический характер, отвечающий условиям и реалиям российской действительности. Однако это не означает игнорирование зарубежного опыта, особенно опыта ЕС. Для успешной интеграции мигрантов в России необходимы определенные условия: гармонизация сферы трудовых отношений путем улучшения условий и размера оплаты труда; стремление к легализации мигрантов, в особенности представителей третьих стран, не входящих в ЕАЭС, путем их присоединения к единому рынку труда; совершенствование системы правовой защиты мигрантов (мигранты, исключенные из правового поля, не могут считаться интегрированными); упрощение процедуры получения гражданства и обеспечение ее прозрачности; трансформация системы образования, в частности путем развития системы специального профессионального образования, и акцент на изучение русского языка. Учитывая функционирование единого рынка труда, необходимо серьезно задуматься о едином образовательном пространстве в ЕАЭС и создании Евразийского университета дружбы народов с сетью филиалов во всех странах ЕАЭС, так как необходимо готовить кадры с единым пониманием, с единой терминологией.

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В ЕАЭС В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Сергей РЯЗАНЦЕВ

доктор экономических наук,
член-корреспондент РАН, профессор,
руководитель Центра социальной демографии
Института социально-политических исследований РАН,
профессор РУДН и МГИМО,
заведующий лабораторией исследований
демографических процессов «НИУ БелГУ»
(Москва, Российская Федерация)

Исследование проведено при поддержке грантов РФФИ № 16-36-00411 мол_а и № 16-33-00051_а1.

Александр ТЕР-АКОПОВ

кандидат экономических наук,
научный сотрудник Центра социальной демографии
Института социально-политических исследований РАН
(Москва, Российская Федерация)

Елена ПИСЬМЕННАЯ

доктор социологических наук,
профессор Финансового университета
при Правительстве РФ
(Москва, Российская Федерация)

Марина ХРАМОВА

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии
Института социально-политических исследований РАН
(Москва, Российская Федерация)

АННОТАЦИЯ

В статье представлены два сценария развития миграционной ситуации в ЕАЭС: экстенсивный и интенсивный. В экстенсивном сценарии развития рассматриваются перспективы географического расширения Евразийского экономического союза, оценивается его влияние на потоки трудовой миграции и социально-экономические последствия для вступающих в Союз стран. Оцениваются перспективы и эффекты от присоединения к ЕАЭС Республики Таджикистан. Авторы указывают, что дальнейшее расширение Евразийского экономического союза должно строиться на активном взаимодействии с другими странами и интеграционными объединениями. В интенсивном сценарии развития миграционной ситуации в ЕАЭС представлены перспективы углубления экономической интеграции стран-участниц и создания единого рынка труда высококвалифицированных специалистов на базе единой инновационной инфраструктуры и единого образовательного пространства. Переход интеграционных проектов на постсоветском пространстве к более глубоким формам ограничивается национальными и экономическими интересами действующих и потенциальных членов интеграционных объединений. Стабилизация единого рынка труда ЕАЭС может произойти при условии роста не количества, а качества рабочей силы, роста ее профессиональной квалификации, а также повышения прозрачности миграционных потоков. Низкий уровень профессиональной подготовки не только сужает возможности трудовых мигрантов на внешних рынках труда, но и приводит к обострению социально-экономических проблем. Важно создать необходимые комфортные условия для миграции высококвалифицированных специалистов в рамках ЕАЭС. Необходимо

стимулировать развитие инновационной инфраструктуры и создание единого образовательного пространства. И именно к этому может привести формирование единого рынка труда высококвалифицированных специалистов. Креативная экономика повышает уровень требований к квалификации работников на рынке труда и тем самым стимулирует миграцию квалифицированных сотрудников. При этом важно не допустить «утечки умов» из стран — участниц ЕАЭС в третьи страны. Формирование экономики знаний на пространстве ЕАЭС способно решить ряд социально-экономических проблем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ***трудовая миграция, сценарии развития, Евразийский экономический союз (ЕАЭС)***.

Введение

Разработка сценариев развития миграционной ситуации — важный компонент управления миграционными и демографическими процессами. Основные проблемы прогнозирования связаны с тем, что миграционный прирост населения любой страны формируется в результате взаимодействия иммиграции и эмиграции, которые, в свою очередь, обусловлены различными факторами. А в случае интеграционных объединений, каковым является ЕАЭС, прогнозирование миграции усложняется неоднородностью социально-экономического и политического развития государств, в него входящих.

Российская миграционная политика сконцентрировалась в большей степени на регулировании иммиграции, а также на проблемах вокруг иммигрантов. Несмотря на наличие двух Концепций регулирования миграции (2003 г. и 2012 г.), в них не содержится прогноза конкретных параметров миграции. Во второй из Концепций (Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.) в качестве задач декларируются создание условий и стимулов для переселения в Российскую Федерацию на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, эмигрантов и отдельных категорий иностранных граждан; разработка дифференцированных механизмов привлечения, отбора и использования иностранной рабочей силы; содействие образовательной миграции и поддержка академической мобильности и пр. Однако в этом документе нет конкретных прогнозных параметров миграционного притока населения. Лишь в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной в 2007 году, отмечается, что России необходим миграционный прирост на уровне более 300 тыс. человек ежегодно. Росстат в демографическом прогнозе до 2030 года предлагает три сценария миграционного прироста: низкий (около 200—230 тыс.), средний (300—340 тыс.), высокий (400—500 тыс. человек)[1].

Достаточно близкой к России по своей демографической и миграционной политике является Республика Беларусь, которая также рассматривает миграцию в качестве компонента демографического развития. Активно принимает мигрантов и Казахстан, в том числе на основе этнической близости (программа возвращения этнических казахов-оралманов) для поддержания этнокультурного баланса, а также трудовых мигрантов для компенсации дефицита трудовых ресурсов. В то же время Армения и Кыргызстан в большей степени ориентированы на

[1] См.: *Рязанцев С.В., Богданов И.Я., Храмова М.Н.* Прогнозирование миграции в контексте формирования внешней миграционной политики России // Научное обозрение: Экономика и право, 2017, № 1. С. 12—15.

стимулирование эмиграции, развитие связей с диаспорой и привлечение ее средств в национальную экономику.

Материалы и методы

«Экстенсивный» сценарий развития миграционных процессов в условиях расширения ЕАЭС. Соперничество в борьбе за трудовые ресурсы, а также развитие единого рынка труда способствуют демографическому и территориальному расширению международных интеграционных объединений, что должно, в свою очередь, способствовать устойчивому социально-экономическому развитию. В этой связи привлечение новых ассоциированных членов и принятие новых стран большинством интеграционных объединений видится абсолютно логичным, экономически оправданным решением[2]. Не является исключением и ЕАЭС: присоединение к нему новых государств может изменить к лучшему социально-экономическую и демографическую ситуацию внутри ассоциации. Это же касается и более тесного взаимодействия между существующими интеграционными объединениями.

В этой связи уместно вспомнить слова Президента России В.В. Путина: «Евразийский экономический союз не стремится объединить только постсоветские государства; формируемое евразийское пространство будет иметь более широкие границы. Экономический союз может сыграть роль связующего звена между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом. У взаимоотношений ЕАЭС и ЕС есть большие перспективы совместного развития, несмотря на некоторую напряженность последнего периода, а удовлетворение обоюдных экономических интересов в XXI веке может привести к формированию единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока. ЕАЭС станет частью и европейского, и азиатского экономического пространства, создаст большую площадку экономического взаимодействия, «гармоничное сотрудничество экономик»[3]. А Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко выдвинул понятие «интеграция интеграций»[4], предполагающее тесное взаимодействие двух интеграционных структур — ЕС и ЕАЭС.

Несмотря на финансово-экономический кризис 2014—2015 годов, значительное обесценивание российского рубля и некоторые разногласия на политическом уровне, ЕАЭС продолжает оставаться реальной и перспективной формой развития интеграции в рамках бывшего СССР. Преимущество ЕАЭС перед другими примерами интеграции и регионализма на постсоветском пространстве заключается в последовательном соблюдении принципа взаимовыгодности, а также в уважении суверенитета государств — членов организации.

Многие страны проявляют интерес к интеграции с ЕАЭС в той или иной форме. Например, в 2015 году было заключено соглашение о создании зоны свободной торговли ЕАЭС с Вьетнамом. О готовности заключить подобные соглашения говорили лидеры Израиля, Египта, Китая, Индии, Ирана, Пакистана, Зимбабве, Туниса, Сирии, Иордании, Монголии, Албании и некоторых других стран[5]. В Евразийскую экономическую комиссию было подано около 30 об-

---

[2] См.: *Безвербный В.А.* Демографические и миграционные аспекты региональной интеграции. В кн.: Миграционные мосты в Евразии: Материалы VII международной научно-практической конференции «Роль трудовой миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылающих и принимающих стран» (Москва — Ставрополь, 13—18 октября 2015 г.) / Под ред. чл.-корр. РАН С.В. Рязанцева. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2015. С. 338.

[3] *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия, 5 октября 2011. С. 5.

[4] *Лукашенко А.Г.* О судьбах нашей интеграции // Известия, 19 октября 2011. С. 5.

[5] См.: Тунис предложил создать зону свободной торговли с ТС и ЕАЭС // Российская газета, 14 января 2015 [http://rg.ru/2015/01/14/tunis-anons.html], 18 апреля 2017; Зимбабве захотела заключить соглашение о зоне свободной

ращений. Значимым событием может стать реализация договоренностей лидеров России и Китая (май 2015 г.) об объединении двух проектов — ЕАЭС и «Нового Шелкового пути». А наиболее реальным механизмом создания и развития данной формы интеграции может стать зона свободной торговли.

Близки к интеграции в ЕАЭС и страны Центральной Азии, в частности Таджикистан. Президент Таджикистана Э. Рахмон еще в 2014 году заявлял о необходимости изучить экономическую базу и правовые документы Евразийского экономического союза «с целью возможного дальнейшего вхождения в это новое интеграционное объединение»[6]. Одним из оснований для вступления Таджикистана в ЕАЭС как раз и может быть активная и масштабная трудовая эмиграция в Россию и Казахстан. Для Таджикистана в настоящее время эмиграция — реальный механизм уменьшения численности безработных и сокращения дефицита платежного баланса за счет поступления денежных переводов. Трудовая миграция стала не только средством выживания населения и инструментом снижения демографической напряженности, но и механизмом экономической интеграции на постсоветском пространстве снизу[7]. По данным Всемирного банка, трудовая миграция и денежные переводы занимают центральное место в развитии Таджикистана с 2000 года[8].

Население Таджикистана увеличивается, а количество рабочих мест в стране растет недостаточно быстро. По данным национального Агентства по статистике, прирост населения в Таджикистане за 2005—2013 годы составил 2 млн человек: оно возросло с 6,1 млн до 8,1 млн человек[9]. При этом сельское хозяйство является одним из немногих секторов экономики, в котором наблюдается увеличение количества рабочих мест. Оно аккумулирует около 2/3 занятых. Занятость в других секторах экономики практически не растет или растет крайне медленно. Всего около 18% населения заняты в нематериальной сфере. По данным ЕАБР, в 2010 году более 36% населения Таджикистана в трудоспособном возрасте и вовсе были не заняты в экономике[10]. По данным обследования уровня жизни в Таджикистане, проведенного Всемирным банком в 2007 году, трудовая миграция концентрируется среди членов бедных домохозяйств: у 60% домохозяйств с низким уровнем потребления как минимум один член семьи работает за рубежом[11]. Существует значительная разница в доходах трудовых мигрантов, работающих в России, и населения, работающего в Таджикистане. По оценкам ЕАБР, мигранты зарабатывают в 3,8 раза больше, чем работники в Таджикистане с аналогичными социально-экономическими характеристиками. По данным опроса, проведенного ЕАБР в 2009 году среди мигран-

---

торговли с ЕАЭС // Интерфакс, 17 июля 2015 [http://www.interfax.ru/business/454338], 19 апреля 2017; Египет и ЕАЭС договорились о создании зоны свободной торговли // Газета.ру, 10 февраля 2015 [http://www.gazeta.ru/business/news/2015/02/10/n_6911237.shtml], 26 апреля 2017.

[6] Национальное информационное агентство Таджикистана «Ховар» [http://khovar.tj/rus/economic/43089-tadzhikistanu-i-evraziyskiy-ekonomicheskiy-soyuz.html], 25 апреля 2014.

[7] См.: *Дадабаева З.А.* Потенциал и перспективы вступления Республики Таджикистан в Евразийкийй экономический союз. В кн.: Экономическое взаимодействие стран — членов СНГ в контексте Евразийского интеграционного проекта: Сборник научных статей / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. М.: ИЭ РАН, 2015. С. 253—269.

[8] См.: Таджикистан: замедляющийся рост, растущая неопределенность. Последний выпуск: Полугодовой доклад об экономике. Весна 2015 г. // Официальный сайт Всемирного банка [http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/Publications/ECA/centralasia/Tajikistan-Economic-Update-Spring-2015-ru.pdf], 5 апреля 2017.

[9] См.: Официальный сайт Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан [http://www.stat.tj/ru/img/b417f44e3113e555ffff3cd143d5b3fe_1404816557.pdf], 12 апреля 2016.

[10] См.: Оценка экономического эффекта присоединения Республики Таджикистан к Таможенному союзу и Единому экономическому пространству // Официальный сайт ЕАБР [http://www.eabr.org/r/research/centre/projectsCII/Tajikistan_CU_SES/], 22 апреля 2016.

[11] См.: Обследование уровня жизни в Таджикистане 2007 г. // Официальный сайт Всемирного банка [http://siteresources.worldbank.org/INTLSMS/Resources/3358986-1181743055198/3877319-1220620169904/Basic_Information_Document_June_08_Rus.pdf], 17 апреля 2017.

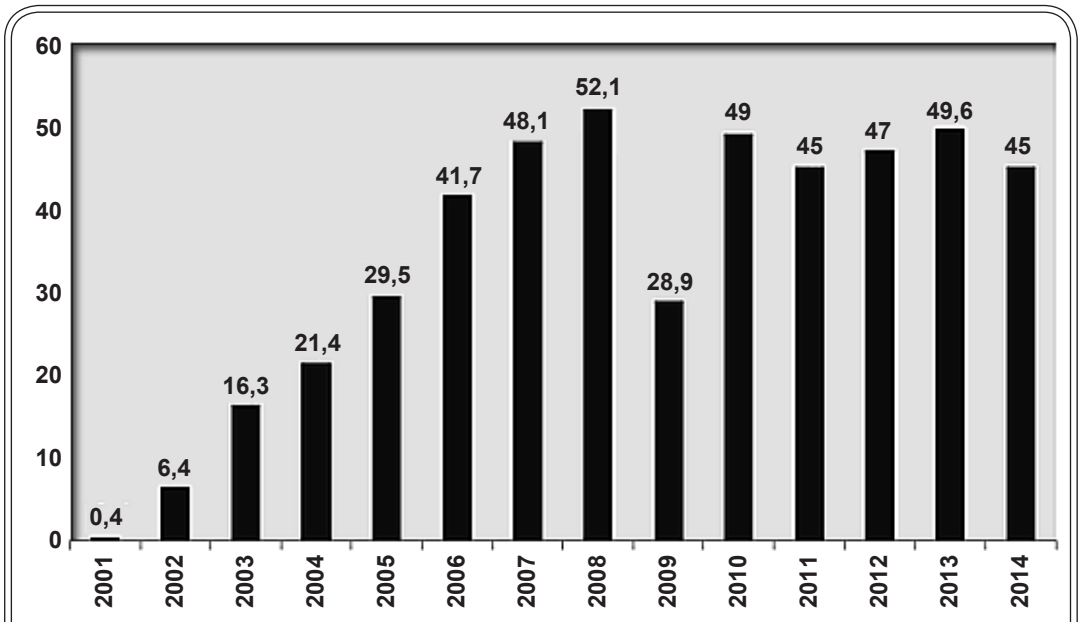
тов, вернувшихся в Таджикистан, около 98% опрошенных назвали в качестве основной причины миграции необходимость найти работу. Более 60% мигрантов были в Таджикистане безработными. А около 27% работали, но предпочли переехать в другую страну с целью поиска работы с более привлекательной зарплатой[12].

Необходимо отметить высокий уровень зависимости национальной экономики Таджикистана от денежных переводов трудовых мигрантов. Более 90% денежных переводов, поступающих в страну, приходит из России.

По информации Центрального банка РФ, в 2014 году из России в Таджикистан через системы денежных переводов (Anelik, BLIZKO, Contact, InterExpress, UNIStream, Western Union, Колибри, ЛИДЕР, Почта России, Золотая Корона) было переведено 3,83 млрд долл.[13] Однако данную цифру нельзя считать абсолютно достоверной, поскольку она не учитывает средства, вывезенные в наличной форме и переведенные через неформальные каналы. По данным Национального банка Республики Таджикистан, трудовые мигранты в 2014 году отправили на родину около 4 млрд долл., что составляет 45% ВВП страны[14]. Это сделало Таджикистан самым зависимым от денежных переводов государством в мире.

Рисунок 1

Доля денежных переводов в ВВП Таджикистана за период 2001—2014 годов, %



Источник: Таджикистан в цифрах. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте РТ, 2014. С. 53—55.

[12] См.: Оценка экономического эффекта присоединения Республики Таджикистан к Таможенному союзу и Единому экономическому пространству.

[13] См.: Трансграничные переводы, осуществленные через системы денежных переводов по основным странам-контрагентам за 2014 год // Официальный сайт ЦБ РФ [http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=CrossBorder/Rem_countries_14.htm], 10 апреля 2017.

[14] См.: Официальный сайт Национального банка Республики Таджикистан [http://www.nbt.tj/files/monetary_policy_2012_tj.pdf.pdf], 17 апреля 2017.

Но чем больше доля поступлений от трудовых мигрантов в ВВП страны-донора, тем больше ее национальная экономика зависит от экономической ситуации в стране-реципиенте рабочей силы. Экономический спад в Российской Федерации нанес тяжелый удар по экономике Таджикистана и выявил высокую степень зависимости Республики Таджикистан от миграции. По данным Всемирного банка, в результате резкой девальвации российского рубля стоимость денежных переводов в долларовом эквиваленте снизилась в 2014 году на 8,3%. В начале 2015 года стоимость денежных переводов продолжила падать: в январе — апреле 2015 года в республику физическими лицами было перечислено 615,6 млн долл., что на 318,6 млн (т.е. на 34,1%) меньше показателя аналогичного периода прошлого года[15].

Денежные переводы способствуют сокращению уровня бедности в Таджикистане, который снизился с 41% в 2012 году до 34% в 2014 году[16]. Без денежных переводов из России и Казахстана уровень бедности в Таджикистане составил бы не 34%, а 55%. Среди получающих переводы домохозяйств уровень бедности значительно ниже, чем в среднем по стране (19% против 34%). Денежные переводы особенно сильно снижают уровень бедности в сельских районах.

В настоящее время по-прежнему можно наблюдать масштабную трудовую миграцию из Таджикистана в Россию. По данным ФМС России, в мае 2015 года на территории страны находилось 990 тыс. таджикских граждан, в том числе молодые трудоспособные мужчины в возрасте от 18 до 29 лет составляли около 412 тыс. человек[17]. Реальная численность трудовых мигрантов из Таджикистана в России могла быть значительно больше: официальная статистика не охватывает всех мигрантов[18]. Экономический кризис, падение доходов мигрантов, ужесточение российского миграционного законодательства в 2014—2015 годах способствовали сокращению общего числа трудовых мигрантов из Таджикистана в РФ[19].

Членство Таджикистана в ЕАЭС позволит его гражданам получить доступ к единому рынку труда. А Россия как основная принимающая таджикских трудовых мигрантов страна заинтересована не только в увеличении трудовых ресурсов, но и в легализации мигрантов из Таджикистана, а также в сохранении и укреплении интеграционных связей со странами бывшего СССР. В случае присоединения Таджикистана к ЕАЭС можно выделить следующие эффекты в контексте трудовой миграции.

Для принимающих стран (России и Казахстана) потенциальными эффектами станет рост доходов бюджетов за счет уплаты мигрантами подоходного налога в результате легализации (сегодня российский бюджет недополучает 10—40 млрд рублей в год только от налога на доходы физических лиц); оптимизация распределения рабочей силы внутри ЕАЭС; уменьшение издержек по сдерживанию недокументированной миграции (легализация трудовых мигрантов через механизм единого рынка труда)[20].

Для Республики Таджикистан как посылающей страны вхождение в единый рынок труда в большей степени приведет не столько к увеличению потоков трудовой миграции из страны, сколько к легализации тех трудовых мигрантов, которые работают в странах ЕАЭС без доку-

---

[15] См.: Таджикистан: замедляющийся рост, растущая неопределенность. Последний выпуск: Полугодовой доклад об экономике. Весна 2015 г.

[16] Рассчитывается на основе международной черты бедности в 2,5 долл. в день по паритету покупательной способности.

[17] См.: Официальный сайт ФМС РФ [http://www.fms.gov.ru/document/5832], 3 апреля 2016.

[18] См.: Там же.

[19] См.: *Рязанцев С., Богданов И., Доброхлеб В., Лукьянец А.* Миграционное взаимодействие стран Центральной Азии с Россией и Казахстаном в контексте интеграционных процессов в ЕАЭС // Центральная Азия и Кавказ, 2017, Том 20, Выпуск 1. С. 44—56.

[20] См.: *Ryazantsev S.* The Lingual Integration of Migrants in Russia: Declaration and Realities // Life Science Jornal, 2014, No. 11 (8s). P. 139—143.

ментов. Можно полагать, что после вступления Таджикистана в ЕАЭС трудовая миграция увеличится незначительно — примерно на 10—15%, учитывая ее сезонный характер. В случае присоединения Таджикистана к единому рынку труда уровень заработной платы мигрантов приблизится к национальному уровню, а объемы денежных переводов могут вырасти в интервале 15—25% от текущего уровня, доля этих переводов в ВВП Таджикистана — до 49—53% (при улучшении экономической ситуации в России).

«Интенсивный» сценарий развития миграционной ситуации в ЕАЭС. Переход интеграции на территории бывшего СССР к более глубоким формам ограничивается национальными интересами действующих и потенциальных членов интеграционных объединений[21], а те, в свою очередь, «формируются в результате сопряжения целей развития стран с национальными, глобальными и региональными факторами (ресурсами) их достижения, культурно-историческими традициями и характером внешних угроз»[22]. Поэтому проблемы развития евразийских интеграционных проектов (СНГ и ЕАЭС) в первую очередь связаны с ответом на вопрос; есть ли у участников этих проектов реальные возможности эффективного развития взаимных связей? Речь идет как о стратегии экономического объединения, так и о геополитической, военной, интеллектуальной, социокультурной интеграции. В центре повестки дня находятся вопросы создания в Евразии стабильной и предсказуемо развивающейся региональной политической и экономической системы, а также формирования на ее базисе глобального центра мирового развития и стабильности[23].

Результаты

Полагаем, что стабилизация единого рынка труда ЕАЭС может произойти при условии роста не только количества, но и качества рабочей силы, прежде всего ее профессиональной квалификации. Низкий уровень профессиональной подготовки значительно сокращает возможности трудоустройства мигрантов на внешних рынках труда, а кроме того, приводит к обострению социально-экономических проблем в принимающих странах. Доминирование в миграции низкоквалифицированной рабочей силы усиливает проблемы социокультурной адаптации мигрантов в принимающих странах, обостряет ситуацию с медицинским обслуживанием, обеспечением жильем, перегрузкой транспортной и социальной инфраструктуры.

Приоритетным направлением развития ЕАЭС является формирование инновационной экономики, которая требует квалифицированных рабочих и высококвалифицированных специалистов. Существует также объективная необходимость развивать инновационную инфраструктуру и создавать единое образовательное пространство. В этой связи важно обеспечить благоприятные условия для стимулирования миграции высококвалифицированных специалистов. Речь идет о создании единого рынка труда высококвалифицированных специалистов через механизмы инновационной и образовательной инфраструктуры. При этом важно не допустить «утечки умов» из стран ЕАЭС в третьи страны.

Возможно создание Евразийского инновационного центра и венчурного фонда, которые будут способствовать развитию НИОКР и диффузии инноваций, а также Фонда поддержки экспортно-ориентированных производств. Деятельность этих структур позволит повысить

---

[21] См.: *Ryazantsev S., Bozhenko V.* New Approaches to Managing Labour Migration under Integration in EurAsEC // Asian Social Sciences, 2014,Vol. 10, No. 20. P. 195—200.

[22] См.: *Вардомский Л.Б.* Вопросы евразийской интеграции. В кн.: Внешнеэкономические связи постсоветских стран в контексте евразийской интеграции / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. М.: ИЭ РАН, 2014. С. 12.

[23] См.: *Дадабаева З.А.* Указ. соч.

долю товаров ЕАЭС в мировом товарообороте, а также будет способствовать продвижению экспортно-ориентированной наукоемкой продукции. А кроме того, развитие инновационной инфраструктуры позволит создать множество рабочих мест для квалифицированных специалистов.

Дискуссия

По стартовым условиям формирования инновационных экономик страны ЕАЭС значительно уступают экономически развитым странам. Согласно данным Глобального индекса инноваций (The Global Innovation Index) по версии французского исследовательского института INSEAD, в списке из 143 стран Россия занимает 49-ю позицию, Республика Беларусь — 58-е место, Армения — 65-е, Казахстан — 79-е, Кыргызстан — 112-е. Лидером в области инновационных технологий в ЕАЭС можно считать Российскую Федерацию, в которой представлены все основные элементы инновационной инфраструктуры. Однако они слабо скоординированы и не всегда эффективны. В Казахстане инновационная инфраструктура имеет более зрелую форму, но здесь наблюдаются проблемы коммерциализации научных разработок и разрыв исследований с производством, что приводит к низкому уровню инженерно-технического обеспечения. В Беларуси сложилась система информационного обеспечения Государственной инновационной программы, а также система мониторинга инновационного развития отраслей и регионов. В Армении хотя и наметилась тенденция к инновационному развитию, однако научно-техническая составляющая продолжает развитие в отрыве от идеи всестороннего использования человеческого капитала. Здесь пока еще не сформирована концепция развития инновационной инфраструктуры. Кыргызстан имеет ряд проблем организационного и законодательного характера, которые создают препоны на пути правового обеспечения инновационного развития. Для всех стран — участниц ЕАЭС характерен низкий уровень финансирования НИОКР и отсутствие института финансирования стадии коммерциализации. Для достижения эффективного функционирования евразийской инновационной системы необходима скоординированная целенаправленная политика всех стран — участниц ЕАЭС, в частности согласованность в проведении лицензионной и патентной политики.

Заключение

Представленные два сценария развития миграционной ситуации в ЕАЭС («экстенсивный» и «интенсивный») могут в целом соответствовать состоянию социально-экономической ситуации на постсоветском пространстве, но могут реализоваться в различных комбинациях в зависимости от внутренних и внешних факторов. Но в целом развитие миграционной ситуации по обоим сценариям приведет к положительным последствиям как для национальных экономик стран ЕАЭС, так и для единого рынка труда.

В соответствии с положениями экономической теории, трудовая миграция не будет вести к конвергенции развития экономик стран, пока существует серьезная дифференциация в технологическом развитии. В странах с низким уровнем инновационно-технологического развития заработные платы будут ниже, чем в более развитых в технологическом отношении странах-партнерах. Для скоординированной инновационной и образовательной политики необходимо участие всех стран — членов ЕАЭС. Необходимо создание «локомотивов» инновационного и образовательного развития (например, Евразийского инновационного центра и Евра-

зийского университета дружбы народов с сетью филиалов), формирование которых должно происходить с использованием зарубежного опыта развития подобных проектов и привлечением международного научного и экспертного сообщества. Формирование фундаментальной составляющей инновационного и образовательного развития в ЕАЭС также должно сопровождаться одновременной имплементацией законодательных норм и институциональных правил.

Образование может рассматриваться как важный и основной социально-экономический инструмент углубления интеграции в ЕАЭС. Единый рынок труда требует общих подходов в подготовке кадров, а на данный момент единая образовательная система в ЕАЭС отсутствует. В рамках единого рынка труда функционирует лишь система признания квалификаций и дипломов об образовании (за исключением медицинского, педагогического и юридического образования). Формирование единой экономической политики в ЕАЭС диктует необходимость формирования и единого образовательного пространства, учитывая также, что все страны — участницы ЕАЭС являются членами Болонского процесса, за исключением Кыргызской Республики, что позволит использовать опыт Европейского союза в формировании единого образовательного пространства.

Трудовая миграция высококвалифицированных специалистов — важный фактор, который положительно скажется на национальных рынках труда всех государств ЕАЭС. Выпускники Сетевого университета могут работать в любой стране ЕАЭС и конкурировать между собой как на национальных, так и на общем рынках труда. Стоит также отметить значимость изучения русского языка на пространстве ЕАЭС. Во многих республиках бывшего СССР русский язык все еще играет важную роль. Русский язык является рабочим языком Евразийской экономической комиссии, СНГ, Шанхайской организации сотрудничества и Организации договора о коллективной безопасности. Кроме того, учитывая масштабные потоки трудовых мигрантов из Кыргызстана, Армении и Таджикистана в Россию, изучение русского языка трудовыми мигрантами является залогом получения более высокооплачиваемого рабочего места.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ И РЕСУРСНАЯ ПОЛИТИКА

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПОТОКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сергей ЖИЛЬЦОВ

доктор политических наук, профессор-исследователь кафедры политического анализа и управления РУДН (Москва, Российская Федерация)

Владимир ШТОЛЬ

доктор политических наук, заведующий кафедрой регионального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Российская Федерация)

Владимир ЕГОРОВ

доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Российская Федерация)

АННОТАЦИЯ

Разработка новых месторождений в странах Центральной Азии в 2015—2016 годах, изменение подходов к сотрудничеству с центрально-азиатскими странами в энергетической сфере со стороны России, Ирана и Ки-

тая возродили интерес к трубопроводным проектам, разрабатывавшимся в 1990-х годах. Если учесть их геополитическое значение, можно предвидеть усиление соперничества как между странами региона, так и между внерегиональными государствами. Новые трубопроводы могут не только создать дополнительные возможности для доставки нефти и газа из Центральной Азии на внешние рынки, но и кардинально изменить расстановку сил в регионе. Этим объясняется повышение роли углеводородных ресурсов во внешней политике центральноазиатских стран и усиление их внимания к трубопроводному транспорту.

За 25 лет страны Центральной Азии добились значительных успехов в создании новой системы трубопроводов. Реализация трубопроводных проектов в регионе была тесно связана с добычей углеводородного сырья: доставка на внешние рынки дополнительных объемов нефти и газа стала ключевой задачей внешней политики стран Центральной Азии.

Несмотря на строительство новых трубопроводов, которые разрушили монополию России на вывоз углеводородных ресурсов Центральной Азии на внешние рынки, государства региона не смогли снизить зависимость от политики соседних стран, выступающих в качестве конечного потребителя или транзитеров нефти и газа. Более того, страны Центральной Азии оказались жестко привязаны к энергетическим интересам Китая, Ирана и России, которые через механизмы ценообразования и объемы закупаемых энергоресурсов получили возможности воздействовать на государства региона.

Политика стран Центральной Азии по диверсификации трубопроводных маршрутов зависит от темпов разработки месторождений нефти и газа: реальные возможности стран Центральной Азии в короткие сроки значительно нарастить объемы добычи углеводородных ресурсов и наполнить экспортные трубопроводы оказались ограниченными. Многочисленные прогнозы добычи нефти и газа, сделанные в 1990-х годах впоследствии много раз пересматривались в сторону снижения. Большая часть построенных в Центральной Азии трубопроводов не вышла на полную мощность: объемы добычи на старых месторождениях падали, а разработка новых месторождений требовала значительных вложений и применения новых технологий, которыми страны не располагали. В результате для разработки месторождений нефти и газа потребовалось гораздо больше времени, и сроки строительства экспортных трубопроводов постоянно отодвигались. С другой стороны, страны Центральной Азии испытали влияние более сильных, нежели ожидалось, геополитических изменений, колебаний цен на мировых рынках и изменений политики соседних государств. Выход Ирана из режима санкций и пересмотр им политики в сфере добычи и экспорта углеводородов, сохранение нестабильности в Афганистане, снижение заинтересованности у России и Китая в дополнительных объемах углеводородного сырья также сказались на развитии энергетического сектора стран Центральной Азии.

Несмотря на трудности, страны региона не отказывались от реализации новых трубопроводных проектов, так как видят в них дополнительные возможности для экспорта углеводородных ресурсов и укрепления геополитических позиций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ***Центральная Азия, трубопроводы, нефть, газ, энергетическая политика, Россия, США, ЕС, Китай.***

Введение

История современных трубопроводных проектов в Центральной Азии — это история поиска странами региона возможностей ослабить транспортно-коммуникационное доминирование России. После распада СССР Россия в силу выгодного географического положения сохранила влияние в регионе, фактически определяя объемы экспорта нефти и газа из бывших советских республик. Данная ситуация отражала исторически сформировавшуюся систему трубопроводов, которые в период Советского Союза шли из Средней Азии в направлении России. Преодоление подобной зависимости и диверсификация трубопроводных маршрутов стали важной задачей стран Центральной Азии. Нефть и газ стали рассматриваться ими через призму утверждения независимости и расширения сотрудничества с западными государствами, которые уделяли альтернативным маршрутам экспорта энергоресурсов повышенное внимание.

Наличие значительных запасов нефти и газа привело к появлению многочисленных прогнозов роста их добычи. Однако большинство представленных оценок потенциальных запасов и объемов добычи оказались завышенными. Никакие сомнения в наличии фантастических объемов углеводородных ресурсов и возможностях резко нарастить темпы их добычи в расчет не брались, и преувеличенные данные по запасам использовались странами региона для привлечения дополнительного внимания западных государств и нефтегазовых компаний. Такая политика дала свои результаты: государства Центральной Азии смогли привлечь инвестиции нефтегазовых компаний и увеличить добычу углеводородного сырья, а также реализовать некоторые проекты экспортных трубопроводов. Полученные за счет увеличения экспорта нефти и газа средства позволили стабилизировать ситуацию в социально-экономической сфере и укрепить государственные институты. В то же время страны региона не достигли прогнозных показателей добычи углеводородов. Не было устойчивого спроса на дополнительные объемы, сказывалось отсутствие необходимой для экспорта инфраструктуры. Поэтому многие из проектов трубопроводов, появившиеся в 1990-х годах, стали реализовываться только в начале 2000-х годов, когда выросли цены на мировом рынке и потребности в углеводородном сырье у Китая.

Наибольший интерес вызывали проекты трубопроводов, предусматривающие доставку нефти и газа в Европу (западное направление), а также в Китай и Японию (восточное направление). Обсуждение, разработка технико-экономического обоснования (ТЭО) многих проектов были инициированы западными странами. Реализация трубопроводных проектов, идущих в обход российской территории, рассматривалась ими в качестве инструмента ослабления роли России в Центральной Азии. В свою очередь, новые проекты трубопроводов вызвали большой интерес в центральноазиатских странах, которые увидели в них возможности повысить самостоятельность в энергетической сфере и обеспечить доступ своего углеводородного сырья на внешние рынки. В итоге их «дружба» с Россией уступила место энергетическому сотрудничеству с Западом и Китаем.

Реализовать проекты по добыче и экспорту углеводородов помогли инвестиции ведущих нефтегазовых компаний, сыгравшие ключевую роль в развитии нефтегазового сектора стран Центральной Азии. Прежде всего это касалось Казахстана и Туркменистана, чьи нефть и газ оказались в фокусе внимания многих стран мира.

В переориентации экспортных потоков нефти и газа из региона ключевую роль сыграл Китай, который последовательно расширял свое влияние в регионе. Китайская сторона преследовала не только коммерческие, но и геополитические цели, стремясь не допустить внешнеполитической переориентации Астаны и Ашхабада в сторону Запада. Кроме того, Китай стремился решить важную стратегическую задачу — сократить зависимость от ближневосточ-

ных поставщиков энергоресурсов[1]. Соответственно, в Пекине пристально следили за диалогом центральноазиатских стран с ЕС и США, которые, в свою очередь, через трубопроводные проекты намеревались ограничить влияние Китая в регионе и переориентировать будущие потоки углеводородов из Центральной Азии.

Китайская политика по формированию устойчивых нефтегазовых маршрутов из региона в целом позитивно **воспринималась центральноазиатскими государствами, поскольку Пекин выступал в качестве основного источника финансирования инфраструктурных проектов.** Кроме того, страны Центральной Азии стремились ослабить зависимость от России и диверсифицировать поставки углеводородного сырья на внешние рынки, рассматривая это в качестве шагов, направленных на укрепление своей независимости.

Повышенное внимание Туркменистан и Казахстан уделяли развитию отношений с Ираном, по территории которого нефть и газ центральноазиатских стран могли транспортироваться в южном направлении. Иранское направление рассматривалось Ашхабадом в качестве первого шага к выходу на европейский рынок газа в обход России. Туркменистан вынашивал амбициозные планы по строительству супергазопровода Туркменистан — Иран — Турция — Европа. Однако реализация данного проекта требовала значительных средств. Кроме того, осуществлению планов по доставке туркменского газа в Европу препятствовали сложности в отношениях Ирана с западными странами, а также отсутствие потребителей для туркменского газа. Эти факторы в конце концов не позволили туркменскому газу выйти на европейский рынок. Тем не менее Иран сыграл важную роль в диверсификации поставок нефти и газа из региона. В 1997 году Туркменистан и Иран расширили энергетическое сотрудничество, построив газопровод Корпедже (Туркменистан) — Курт-Куи (Иран).

Большой интерес к Ирану проявлял Казахстан, рассчитывая проложить по его территории нефтепровод для экспорта своей нефти. Речь шла об организации морской транспортировки казахстанской нефти с месторождений Тенгиз, Каламкас и Кумколь с последующей отгрузкой эквивалентных объемов иранской нефти с южных терминалов. Кроме того, прорабатывался вариант прокладки трубопровода из Западного Казахстана в Иран и подсоединению его к нефтепроводу Нека — Тегеран. Однако эти масштабные проекты не были реализованы. Казахстан, как и Туркменистан, не стал обострять отношения с Западом, наложившим на Иран санкции, и развернулся в сторону России и Китая.

Повышенный интерес центральноазиатские страны проявляли к проектам трубопроводов, идущих в восточном и южном направлениях. Речь шла о доставке нефти и газа в Китай, Индию и Японию, что предполагало строительство протяженных трубопроводов. Однако в конце 1990-х годов, в период низких цен на углеводородные ресурсы, эти проекты не получили развития. Сказывалась и политика западных стран, стремившихся переориентировать дополнительные объемы нефти и газа в направлении Европы и затормозить развитие казахстанско-китайских и туркменско-китайских отношений, которые стали активно развиваться на рубеже столетий.

Тем не менее часть проектов была реализована. Помимо газопроводов Туркменистан — Иран (1997, 2010 гг.), были построены газопроводы Туркменистан — Китай (2009 г.), Казахстан — Китай (2009 г.). Тем самым Туркменистан и Казахстан положили начало созданию новой трубопроводной инфраструктуры, позволявшей им диверсифицировать поставки нефти и газа на внешние рынки. Также был сформирован энергетический коридор для поставок нефти танкерами из Казахстана и Туркменистана через Каспийское море в Азербайджан. Хотя объемы поставок не превышали в среднем 2—3 млн т в год, сама возможность экспорта в за-

[1] См.: *Дадабаева З.А., Кузьмина Е.М.* Процессы регионализации в Центральной Азии: проблемы и противоречия. М.: Институт экономики РАН, 2014. С. 33.

падном направлении высоко оценивалась в странах Центральной Азии. В 2015 году в Туркменистане закончили строительство газопровода Восток — Запад, что фактически завершило первый этап формирования новой трубопроводной архитектуры в Центральной Азии.

Новая расстановка сил

Несмотря на положительные результаты в реализации трубопроводных проектов, во втором десятилетии XXI века ситуация в Центральной Азии стала стремительно меняться. Одной из причин этого стал пересмотр Россией, Ираном, Китаем характера сотрудничества со странами Центральной Азии в энергетической сфере, что было связано со снижением у них потребности в углеводородном сырье.

С 1990-х годов отношения Туркменистана с Россией выстраивались непросто, хотя до середины первого десятилетия XXI века туркменский газ стабильно направлялся через российскую территорию. Так, в 2008 году Туркменистан поставлял в Россию до 40 млрд куб. м газа. Однако мировой экономический кризис и изменение спроса на газ в европейских странах повлияли на российско-туркменские отношения, прежде всего в энергетической сфере. В итоге Россия и Туркменистан не смогли договориться о ценах и объемах экспорта туркменского газа. Снижение заинтересованности у Ашхабада к поиску механизмов сотрудничества с российской стороной объяснялось его переориентацией на Китай, который стремительно усиливал позиции в топливно-энергетическом секторе Туркменистана. В тот период активно строился газопровод Туркменистан — Китай, введенный в эксплуатацию в 2009 году. Это открыло перед Ашхабадом новые возможности для экспорта газа. Затем началось сооружение второй и третьей линий трубопровода, которые были завершены в 2015 году. Это позволило Китаю довести потенциальный объем импорта газа до 55 млрд куб. м в год. Из них 10 млрд куб. м должно было поставляться из Узбекистана и 10 млрд куб. м — из Казахстана, по территории которых проходит газопровод.

Ориентация на Китай позволила Туркменистану ослабить внимание к российскому направлению экспорта углеводородных ресурсов. В итоге начиная со второго десятилетия XXI века поставки туркменского газа в Россию неуклонно снижались, а с января 2016 года экспорт газа через российскую территорию был прекращен.

В последние годы менялись отношения Туркменистана с европейскими странами. Переговоры о строительстве Транскаспийского газопровода, который должен был обеспечить возможности для транспортировки туркменского газа на европейский рынок, не дали результата. Сказались нерешенность вопроса о статусе Каспийского моря в пятистороннем формате. Строительству газопровода препятствовали неясные перспективы уровня добычи газа в Туркменистане, а также расхождения интересов между Ашхабадом и Баку: последний был заинтересован в преимущественных поставках в Европу собственных углеводородных ресурсов.

Непросто складывались отношения Туркменистана с Ираном. На протяжении многих лет Туркменистан поставлял свой газ в северо-восточные области Ирана, удаленные от основных иранских газовых месторождений. Строительство газопроводов из Туркменистана позволяло Ирану, который с середины 1990-х годов находился под санкциями западных стран, решать текущие экономические задачи, связанные с поставками газа в северо-восточные области страны, и получить альтернативные источники газа. В итоге туркменский газ мог экспортироваться в Иран по двум трубопроводам, построенным в 1997-м и в 2010 году. Максимальный объем поставок мог быть доведен до 20 млрд куб. м. И все же Тегерану столько газа никогда не требовалось. Туркменистан ежегодно экспортировал в Иран в среднем около 8 млрд куб. м.

Однако иранское направление рассматривалось Ашхабадом в качестве перспективного маршрута экспорта углеводородного сырья. Туркменистан рассчитывал увеличить поставки до 14 млрд куб. м, а затем реализовать проект строительства газопровода в Европу.

В конце 2016 года отношения двух стран ухудшились. Туркменистан потребовал от Ирана погасить долг за поставки газа в размере 1,8 млрд долл., который образовался в 2007—2008 годах. Иранская сторона отказалась выполнить требование Туркменистана, тот в качестве ответной меры с января 2017 года прекратил поставлять газ в северо-восточные области Ирана. Однако данные действия Ашхабада не изменили позицию иранской стороны. В последние годы Иран осваивал месторождение Южный Парс и создавал инфраструктуру для поставок в северо-восточные области страны собственного газа. Для этого был построен газопровод, задействован автомобильный и железнодорожный транспорт. В результате после 2016 года Иран получил возможность самостоятельно обеспечить внутренние потребности, что снизило его заинтересованность в приобретении туркменского газа.

Прекратив поставки газа в Иран и пойдя на обострение двусторонних отношений, Туркменистан перечеркнул усилия, которые предпринимал на протяжении последних 20 лет. В итоге единственным покупателем туркменского газа оказался Китай, отношения с которым также имеют свои особенности. После введения в строй газопровода Туркменистан — Китай Пекин проявил интерес к расширению его мощности. Ожидалось, что к 2020 году Китай сможет получить из Центральной Азии до 65 млрд куб. м газа[2]. Из них на долю Узбекистана и Казахстана должно было приходиться по 10 млрд куб. м газа. Однако к середине второго десятилетия XXI века Пекин скорректировал планы по увеличению мощности трубопровода, поскольку даже имеющиеся три его нитки не были задействованы на полную мощность.

Снижение заинтересованности у Китая в увеличении закупок туркменского газа привело к переносу сроков строительства четвертой нитки газопровода мощностью 30 млрд куб. м. Трубопровод протяженностью 210 км и оценочной стоимостью в 800 млн долл. должен был соединить действующую газопроводную систему на территории Узбекистана со строящимся участком в Таджикистане. В марте 2017 года компания «Узбекнефтегаз» и Китайская национальная нефтегазовая корпорация отложили реализацию проекта не неопределенный срок. Изменение планов по наращиванию мощности трубопровода свидетельствует о корректировке Китаем своей энергетической политики, а также о снижении у Пекина заинтересованности в получении туркменского газа.

Трубопроводная архитектура: новый этап

В 2015—2016 годах страны Центральной Азии и соседние государства: Иран, Китай, Афганистан, Пакистан, Индия — вернулись к обсуждению проектов, разработанных в 1990-х годах. Теперь интерес к ним определялся стремлением центральноазиатских государств диверсифицировать свой экспорт, а также изменением отношений Туркменистана с Ираном и Россией в энергетической сфере.

Наибольшее внимание в последние годы было приковано к трубопроводному проекту Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия (ТАПИ), который успел «состариться», но не был окончательно забыт. История появления проекта уходит в начало 1990-х годов,

[2] См.: *Барсуков Ю., Коростиков М.* Китай переходит на газ / Коммерсант, 19 января 2017. С. 7.

когда месторождения углеводородных ресурсов оказались в центре внимания многих стран мира и нефтегазовых компаний. Тогда проект в силу разных причин не был реализован.

В итоге в 2015 году Туркменистан активизировал переговорный процесс, пытаясь привлечь к проекту потенциальных участников. Данный маршрут экспорта рассматривался Туркменистаном в качестве дополнения к иранскому и китайскому направлениям, развивавшимся в последние два десятилетия. Кроме того, Ашхабад рассчитывал создать альтернативный маршрут поставок своего газа в Китай, тем более что Индия, рассматриваемая в качестве конечного потребителя, была заинтересована в дополнительных объемах природного газа. Таким образом, со строительством данного газопровода Туркменистан связывал планы по диверсификации поставок природного газа на внешние рынки.

После разработки технико-экономического обоснования проекта Ашхабад приступил к проведению инженерных работ на трассе будущего трубопровода. Исследования проводились от месторождения Галкыныш до границы с Афганистаном. Мощность трубопровода протяженностью 1 800 км должна была составить 33 млрд куб. м в год. В конце 2015 года Туркменистан торжественно объявил о начале работ по сооружению газопровода ТАПИ, стоимость его оценивается в 10 млрд долл. В созданном для этого консорциуме 51% принадлежит Туркменистану, остальная часть — Афганистану, Пакистану, Индии и внешним инвесторам. Приступив к строительству, Туркменистан столкнулся с нехваткой финансовых средств. Ашхабаду, помимо финансирования строительства газопровода требовались дополнительные средства для разработки газового месторождения Галкыныш, которое рассматривается в качестве источника газа для наполнения ТАПИ.

Проект газопровода способен изменить расстановку сил в регионе. Однако на пути его реализации стоят различные преграды. До сих пор не устранены проблемы, связанные с обеспечением безопасности: часть маршрута проходит по территории Афганистана, где сохраняется нестабильность. Кроме того, проект выступает в качестве конкурента трубопроводу Центральная Азия — Китай. Тем более что КНР сохраняет курс на диверсификацию маршрутов импорта энергоносителей[3]. При этом Пекин, воздействуя на цену покупаемого газа, располагает рычагами влияния на позицию Туркменистана. Нерешенность многих вопросов уже сказалось на темпах реализации проекта, который может быть завершен не ранее 2020 года.

Проект ТАПИ не отвечает интересам Ирана, который сам заинтересован в строительстве газопровода в направлении Индии. Данный трубопровод должен пройти по территории Пакистана в обход нестабильного Афганистана. Проект Иран — Пакистан — Индия (ИПИ) является конкурентом проекта ТАПИ.

Выход Ирана из режима санкций, введенного западными странами в 1990-х годах, скорректировал его энергетическую политику, в том числе и в Центральной Азии. Иран намерен стать одним из главных поставщиков газа в западном (европейском) и восточном (китайском) направлениях. Его планы могут сказаться на обсуждении и строительстве новых экспортных маршрутов[4]. Так, уже к 2021 году Иран намерен экспортировать до 80 млрд куб. м газа, что усилит конкуренцию с Азербайджаном и Туркменистаном. Тем более что возможности Ашхабада увеличить объемы поставок газа в Россию и Иран ограничены, и он может ориентироваться только на китайское направление.

---

[3] См.: Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая / Под ред. Т.С. Гузенковой, Н.В. Карпова, Д.А. Александрова, Я.А. Амелиной, И.В. Ипполитова, В.Б. Каширина, А.И. Кучеренкова, Д.С. Попова, А.Н. Сытина, К.И. Тасица, С.В. Тихоновой. М.: РИСИ, 2013. С. 40.

[4] В конце июля 2011 года Иран, Ирак и Сирия подписали меморандум по строительству газопровода с крупнейшего иранского месторождения Южный Парс в Европу. Трубопровод, получивший название «Исламская магистраль», оценивался в 10 млрд долл. Трубопровод, протяженностью 5 000 км и мощностью около 40 млрд куб. м газа в год, предусматривал поставки иранского газа в европейские страны по Средиземному морю.

В случае реализации планов, заявленных Ираном, вероятность строительства газопровода ТАПИ резко снизится. В пользу выбора иранских проектов может сыграть выгодное географическое положение Ирана. Кроме того, предлагаемые Тегераном проекты газопроводов обеспечивают безопасность экспорта углеводородных ресурсов.

Наряду с продвижением проекта ТАПИ Ашхабад до последнего времени не отказывался от переговорного процесса с ЕС, обсуждая перспективы экспорта своего газа на европейский рынок. В июне 2015 года по итогам переговоров между Туркменистаном, Азербайджаном, Турцией и ЕС было принято решение о создании постоянной рабочей группы, которая должна была проработать различные варианты доставки туркменского газа в Европу. Один из них предполагал строительство Транскаспийского газопровода по дну Каспийского моря.

С поставками газа в Европу был связан проект газопровода Восток — Запад. В конце 2015 года Туркменистан завершил его строительство, проложив трубопровод протяженностью 800 км и мощностью 30 млрд куб. м в год. Туркменистан получил возможность обеспечить доставку своего газа с месторождений, расположенных в восточных регионах страны, к побережью Каспийского моря и соединить между собой крупнейшие месторождения. Таким образом, Ашхабад создал возможности для экспорта углеводородных ресурсов в любом направлении. Однако планы Туркменистана по экспорту газа в Европу в ближайшие годы не имеют шансов на реализацию. Иран заинтересован в экспорте собственных ресурсов и не согласится на транзит туркменского газа по своей территории. Не будет реализован и Транскаспийский газопровод, против которого выступают Россия и Иран.

Борьба за объемы добычи

Одним из ключевых факторов, влияющих на продвижение трубопроводных проектов странами Центральной Азии, являются актуальные и прогнозные объемы добычи нефти и газа. На их увеличение направлены усилия стран региона, в первую очередь Казахстана и Туркменистана.

Для Казахстана, располагающего значительными запасами нефти, на протяжении длительного времени основной задачей был запуск месторождения Кашаган. Повышенный интерес к освоению данного месторождения определялся отсутствием условий для увеличения добычи на действующих месторождениях, многие из которых миновали свой пик. В последние годы добыча нефти в Казахстане стабилизировалась на уровне 81—82 млн т. Так, в 2013 году Казахстан добывал 81,8 млн т, в 2014 году — 80,1 млн т, в 2015 году — 79,5 млн , в 2016 году — 78 млн т нефти.

Постоянный перенос начала добычи на этом перспективном месторождении был обусловлен отсутствием необходимых технологий, которые позволили бы добывать нефть в условиях высокого пластового давления и в непростых климатических условиях, характерных для этого района Каспийского моря. Трудности при разработке месторождения Кашаган привели к пересмотру прогнозных показателей добычи и экспорта углеводородных ресурсов страны. Это лишало смысла строительство новых экспортных трубопроводов, предназначенных для поставок казахстанских углеводородов на внешние рынки.

В конце 2016 года Казахстан начал добывать нефть на Кашагане в промышленных масштабах. Ожидается, что объем добычи в 2017 году на этом месторождении достигнет 6—7 млн т[5], а в последующие годы возрастет до 13 млн т нефти и 9 млрд куб. м газа в год. Это позволит

[5] См.: *Биманов С.* Невыгодный Кашаган / Курсив (Казахстан), 1 декабря 2016.

Казахстану нарастить экспорт по нефтепроводу Западный Казахстан — Китай[6]. В то же время общий объем добычи может остаться на прежнем уровне, поскольку нефть Кашагана будет компенсировать падение объемов на старых месторождениях.

Одновременно с ростом добычи нефти Казахстан рассчитывает увеличить добычу и экспорт газа. Для реализации этой задачи Казахстан построил газопровод Бейнеу — Бозой — Шымкент длиной 1 475 км. В 2016 году по нему экспортировалось в Китай 2 млрд куб. м газа. В 2017 году Казахстан планирует добывать 48,1 млрд куб. м, из которых до 10 млрд куб. м намерен поставлять в Китай.

Более стабильной выглядит ситуация с добычей газа в Туркменистане. Однако ряд трудностей способен затормозить освоение месторождений. Так, несмотря на открытие огромных запасов газа, прежде всего на месторождении Галкыныш, Туркменистан наращивает добычу газа медленными темпами, которые значительно отстают от прогнозных данных. Месторождение было введено в эксплуатацию в 2013 году, и к 2020 году на нем должно добываться лишь 20 млрд куб. м. Это говорит о том, что резкого увеличения добычи газа в Туркменистане ждать не приходится. Кроме того, Туркменистан будет вынужден учитывать трудности с экспортом газа в китайском направлении, а также изменения в энергетической политике Ирана, который становится конкурентом Ашхабада на газовом рынке.

Ограниченные возможности для роста объемов поставок газа в Китай и прекращение экспорта в Иран усилили заинтересованность Туркменистана в возобновлении сотрудничества с Россией. В конце 2016 года Ашхабад предложил вернуться к проекту Прикаспийского газопровода, который должен был выводить туркменский газ через территорию Казахстана в Россию. Однако Россия не поддержала предложение Туркменистана, поскольку данный проект ранее увязывался с участием российской стороны в строительстве газопровода Восток — Запад и получением доступа к туркменским газовым месторождениям. Кроме того, Россия не заинтересована в туркменском газе.

Заключение

Углеводородные ресурсы Центральной Азии по-прежнему остаются в центре внимания государств региона. С их освоением и экспортом на внешние рынки центральноазиатские страны связывают дальнейшее развитие экономики, укрепление политических институтов. Предпринимаемые усилия, а также значительные финансовые вложения со стороны западных нефтегазовых компаний позволили странам региона увеличить добычу нефти и газа. В то же время прорыва центральноазиатских углеводородных ресурсов на внешний рынок не произошло. Сказались технологические трудности, с которыми столкнулись страны Центральной Азии при разработке новых перспективных месторождений, а также географическая удаленность стран региона от основных рынков. Тем не менее Казахстан и Туркменистан, которые обладают наибольшими запасами углеводородного сырья в Центральной Азии, по-прежнему уделяют повышенное внимание этому вопросу, не оставляя попыток расширить географию экспортных маршрутов.

В последние годы возросло влияние соседних государств на страны Центральной Азии. Политика России, Ирана, Китая сказалась на объемах добычи и экспорта углеводородного сырья. Ключевая роль в этом вопросе принадлежит Китаю, для которого транспортировка

---

[6] См.: *Болекбаева Д., Селиванова И.Ф.* Основные направления внешней политики Казахстана (1991—2015 гг.). В кн.: Внешняя политика новых независимых государств: сборник / Отв. ред. Б.А. Шмелев. М.: ИЭ РАН, 2015. С. 230.

углеводородов из региона остается одной из приоритетных задач[7]. В то же время Китай рассматривает энергетическое сотрудничество со странами региона через призму собственного экономического развития и реализации долгосрочных интересов на евразийском пространстве. Так, в 2016 году Туркменистан экспортировал в Китай около 30 млрд куб. м, и этот объем устраивает китайскую сторону, которая фактически стала монопольным потребителем туркменских углеводородов. Соответственно, Пекин не заинтересован увеличивать объемы импорта туркменского газа, в то время как для Ашхабада рост экспорта имеет ключевое значение.

Проложив газопровод из Туркменистана, Китай нарушил монополию России на экспорт природного газа, занял ключевые позиции, выступая в качестве одного из основных источников инвестиций, поставщика услуг и, главное, покупателя углеводородного сырья. Помимо формирования новой инфраструктуры трубопроводов, Китай решил задачу геополитического закрепления в Центральной Азии, ограничив влияние западных стран и России.

Пока о проектах газопроводов, идущих из Туркменистана и Ирана, можно говорить в сослагательном наклонении, поскольку нерешенными остаются многие проблемы. Туркменистан может столкнуться с проблемой истощения крупных месторождений, которые в последнее десятилетие дают основной объем добываемого газа. Кроме того, Туркменистан будет вынужден конкурировать с Ираном, который разработал планы по увеличению экспорта своего газа в Европу и Китай. Наконец, Казахстан рассчитывает в ближайшие годы увеличить поставки газа в Китай[8]. В итоге можно ожидать, что в Центральной Азии будет расти конкуренция за право поставлять углеводороды в Китай и Индию, у которых сохраняется потребность в углеводородном сырье.

Первый этап геополитического соперничества за доступ к углеводородным ресурсам Центральной Азии и выбор маршрутов транспортировки дополнительных объемов нефти и газа, добываемых в странах региона, завершился. Выбор был сделан в пользу восточного вектора — в направлении Китая, в то время как европейские и американские трубопроводные проекты реализованы не были.

В 2017—2018 годах интерес к углеводородным ресурсам Центральной Азии сохранится, а страны региона и их соседи будут вовлечены в обсуждение новых проектов экспорта углеводородного сырья. Пока окончательного решения по многим проектам не принято, поскольку до сих пор не решен вопрос с их финансированием, нет ясности относительно надежности и безопасности поставок, велико влияние западных государств. Наконец, прогнозы относительно объемов добычи нефти и газа по-прежнему политизированы. Основываясь на динамике добычи в странах региона в последнее десятилетие и учитывая объективно существующие трудности, не приходится ожидать, что большинство планируемых к реализации трубопроводов могут быть введены в строй ранее 2020 года. К этому времени станет понятно, на какой уровень добычи углеводородов выйдут страны Центральной Азии и будет ли их достаточно для наполнения действующих и планируемых экспортных трубопроводов.

---

[7] См.: Транспортные коридоры Евразии: новые пути сотрудничества: материалы международной конференции (20 апреля 2015 г.) / Отв. ред. Е.Т. Карин. Астана: КИСИ при Президенте Республики Казахстан, 2015. С. 95.

[8] См.: *Елемесов М.* Казахстан с 2017 года планирует экспортировать газ в Китай / Литер (Казахстан), 20 февраля 2017.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Канат ЫДЫРЫС

PhD в области международных отношений,
старший преподаватель кафедры международных отношений
Международного казахско-турецкого университета им. Х.А. Ясави
(Туркестан, Республика Казахстан)

Серикбай ЫДЫРЫС

доктор экономических наук, профессор кафедры экономики
Международного казахско-турецкого университета им. Х.А. Ясави
(Туркестан, Республика Казахстан)

Малика МУНАСИПОВА

кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры финансов и аудита
Международного казахско-турецкого университета им. Х.А. Ясави
(Туркестан, Республика Казахстан)

Гулдана ТЕМИРБАЕВА

магистр, преподаватель кафедры менеджмента и туризма
Международного казахско-турецкого университета им. Х.А. Ясави
(Туркестан, Республика Казахстан)

АННОТАЦИЯ

Глобальный характер международных энергетических проблем, все большая их политизация, а также объективно сложившееся положение российского топливно-энергетического комплекса в системе мировой энергетики выдвинули энергетический фактор в число ключевых для российской внешней политики. В условиях ухудшения отношений с Западом России для дальнейшего развития ее необходимы иные политические и, что более важно, экономические партнеры. Именно поэтому развитие российско-китайского энергетического взаимодействия воспринимается как одно из приоритетных для России

направлений внешнеэкономических процессов. Целью работы является исследование современного состояния и перспектив развития энергетического диалога России и Китая. В статье рассматриваются также основные направления и проблемы взаимодействия РФ и КНР в ключевой для их отношений сфере — энергетике. Отмечается, что в последнее время стороны достигли ряда масштабных и долговременных договоренностей в энергетической сфере. Это позволяет говорить о выходе энергетического сотрудничества РФ и КНР на качественно новый уровень и обретении им стратегического характера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ***Российская Федерация, Китайская Народная Республика, энергетическая безопасность, геополитика, энергетическое сотрудничество.***

Введение

Сотрудничество с Китаем является одним из приоритетных направлений внешней энергетической политики России. Это обусловлено рядом факторов, связанных как с внешнеэкономической деятельностью России по диверсификации инфраструктуры транспорта энергоносителей, так и с усилением роли Китая на мировом энергетическом рынке. Как известно, Китай является одной из крупнейших мировых экономик и важным стратегическим партнером России; энергетический фактор играет значительную роль в сотрудничестве двух стран. Это связано не только с объемом торговых отношений, но и с энергетической безопасностью каждого из партнеров. Ведь КНР является одним из крупнейших потребителей энергетических ресурсов в мире, а Россия — крупнейшим мировым экспортером.

Несмотря на развитие энергетического сотрудничества между Китаем и РФ, проблемы с ценообразованием и условиями соглашения часто не урегулированы, в связи с чем возникают споры. Такие споры — неотъемлемая часть энергетического сотрудничества КНР и России, и в большинстве случаев они связаны с политическими и экономическими аспектами. В условиях глобализации энергетического рынка в сотрудничестве двух стран в сфере энергетики существует много возможностей.

Между Китаем и Россией, крупнейшим импортером и крупнейшим экспортером энергоресурсов, отмечается взаимодополняемость во многих сферах, что укрепляет энергетическую безопасность обеих сторон. Потенциал энергетического сотрудничества двух стран очень велик. После государственного визита в Москву Си Цзиньпина в 2013 году оно вышло на новый уровень. Например, в 2013 году Китай стал крупнейшим торговым партнером России, товарооборот с которым вырос на 1,7% — до 88,8 млрд долл. Вкупе с достижениями предыдущих лет это, похоже, и позволяет ныне говорить, что энергетическое взаимодействие обретает качественно новый уровень. Действительно, с темой энергетики оказалось связано как минимум восемь подписанных в ходе визита документов. Но дело не только в количественных показателях. Также сторонам удалось прийти к ряду знаковых решений[1].

Так, 22 марта 2013 года в Москве Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом РФ В.В. Путиным было подписано Совместное заявление КНР и РФ о взаимовыгодном сотрудни-

[1] См.: *Уянаев С.В.* Российско-китайское энергетическое сотрудничество: признаки нового «уровня» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 2013, № 18. С. 278.

честве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия[2]. В совместном заявлении подчеркиваются активизация энергетического сотрудничества Китая и России, в том числе в нефтяной и газовой сферах, а также в сфере электроэнергетики, угольной промышленности и использования альтернативных источников энергии; формирование прочных отношений стратегического энергетического сотрудничества Китая и России; обеспечение совместными усилиями энергетической безопасности обеих сторон, региона и мира в целом.

Глава «Газпрома» Алексей Миллер подчеркнул, что «объем поставок составит 38 млрд куб. м топлива в год; в соглашении будет прописана возможность увеличить поставки до 60 млрд куб. м». Для поставок будет построен отвод от газопровода «Сила Сибири». «Роснефть» и китайская CNPC подписали соглашение об основных условиях поставок в КНР сырой нефти на условиях предоплаты сроком на 25 лет, контракт об энергетическом сотрудничестве в сфере строительства и эксплуатации Тяньцзиньского НПЗ. Стороны также подписали договор о сотрудничестве в области геологоразведки, добычи и продажи углеводородов. CNPC будет сотрудничать с «Роснефтью» в рамках восьми проектов в Восточной Сибири, а также на шельфе Баренцева моря и в Печорском бассейне[3].

Комментируя заключение соглашений, президент «Роснефти» Игорь Сечин подтвердил долгосрочность и масштабность сделок. Соглашение по поставке нефти в Китай окажет огромное влияние на укрепление долгосрочных стратегических отношений между Китаем и Россией в сфере энергетики, позволит привлечь дополнительное финансирование в области разведки и добычи, будет способствовать развитию проектирования и строительства необходимой логистической энергетической инфраструктуры, планомерному распределению нефтяных ресурсов «Роснефти» в долгосрочной перспективе и обеспечит компании «Роснефть» гарантированный сбыт нефти по рыночным ценам.

Введение западных санкций после событий на Украине в 2014 году еще сильнее углубило конфликт России с Западом. Китай не поддержал идею введения санкций в отношении России, и это стало еще одним важным фактором укрепления российско-китайского экономического взаимодействия.

В мае 2014 года В.В. Путин посетил Шанхай с официальном визитом, в течение которого было подписано 46 соглашений, посвященных различным сферам российско-китайского сотрудничества, в том числе и энергетического взаимодействия. В числе первых было заключено соглашение в сфере гидроэнергетики между ОАО «РусГидро» и «ПауэрЧайна»[4].

В 2014—2015 годах был запущен ряд крупных совместных проектов, в том числе 30-летний контракт между российской компанией «Газпром» и китайской нефтегазовой корпорацией CNPC на поставку российского газа в Китай. Общий объем поставок, согласно этому контракту, составляет примерно 1,14 трлн куб. м на сумму 456 млрд долл. Строительство газотранспортной системы, названной «Сила Сибири», началось в 2014 году, стоимость его оценивается в 800 млрд рублей[5].

В ноябре 2014 года в рамках саммита АТЭС В.В. Путин провел в Пекине переговоры с председателем КНР Си Цзиньпином. В ходе переговоров было принято решение о строитель-

---

[2] См.: *Портяков В.Я.* Российско-китайские отношения: современное состояние и перспективы развития // Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 2013, № 18. С. 7.

[3] См.: «Роснефть» заключила ряд соглашений с компаниями Китая [https://www.rosneft.ru/press/news/item/177461/], 22 марта 2013.

[4] См.: *Фролова И.Ю.* Визит Путина в Шанхай открывает новый этап укрепления стратегического партнерства РФ и КНР, РИСИ [https://riss.ru/analitycs/5688/], 22 мая 2014.

[5] См.: Энергетическая стратегия России на период до 2035 года [http://www.energystrategy.ru/ab_ins/source/ES-2035_09_2015.pdf], 2015.

стве дополнительного газопровода «Сила Сибири-2», через который КНР в течение 30 лет будет получать 30 млрд куб. м газа в год из Ямало-Ненецкого автономного округа[6]. Сразу же после визита российского президента в Шанхай в 2014 году ОАО «Газпром» и Китайская национальная нефтяная компания заключили один из самых масштабных договоров за все время российско-китайского энергетического сотрудничества. Контракт на сумму 400 млрд долл. предполагает экспорт российского газа начиная с 2018 года по восточному маршруту. Данный контракт рассчитан на 30 лет, то есть на срок до 2044 года. Общий объем газа, который должен быть доставлен в Китай согласно контракту, достигает 1,032 трлн куб. м[7].

Энергетическое сотрудничество — один из важнейших аспектов в двусторонних отношениях. Развитие сотрудничества Китая и России оказывает большое влияние на мировую энергетическую безопасность, поскольку Китай сейчас является одним из крупнейших потребителей энергоресурсов в мире, а Россия — крупнейшим их экспортером.

Политические аспекты

Рассматривая интерес Китая и России к двустороннему энергетическому сотрудничеству в политическом аспекте, следует отметить, что «долгосрочное стратегическое партнерство КНР и РФ строится на основе совместной Декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка от 1997 года, в развитие которой в 2005 году была принята Совместная Декларация о международном порядке»[8]. В основе подписания Декларации лежало недовольство Москвы и Пекина доминированием США в глобальных экономических, финансовых, информационных, культурных и военных делах.

После кризиса на Украине в 2014 году и западных санкций произошел сдвиг во внешней политике России в сторону Азии. Так называемый «поворот к Азии» преследовал три основные цели:

1) обеспечение энергетической безопасности России;
2) развитие Дальнего Востока и Сибири;
3) усиление роли России в Азиатско-Тихоокеанском регионе[9].

Таким образом, очередное обострение отношений России и ЕС, вероятно, стало катализатором подписания контракта между Россией и Китаем о крупных поставках российского газа Пекину. Экономическая сделка, заключенная во время визита президента России В. Путина в Шанхай, стала главным фактором большой политики. Подписание контракта имело широкий резонанс. Можно выделить, по крайней мере, три уровня воздействия этой сделки на дальнейшие события. На глобальном уровне более тесные отношения России и Китая могут иметь серьезные геополитические последствия для Запада. На региональном, евразийском уровне — снизить зависимость РФ от Запада, обезопасив от санкций в долгосрочной перспек-

---

[6] См.: *Ижбулдин А.К., Платонов Л.А.* Анализ маршрутов поставок российского трубопроводного газа в Китай. В кн.: Сборник международной конференции «Энергетика России в XXI веке. Инновационное развитие и управление». Иркутск, 2015. С. 1.

[7] См.: *Zhang H., Penlyan Q.* Russian-Chinese Cooperation in the Energy Sector: Gaming Political and Geo-economic Influence // Journal of Shanghai University (Social Sciences), 2015, No. 1. P. 39.

[8] См.: *Карелина Е.А.* Перспективные направления в развитии внешнеторговых связей России и Китая // Казанская наука, 2011, № 4. С. 59.

[9] См.: *Тренин Д.* Азиатская политика России: от двустороннего подхода к глобальной стратегии // Russie. Nei. Visions, 2016, № 94. С. 12.

тиве. На страновом уровне для России и Китая это взаимовыгодный контракт. Заключение контракта оказалось очень своевременным: Россия «сохранила лицо» в сложившейся политической ситуации, а Китай подтвердил свой «дружественный нейтралитет» по отношению к РФ. В ходе визита в КНР российского президента в мае 2014 года был заложен фундамент евразийской перспективы, которую уже нельзя представить без тесного сотрудничества Москвы и Пекина по всему спектру отношений между государствами[10].

Таким образом, после 2014 года отношения России с Китаем начали развиваться быстрыми темпами. В результате было достигнуто взаимопонимание на высшем политическом уровне, расширился доступ китайских компаний к российским энергетическим активам, а Народно-освободительной армии КНР — к российским военным технологиям, а также возможности использования территории России для инфраструктурных проектов, связывающих Китай с Европой. Со своей стороны Китай расширил кредитование российских энергетических корпораций, снабжающих его нефтью и газом. Китай остается главным потребителем продукции российской оборонной промышленности, помогает России в развитии и модернизации инфраструктуры и делится с ней некоторыми технологиями. Вместе с тем Москва и Пекин продолжают координировать свою внешнюю политику по важнейшим глобальным темам, в том числе на уровне Совета Безопасности ООН. Также стоит отметить, что в 2015 году Пекин и Москва договорились о сопряжении проекта «Один пояс — один путь» и Евразийского экономического союза[11].

На политическом уровне следует обратить внимание на то, что энергетическое сотрудничество является важной составной частью практического сотрудничества двух стран, а также важным воплощением высокого уровня отношений всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства между Китаем и Россией. Для Китая завершение строительства нефтепроводов и газопроводов и начало крупных поставок энергоресурсов из России в КНР играет важную роль в обеспечении энергетической безопасности. Для России в условиях кризиса на Украине подписание крупных межправительственных соглашений с Китаем в газовой сфере демонстрирует высокий уровень взаимного доверия. Энергетическое сотрудничество между Китаем и Россией имеет прочную правовую базу и соответствует стратегическим интересам обеспечения энергобезопасности двух стран.

Экономические аспекты

На экономическом уровне следует обратить внимание на то, что Россия является важным актором энергетического экспорта на Дальнем Востоке, а Китай — ключевым экономическим партнером с довольно быстрыми темпами экономического роста.

За последние 20 лет развитие энергетического сектора Китая стало одним из важнейших аспектов экономического развития страны в целом. Энергетический фактор важен и для экономики Китая, находящейся на ключевом этапе урбанизации и индустриализации, и для экономики России, стремящейся сделать его локомотивом инновационного экономического развития. Стратегическое партнерство с Россией в сфере энергетики сочетается с внешнеполитическим курсом Китая на диверсификацию источников энергоресурсов. Таким образом, укрепление энергетического сотрудничества с Россией не только содействует формированию си-

---

[10] См.: Российско-китайский диалог: модель 2016 года // Российский совет по международным делам, Доклад № 25 [http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7733#top-content], 30 мая 2016.

[11] См.: *Хань Л.* Перспектива стыковки стратегии «Один пояс — один путь» и Евразийского экономического союза // Управленческое консультирование, 2015, № 11. С. 83.

стемы энергетической безопасности в АТР, но и способствует обеспечению глобальной энергетической безопасности[12].

Энергетическое сотрудничество Китая и России входит в число приоритетных направлений внешней энергетической политики двух стран и в значительной степени определяет развитие их отношений в начале XXI века, особенно в последнее десятилетие. По словам С. Жизнина, «это связано с рядом экономических и внешнеполитических факторов и прежде всего с совпадением стратегических интересов по многим проблемам мировой экономики и политики»[13]. Важно отметить существенную активизацию взаимодействия энергетического сотрудничества Китая и России, что позволяет говорить о его выходе на уровень стратегического партнерства.

Несмотря на успешное в целом развитие активного стратегического сотрудничества, вопросы ценообразовании и условия соглашений часто оказываются недостаточно прояснены, в связи с чем возникают проблемы. Подобные проблемы являются неотъемлемым элементом стратегического сотрудничества в сфере энергетики и в большинстве случаев связаны с нестабильностью политических и коммерческих правил. Важно отметить, что такие энергетические споры не смогут изменить основную модель энергетического сотрудничества двух стран.

В целом внешняя энергетическая стратегия КНР опирается на два принципа:

«1) недопущение между Китаем и страной-экспортером конфликтных ситуаций, для чего отношения с ним должны строиться исключительно на условиях взаимной выгоды;

2) комплексность»[14].

Комплексность заключается в том, что меры по диверсификации поставок и транспортировки энергоресурсов предполагают одновременное развитие морских и континентальных перевозок, прокладку энергетических трубопроводов из разных стран и регионов. Эти важные принципы составляют основу внешнеэкономической концепции Китая «идти вовне», предполагающей осуществление активной региональной энергетической политики по широкому кругу направлений.

Для обеспечения безопасности импортных поставок китайское правительство приняло активные меры по диверсификации источников энергоресурсов. Сегодня Китай импортирует энергоресурсы из более чем 30 стран мира. Тем не менее основными поставщиками нефти остаются страны Ближнего Востока и Африки (см. рис. 1). В частности, в последние годы начала энергетическое сотрудничество с Китаем Ангола. В рамках обеспечения безопасности энергоснабжения правительство Китая пытается диверсифицировать источники поставок через зарубежные инвестиции и заключение долгосрочных контрактов. В 2013 году объем ближневосточной нефти, импортируемой Китаем, составлял около 2 900 000 б/д (баррелей в день). Поставки нефти из Африки составляли около 1 300 000 б/д, из Северной и Южной Америки — около 562 000 б/д, из Азиатско-Тихоокеанского региона — около 129 000 б/д и 736 000 б/д — из других стран. Доля совокупного импорта из двух стран, бывших крупнейшими поставщиками, — Саудовской Аравии и Анголы — составила 33% всего импорта нефти. Импорт из России составил 9% всего нефтяного импорта Китая[15].

---

[12] См.: *Rautava J.* Russia's Economic Policy and Russia-China Economic Relations. В кн.: Russia-China Relations. Current State, Alternative Futures, and Implications for the West / Ed. by A. Moshes, M. Nojomen. Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2011. P. 38.

[13] *Жизнин С.З.* Россия и Китай: проблемы и перспективы // Энергополис, 2012, № 4. С. 56 [http://uptek.ru/articles/1009-rossiya-i-kitay-problemy-i-perspektivy.html].

[14] *Cheng J.Y.S.* A Chinese View of China's Energy Security // Journal of Contemporary China, 2008, № 17. С. 297.

[15] См.: China — Overview // EIA [http://www.eia.gov/countries/cab.cfm?fips=CH], 4 Febuary 2014.

Рисунок 1

Импорт сырой нефти в Китай по странам, 2013

Источник: FACTS Global Energy, Global Trade Information Services.

По данным независимого агентства EIA, с 2014 года импорт российской нефти в Китай значительно возрос, увеличившись на 36% (см. табл. 1). В 2014 году общий объем импорта нефти Китая из России составил 30 млн т. В результате такого увеличения Россия на китайском рынке заняла третье место после таких традиционных поставщиков, как Саудовская Аравия и Ангола.

Таблица 1

Импорт сырой нефти в Китай, 2014

Страна	Доля в импорте Китая, %
Саудовская Аравия	16
Ангола	13
Россия	11
Оман	10
Ирак	9
Иран	9
Венесуэла	4
ОАЭ	4

Таблица 1 (продолжение)

Страна	Доля в импорте Китая, %
Кувейт	3
Колумбия	3
Конго	2
Бразилия	2
Судан (Северный и Южный)	2
Казахстан	2
Другие страны	9

Источник: Crude Oil Imports into China, 2014 [https://www.eia.gov/beta/international/analysis.cfm?iso=CHN], 14 May 2015.

По данным World's Top Exports (см. табл. 2), в 2015 году импорт Китаем российской нефти увеличился на 5,7%. В результате доход России от продажи нефти Китаю в 2015 году составил 17,2 млрд долл. В результате Россия стала вторым крупным поставщиком нефти на китайский рынок после Саудовской Аравии. Статистические данные показывают, что продолжается постепенный рост экспорта российской нефти в Китай. Вместе с тем наблюдается спад импорта из стран Ближнего Востока и Персидского залива.

С точки зрения С. Жизнина, «это касается диверсификации источников поставок энергетических ресурсов и уменьшения растущей зависимости от стран Персидского залива»[16]. Китай исходит из необходимости активно развивать энергодиалог с Россией. Поставки энергетических ресурсов от стратегического партнера — России могут оказаться более надежными, чем поставки из других стран.

Таблица 2

Импорт сырой нефти в Китай, 2015

Страна	Стоимость, млрд долл.	Изменение стоимости импорта из страны с 2011 г., %
Саудовская Аравия	20,8	–46,7
Россия	17,2	5,7
Ангола	15,9	–35,9
Оман	14	1,1
Ирак	12,7	21,4
Иран	10,7	–50,8
Кувейт	5,7	–22,3
Бразилия	5,3	8,6

[16] *Жизнин С.З.* Указ. соч.

Таблица 2 (продолжение)

Страна	Стоимость, млрд долл.	Изменение стоимости импорта из страны с 2011 г., %
ОАЭ	5,1	–7
Венесуэла	5,1	–30,3
Колумбия	3,1	92,2
Судан (Северный и Южный)	2,9	–69,4
Конго	2,3	–46,9
Казахстан	1,9	–78,7
Австралия	1	–69,4

Источник: Crude Oil Imports into China, 2015 [http://www.worldstopexports.com/crude-oil-imports-by-country/], 14 March 2017.

Таким образом, обеспечение энергетической безопасности представляется важным аспектом внешнеполитического взаимодействия Китая с Россией в XXI веке. После создания КНР правительство Китая выстраивает сбалансированную энергетическую стратегическую политику. Суть энергетической политики Китая заключается в том, чтобы не попасть в зависимость от той или иной политической или геополитической силы.

Заключение

Несмотря на имеющиеся противоречия, энергетическое сотрудничество России и Китая активно развивается. Заключаются новые договоры, проводится совместная российско-китайская работа по поиску новых месторождений нефти и газа в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Данное сотрудничество весьма выгодно как КНР, так и России, поскольку китайская сторона нуждается в стабильных поставках ресурсов с перспективой постоянного увеличения объема, а российская сторона получает новый весьма перспективный рынок, который помогает развитию восточных территорий страны. Перспективы дальнейшего сотрудничества также выглядят достаточно благоприятными. Это связано с совпадением стратегических интересов России и Китая по многим внешнеполитическим вопросам. С экономической точки зрения следует обратить внимание на то, что в энергетической политике России предусмотрено активное развитие восточного вектора и существенный рост доли стран АТР в экспорте энергоресурсов. В этом плане Китай является ключевым партнером. Экономика страны, судя по многим прогнозам, в ближайшее десятилетие будет продолжать развиваться довольно быстрыми темпами. В КНР наблюдается политическая стабильность. В соответствии с последним государственным пятилетним планом, для устойчивого развития китайской экономики необходимо увеличивать импорт природного газа и нефти без ущерба для национальной энергетической безопасности. В этой связи Россия является естественным партнером.

Важным является не только наращивание торговли энергоресурсами, но также взаимовыгодное сотрудничество в сфере энергетических технологий и оборудования. Это имеет принципиальное значение в связи со стратегической линией российского руководства по мо-

дернизации российской экономики и повышению ее энергоэффективности. Большую роль может сыграть поощрение взаимопроникновения финансово-экономических групп обеих стран, в том числе в сфере отраслей ТЭК.

Энергетическое сотрудничество между Россией и Китаем, несмотря на некоторые трудности и проблемы, развивается успешно, что будет способствовать дальнейшему развитию стратегического партнерства между странами в экономической и политической сфере. Формируются и совершенствуются механизмы реализации сотрудничества. Повышению эффективности сотрудничества может способствовать расширение круга участников в бизнес-сообществах обеих стран, в том числе в рамках энергодиалога. В этом формате должны принимать участие не только государственные, но и частные корпорации. Определенную роль может сыграть организация постоянно действующего российско-китайского энергетического форума при поддержке и участии правительственных институтов, ведущих компаний и экспертного сообщества обеих стран.

РОЛЬ ЯПОНИИ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ ТАДЖИКИСТАНА: УЧАСТИЕ, СЛОЖИВШАЯСЯ СИТУАЦИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Фарух УСМОНОВ

PhD, заведующий сектором по внешним связям/научный исследователь Секретариата Федерации парламентариев Японии по народонаселению (JPFP) Азиатской ассоциации по народонаселению и развитию (APDA) (Токио, Япония)

Фумиаки ИНАГАКИ

PhD в области СМИ и государственного управления, преподаватель Высшей школы исследования международных ресурсов при Университете Акиты (Акита, Япония)

АННОТАЦИЯ

С ростом численности населения мира растут потребности в воде. Для многих регионов, в том числе и для Центральной Азии, рациональное использование воды и эффективное управление водными ресурсами стано-

вится жизненно важным требованием. Правительство Таджикистана подходит к этому вопросу со всей серьезностью: значение водной проблемы особо обозначено в Национальной стратегии развития до 2030 года.

Успехи в водообеспечении, как и рациональное использование водных ресурсов, могут повлиять на жизнь людей и позволят поднять жизненный уровень населения. С учетом этого правительство Таджикистана предложило обратить особое внимание на водную проблему и принять меры, чтобы поднять ее на глобальном уровне.

Япония серьезно озабочена обострением водных проблем в мире, включая проблему гигиены воды. С самых первых лет независимости Таджикистана она участвовала в реализации водных проектов на территории страны. Ее внимание к водному кризису в Центральной Азии еще усилилось из-за проблем с сокращением площади акватории Аральского моря, таянием ледников и возможностью использования воды Сарезского озера в Таджикистане. При этом Япония понимает причины конфликтов государств региона по вопросам водопользования.

В настоящей статье рассматривается влияние водного хозяйства на развитие Таджикистана. Обсуждается также вклад Японии в развитие водного хозяйства республики, рассматриваются возможные проблемы и препятствия для осуществления реализуемых в настоящее время проектов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ***Таджикистан, Япония, вода, энергия.***

Введение

По своим водным запасам Таджикистан, территория которого почти на шесть процентов покрыта ледниками, занимает первое место в Центральной Азии. Более 90% всей производимой в стране электроэнергии вырабатывается гидроэлектростанциями. Поэтому в развитии водного хозяйства аналитики видят существенный элемент стратегии развития Таджикистана в целом. При этом в Таджикистане и Кыргызстане находятся истоки двух главных рек бассейна Аральского моря — Амударьи и Сырдарьи, на которые приходится основная часть стока, и потому другие страны Центральной Азии могут относиться к водохозяйственным проектам и водной политике этих двух стран совсем не так, как они сами. Постоянно обостряющиеся споры и конфликты по вопросам водопользования и распределения водных ресурсов известны с первых лет независимости стран региона. Однако с конца 2016 года, когда в Узбекистане был избран новый президент, ситуация вокруг этой проблемы стала улучшаться. На официальном уровне положение дел с критикой или поддержкой соответствующих проектов пока не меняется, но власти Таджикистана держат двери для переговоров открытыми.

Несмотря на всю важность трансграничных проблем использования водных ресурсов, в настоящей статье основное внимание уделяется воздействию водного хозяйства на развитие самого Таджикистана. В Национальной стратегии развития Таджикистана до 2030 года правительство страны особо подчеркивало значение водных ресурсов. Успехи в водообеспечении и использовании водных ресурсов могут повлиять на жизнь людей и позволят поднять жизненный уровень населения. Для реализации соответствующих проектов власти

Таджикистана используют собственные возможности и пытаются получить международную помощь. Японию в числе других международных партнеров просили о содействии в выполнении нескольких водохозяйственных проектов. Анализом японской политики в Центральной Азии, в том числе и помощи в развитии, занимались несколько авторов[1], но они не обратили достаточного внимания на водное хозяйство и вопросы обеспечения санитарии и гигиены. В частности, Рёта Саито рассматривал действия Японского агентства международного сотрудничество (JICA) по содействию развитию водного хозяйства в Узбекистане[2], однако до сих пор достаточного внимания роли Японии в богатом водой Таджикистане так и не уделялось.

С 2010 года по 2014 год Япония ежегодно выделяла международному сообществу на программы официальной помощи в целях развития (ОПР) в сфере водного хозяйства, водоснабжения и канализации сумму в 1,6 млрд долл. — больше, чем какая-либо другая страна в мире[3]. Правда, доля финансовой помощи Японии водному хозяйству стран Центральной Азии в общей сумме международной помощи не так велика, но если сравнивать предоставленные ею вложения с вложениями главных стран-доноров развития водного хозяйства региона, то Япония остается в числе лидеров. В Таджикистане Япония участвовала в реализации водных проектов с первых дней независимости страны.

В настоящей статье рассматриваются проблемы и результаты водохозяйственных проектов, поддержанных Японией, и определяются сферы, в которых эти проекты приносили пользу таджикскому обществу.

Водные ресурсы для устойчивого развития Таджикистана

По оценкам экспертов, водные запасы Таджикистана с его 947 реками, 1 300 озерами и большой площадью ледников обеспечивают стране гидроэнергетический потенциал в 527 млрд кВт·ч в год, что втрое превышает нынешнее энергопотребление стран региона[4]. Помимо национального гидроэнергетического потенциала, важны доступность чистой пресной воды для питья и достаточность водных ресурсов для нужд ирригации.

Правительство Таджикистана предложило обратить особое внимание на водную проблему. Стремление поднять эту проблему в глобальном масштабе привело к провозглашению Генеральной Ассамблеей ООН 2005—2015 годов Международным десятилетием действий «Вода для жизни»[5].

---

[1] См., например: *Christopher L., Uyama T., Hirose T.* Japan's Silkroad Diplomacy: Paving the Road Ahead // Central Asia-Caucasus Institute & Silkroad Studies Program, 2008.

[2] См.: *Saito R*. Sustainable Water Management in Central Asia and the Role of Foreign Donors: Case Study of «Water Management Improvement Project» // Journal of Arid Land Studies, 2015, Vol. 25, No. 3. P. 137—140.

[3] См.: *Usami M*. Deepening Water Problem and Japanese Science and Technology Diplomacy: Secure the Sustainable Water Resources and the Possibilities of International Cooperation. В кн.: Science, Technology and Japanese Foreign Policy, [ed. by A. Sarkuragawa], Tokyo: Naigaishuppan, 2013. P. 161—204 (на японск. яз.); Water Resources in Japan // MLIT (Ministry of Land, Infrastructure, Transport and Tourism of Japan), 2016. P. 118—119 (на японск. яз.) [http://www.mlit.go.jp/tochimizushigen/mizsei/water_resources/contents/responding_to_international.html].

[4] См.: National Review of «Towards a Green Economy in Tajikistan» [http://fsci.tj/index.php?option=com_content&view=article&id=295%3A--q------q-20&catid=100%3A2013-11-21-10-44-02&Itemid=130&lang=en], 2012.

[5] См.: Резолюция A/RES/58/217 от декабря 2003 года.

Необходимость такой инициативы была вызвана ростом мирового населения и соответствующим ростом потребностей в воде. По утверждению Департамента Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (2006 г.), если международное сообщество не примет мер, то к 2025 году может сложиться ситуация, когда две трети населения мира будут испытывать нехватку воды. Приблизительно 1,6 млрд человек — почти четверть населения мира — уже сегодня сталкиваются с дефицитом экономически доступной воды: в их странах нет необходимой инфраструктуры для доставки воды из рек или водоносных слоев[6]. Дефицит воды превратился в серьезную проблему, с которой в этом столетии могут столкнуться многие страны. В настоящее время больше чем 2 млрд человек во всем мире страдают от нехватки воды: «Обеспечение всеобщего доступа к чистой воде и системе санитарии» является одной из главных целей, которые формируют Повестку дня устойчивого развития ООН.

Озабоченность Таджикистана водными проблемами и его активное участие в их решении привлекают внимание во всем мире. Организуются разного рода информационные мероприятия на международном уровне. В марте 2003 года японское правительство пригласило президента Эмомали Рахмона изложить взгляд Таджикистана на водные проблемы и принять участие в обмене идеями на Третьем всемирном форуме по водным ресурсам в Киото (Япония). Более широкое обсуждение водной проблемы продолжилось на Международном форуме по пресной воде, проходившем в Душанбе с 29 августа по 1 сентября 2003 года.

В 2005—2015 годах по всему миру прошло немало конференций и встреч по разным аспектам водной проблемы.

В июне 2015 года Душанбе стал местом проведения Международной конференции высокого уровня по итогам выполнения Международного десятилетия действий «Вода для жизни». В Декларации этой конференции отмечается, что сотрудничество по водным ресурсам между различными секторами и на всех уровнях, включая трансграничный, является одним из важнейших условий, позволяющих достичь связанных с водоснабжением целей в области социально-экономического роста, процветания и здравоохранения. Президент Таджикистана объявил о новом «Международном десятилетии действий» под девизом «Вода для устойчивого развития», что должно стать важным инструментом содействия достижению целей устойчивого развития, связанных с водоснабжением.

Кроме того, по инициативе правительства Таджикистана прошло несколько диалогов и встреч с участием международных и региональных экспертов, что говорит о гибкости властей Таджикистана и их готовности к сотрудничеству с соседними государствами ради общего блага и развития региона.

Политическая активность Японии в Центральной Азии

Центральная Азия не является приоритетным регионом для японской внешней политики, но все же определенный интерес к сотрудничеству с этим регионом у Японии есть. В 1997 году правительство Хасимото провозгласило «евразийскую дипломатию» с акцентом на Центральной Азии и России, а в 2004 году была принята многосторонняя программа «Диалог «Цен-

[6] См.: Water Scarcity and the MDGs // UNDESA (United Nations Department of Economic and Social Affairs), 2006.

тральная Азия плюс Япония». Диалог должен был стать «новой структурой для сотрудничества», и его целью было «поднять на новый уровень отношения между Японией и Центральной Азией»[7]. В рамках диалога «Япония и пять стран Центральной Азии» проводятся регулярные встречи, и в 2007 году и в последующие годы аналогичные многосторонние механизмы приняли Европейский союз, Южная Корея и США[8]. Эти действия, предпринятые западными странами вслед за Японией, доказывают реальность участия последней в делах региона, к тому же связи Японии со странами региона все более расширяются.

Зачем же Японии понадобилось участвовать в делах Центральной Азии? Есть две причины, почему центральноазиатская политика Японии ставит своей целью укрепление экономических связей с богатым энергоресурсами регионом: стремление уравновесить влияние Китая и стремление к более широкой диверсифицированности иностранного присутствия в Центральной Азии[9]. То есть Япония, отлично понимая, что импорт природных ресурсов из Центральной Азии, не имеющей выхода к морю, затруднен и не может быть масштабным, тем не менее хотела бы диверсифицировать свои источники импорта энергоресурсов и с этой точки зрения подходит к природным ресурсам Центральной Азии. В дополнение к запасам газа и нефти интерес вызывают и другие сферы, в частности водные ресурсы региона и управление ими.

У интереса Японии к проблемам водного хозяйства есть несколько причин. Во-первых, как утверждает Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма, для производства импортируемого Японией продовольствия ежегодно расходуются десятки миллиардов кубических метров воды. Кроме того, поскольку Япония зависит от импорта многих товаров, включая продовольствие, обострение водных проблем в мире вызывает в стране большую озабоченность[10].

В декабре 2006 года Япония выступила с инициативой объявить 2008 год Международным годом санитарии, чтобы добиться лучшего понимания людьми проблем санитарии: положение дел в том, что касается состояния туалетов и канализации, улучшается очень медленно[11]. Эксперты и официальные лица в Японии согласились, что ей следует уделять больше внимания водным проблемам в мире и играть более активную роль в их решении. С 2010 года по 2014 год японское правительство ежегодно выделяло ОПР 2,1 млрд долл. на развитие водного хозяйства, включая гидроэлектроэнергию, ирригацию, борьбу с наводнениями и водохозяйственную политику[12].

Что касается Центральной Азии, Япония сознает значение водной проблемы для этого региона. Внимание Японии к водному кризису на этой территории усилилось под влиянием информации о сокращении акватории Аральского моря, таянии ледников и возможности использования водных ресурсов Сарезского озера в Таджикистане.

Население Центральной Азии выросло с 20 млн человек в 1956 году до 65 млн в 2013 году, из-за чего резко возросли и потребности в воде. Если водная проблема не будет решать-

---

[7] Joint Statement «Central Asia + Japan» Dialogue/Foreign Ministers' Meeting — Relations between Japan and Central Asia as They Enter a New Era // MOFA, Astana, 28 August 2004 [http://www.mofa.go.jp/region/europe/dialogue/joint0408.pdf], 2004.

[8] В 2007 году Европейский союз принял стратегию «Европейский союз и Центральная Азия: новое партнерство в действии», в том же году Южная Корея организовала форум «Республика Корея — Центральная Азия», а в 2015 году появился проект Соединенных Штатов Америки «C5 + 1».

[9] См.: *Ramani S.* Japan's Strategy for Central Asia // The Diplomat, 30 July 2015.

[10] См.: Water Resources in Japan // MLIT (Ministry of Land, Infrastructure, Transport and Tourism of Japan), 2015 [http://www.mlit.go.jp/tochimizushigen/mizsei/water_resources/contents/responding_to_international.html], 5 March 2016.

[11] См.: Ibidem.

[12] См.: Heisei 28 Nendoban Nihon no Mizushigen no Genkyo // MLIT, 2016. P. 118—119.

ся, в регионе может возникнуть политический и социальный кризис. Мир, стабильность и развитие в регионе целиком зависят от доступности водных ресурсов и налаженного международного сотрудничества[13].

Япония готова рассмотреть возможности сотрудничества в таких секторах, как устойчивое энергоснабжение гидроэлектроэнергией и ее экспорт; улучшение санитарных условий благодаря обеспечению доступа к безопасной питьевой воде; повышение продуктивности сельского хозяйства путем улучшения ирригационной системы, как это определено в Документе по стратегии сокращения бедности Таджикистана[14]. Япония участвовала в реализации проектов по развитию санитарных средств и совершенствованию системы ирригации и оказывала помощь в восстановлении трансформаторной подстанции. Однако участию Японии в проектах строительства гидроэлектростанций мешает сложная международная ситуация с разделом водных ресурсов между Таджикистаном и Узбекистаном.

Японские проекты в области использования водных ресурсов в Таджикистане: не гидроэнергетика, но водоснабжение и канализация

В Таджикистане доступ к чистой воде есть приблизительно у 58,5% населения, более чем у 30% санитарные условия лучше базовых, а в городах доступ к безопасной питьевой воде у 93% населения[15].

В течение предыдущих пяти лет правительство Таджикистана воплотило в жизнь 15 различных стратегий и программ по улучшению доступа к воде, потратив на эти цели около 500 млн долл.[16] Такая политика позволила значительно улучшить состояние водного хозяйства, однако система ирригации и водоснабжения в некоторых областях и районах все еще нуждается в реформировании.

По сведениям JICA за 2012 год, в сельских районах централизованным снабжением питьевой водой пользуется только 20% населения, остальные получают воду из различных источников (водные источники, колодцы с ручными насосами, каналы, осадки), не соответствующих гигиеническим стандартам. Чтобы улучшить доступ к чистой воде в уязвимых районах, соответствующие учреждения в Таджикистане при поддержке правительства и международных донорских организаций проводят в жизнь различные программы и проекты.

Например, целью проектов в районах Хамадони (Фаза I и II) и Пяндж Хатлонской области было улучшение системы водоснабжения. Их реализация пошла на пользу местным жителям.

Главными целевыми территориями японских проектов развития стали граничащие с Афганистаном Хатлонская область и Горно-Бадахшанская автономная область. Цель водохозяй-

---

[13] См.: *Rakhimov S.* Tajikistan: Turn Water into Cooperation // The European Times, 11 February 2014.

[14] См.: *Takemi K.* Statement Presented at the Dushanbe International Fresh Water Forum. Dushanbe, 30 August 2003.

[15] См.: Inclusive and Dynamic Development // JICA, 2012. JICA representative office in Tajikistan.

[16] См.: Джумхорият, 22 августа 2013.

ственных проектов в сельских районах Таджикистана — улучшить доступ к чистой воде, снизить риск появления в местных сообществах любых инфекционных заболеваний, распространяющихся водным путем, и наладить эффективное освоение подземных вод.

Работы по проектам включают бурение скважин, создание сети систем водоснабжения (установки погружных насосов, надземные резервуары для воды, диспетчерские пункты для управления колодезными насосами, трубопроводы и приспособления для водосброса, устройства распределения воды и т.д.) и повышение потенциала эксплуатации и технического обслуживания систем водоснабжения. В задачи проектов входит также обучение местных инженеров, могли бы затем повышать свою квалификацию в данной области, знакомясь с современными технологиями.

Препятствия и обстоятельства

Реализация этих проектов сопряжена с рядом проблем и трудностей. Прежде всего это относится к стоимости: японское оборудование и технологии, к которым обычно привязаны проекты, весьма дороги. Немалая часть выделенных по гранту средств отводится на закупку дорогостоящего японского оборудования и оплату работы японских специалистов. Использование более дешевой техники европейского, российского, корейского или иранского производства, имеющейся у большинства местных продавцов, могло бы принести существенную экономию средств. Кроме того, по истечении определенного срока эксплуатации оборудования многие детали и узлы подлежат замене, и для большей части оборудования требуются запасные части, произведенные в Японии, а они также обходятся весьма дорого. Местные власти не могут позволить себе часто заменять такие детали и узлы, и после нескольких лет эксплуатации установленное в рамках проектов оборудование может полностью выйти из строя.

Вторая проблема — чрезмерные затраты времени. Закупка техники в Японии может занять больше времени, чем приобретение ее на местном рынке. Чтобы закупить японскую машину, местным фирмам нужно сначала получить от клиента заказ, и только через 1—3 месяца они поставят заказанные изделия. Поэтому если произойдет какой-то сбой в системе водоснабжения, быстро наладить ее, заменив необходимый элемент, будет невозможно, что грозит серьезным ущербом.

Третьей проблемой является недостаточная подготовка кадров. Не все реализуемые проекты предусматривают длительное обучение персонала. Для большинства местных инженеров предусмотренный месячный или двухмесячный курс обучения может оказаться недостаточными, ведь японские технологии редко изучаются в процессе базового образования в местных вузах.

Четвертая трудность состоит в слабой подготовке руководящих кадров. Большинство сегодняшних менеджеров получали образование в советское время и, возможно, не захотят осваивать новые технологии, предоставив изучение оборудования и прохождение соответствующих курсов подготовки более молодому поколению. А когда дело доходит до принятия управленческих решений, начальники и менеджеры редко прислушиваются к младшему персоналу.

Пятой проблемой является отсутствие процедур мониторинга. Мониторинг — одна из важных функций управления. Постоянный мониторинг позволяет держать всю работу под

контролем и продлить срок действия проектов. Не все реализуемые проекты предусматривают осуществление долгосрочного мониторинга силами местных и зарубежных экспертов.

На пути к более широкому международному сотрудничеству в использовании водных ресурсов

Большинство финансируемых при участии Японии водохозяйственных проектов в Таджикистане направлены лишь на совершенствование водного хозяйства в пределах страны. Но есть и другие проекты, требующие больших инвестиций, способные содействовать устойчивому развитию как самого Таджикистана, так и соседних государств. Среди проектов, которые могли бы обеспечить устойчивое электроснабжение большинства стран Центральной Азии и наладить экспорт избыточной электроэнергии в Афганистан и Пакистан, можно назвать такие, как Рогунская и Даштиджумская ГЭС и CASA-1000. Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан испытывают в зимний период недостаток электроэнергии, жители сельских районов в осенне-зимний период получают доступ к электроэнергии лишь на несколько часов в день. Это относится также к больницам и школам. В Узбекистане электроэнергия ежедневно отключается на 2—6 часов как в мелких сельских поселениях, так и в больших городах, включая столицу страны Ташкент[17]. Узбекистан уже не в состоянии собственными силами обеспечивать населению бесперебойное и достаточное электроснабжение, и ему приходится закупать электроэнергию в соседних странах[18]. В Таджикистане восстановление плотины Нурекской ГЭС и ввод в эксплуатацию Сангтудинских ГЭС позволили значительно улучшить энергоснабжение. Однако в осенне-зимний период, когда выработка электроэнергии в стране падает до минимальных значений, все еще случаются сезонные отключения электроэнергии. Налаживание постоянного электроснабжения — одно из важных направлений развития промышленного производства Таджикистана, и от этого во многом зависит качество жизни его граждан. Главные цели Национальной стратегии развития до 2030 года — обеспечить энергобезопасность, нарастить совокупную мощность электростанций с 17 до 45 млрд кВт·ч в год и увеличить экспорт электроэнергии до 10 млрд кВт·ч.

Для Японии участие в таких масштабных стратегических проектах, как Рогунская ГЭС — наименее затратный проект выработки электроэнергии в достаточных объемах для решения проблем электроснабжения в регионе[19], могло бы стать очередной демонстрацией ее поддержки «зеленой» энергетической политики. Япония, которая сама пострадала от проблем на ядерной электростанции Фукусима, поддерживала и поддерживает «зеленую» энергетику, содействуя различным проектам, в частности направленным на использование солнечной энергии и энергии ветра. Поддержка такого проекта, как Рогунская ГЭС, может усилить роль Японии в Центральной Азии и, отчасти, в Южной Азии, поскольку будет содействовать реконструкции Афганистана. Однако Япония предпочитает воздерживаться от

---

[17] См.: *Tchen A*. Uzbekistan: The New Face of Energy Poverty in Uzbekistan // The PULS 1, 29 September 2014 [http://pulsofcentralasia.org/2014/09/29/uzbekistan-the-new-face-of-energy-poverty-in-uzbekistan-2/].

[18] См.: *Aminjonov F*. Власти Узбекистана скоро будут вынуждены пересмотреть мнение о крупных ГЭС [http://www.dialog.tj/news/farkhod-aminzhonov-vlasti-uzbekistana-skorom-budut-vynuzhdeny-peresmotret-mnenie-o-krupnykh-ges], 11 мая 2016.

[19] См.: Techno-Economic Assessment Study for Rogun Hydroelectric Construction // The World Bank, 2014.

участия в крупных гидростроительных проектах, включая CASA-1000. Главная причина этого — конфликт между государствами региона вокруг главных гидростроительных проектов. Как утверждалось в ходе Диалога «Центральная Азия плюс Япония», политика Японии в Центральной Азии направлена прежде всего на содействие региональному сотрудничеству. С другой стороны, отказываясь от участия в ключевых проектах, Япония ограничивает свои геополитические устремления в регионе. Это противоречит прежнему заявлению о том, что Япония стремится к всестороннему развитию экономики стран Центральной Азии. С точки зрения диверсификации экономики, именно развитие производства и экспорта электроэнергии повышает гибкость экономики Таджикистана и снижает его зависимость от главных торговых партнеров — России и Китая.

Японские проекты в сфере водного хозяйства, безусловно, должны способствовать укреплению безопасности человека, однако их влияние на население страны в целом невелико. Они направлены на решение водных проблем отдельных районов или даже населенных пунктов либо на обеспечение экологичными источниками энергии единичных больниц или школьных зданий, тогда как такие проекты, как Сангтудинская ГЭС-1 и Сангтудинская ГЭС-2, финансируемые правительствами России и Ирана, затрагивают значительно большую часть населения.

Кроме того, Китай, главный соперник Японии в регионе, наращивает свое влияние в Таджикистане. Он также вкладывал средства в развитие экологически чистой энергетики. Китайская компания завершила сооружение первой очереди Душанбинской ТЭЦ-2 мощностью 100 МВТ[20]. В результате улучшилось электроснабжение Душанбе. Эти факты показывают, что на данном этапе только крупные стратегические инвестиции могут усилить роль Японии в стране.

В настоящее время 95% всей своей электроэнергии Таджикистан производит в виде экологически чистой гидроэлектроэнергии. Япония сегодня главный поборник экологически чистой энергетики и, как утверждал премьер-министр Японии Синдзо Абэ в 2015 году, она намеревается построить в регионе высококачественную инфраструктуру для производства и транспортировки электроэнергии.

Заключение

Япония крайне озабочена обостряющимися в мире водными проблемами, включая проблему очистки воды. Внимание Японии к водному кризису в регионе Центральной Азии усилилось под влиянием таких событий, как начавшееся исчезновение Аральского моря, таяние ледников и возможность использования воды Сарезского озера. Япония приняла участие в развитии водного хозяйства Таджикистана. Большинство проектов были направлены на развитие системы водоснабжения на территории страны, улучшение доступа к чистой воде и снижение риска распространения в местных сообществах болезней, передаваемых через воду. Однако не все эти проекты продолжают работать после их передачи местным властям. Их дальнейшей реализации препятствуют высокая стоимость запасных частей, недостаточная подготовка местного персонала и отсутствие необходимого мониторинга. Правительство Таджикистана хотело бы, чтобы Япония участвовала и в других, стратегических проектах

[20] См.: *Usmonzoda U*. The Wordfolio, 17 May 2016 [http://www.theworldfolio.com/interviews/usmonali-uzmonzoda-ministry-of-energy-and-water-resources-of-the-republic-of-tajikistan/3327/].

(Рогунская ГЭС и CASA-1000). Эти проекты могут значительно улучшить перспективы устойчивого развития Таджикистана и стабилизировать энергоснабжение в соседних государствах. Намерение реализовать эти проекты — основной источник противоречий между государствами региона, что и препятствует японским инвестициям. С другой стороны, участие Японии в стратегических проектах, способных усилить ее роль в Таджикистане и в регионе в целом, зависит от развития в ближайшем будущем отношений между государствами региона.

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И НА КАВКАЗЕ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Гюльнара ГАДЖИМУРАДОВА

кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Валентина ДОБРОХЛЕБ

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Вадим БЕЗВЕРБНЫЙ

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Марина ХРАМОВА

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена сравнительному анализу социально-политической и религиозной ситуации в странах Центральной Азии и некоторых регионах Кавказа, где подавляющее большинство населения исповедует ислам. Исследуются причины появления религиозно-политического экстремизма на этих территориях. Прослеживается связь религиозного экстремизма на Северном Кавказе и в странах Центральной Азии с ростом терроризма в глобальном масштабе. Обобщена информация из открытых источников о террористических организациях, действующих в Центральной Азии и на Кавказе. Выделены социально-демографические и этнополитические факторы, способствующие вовлечению мусульманского населения в религиозно-политический экстремизм, методы вербовки мигрантов и молодежи, которые используют сетевые транснациональные террористические организации. Уточняется терминология, приводятся мнения религиоведов и исламоведов по проблемам экстремизма и терроризма, в том числе и с «исламским лицом». Показаны внутренние противоречия в исламе, различное понимание и толкование направлений ислама. Обозначены направления противостояния религиозно-политическому экстремизму в Центральной Азии и на Кавказе с использованием специальных программ по выявлению вербовщиков и предотвращению террористических атак. Сформулирован вывод о необходимости совместных усилий всего мирового сообщества по борьбе с угрозой религиозно-политического экстремизма и терроризма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ***религиозно-политический экстремизм, терроризм, ДАИШ, вербовка, ваххабизм, радикальный ислам, ханафитская традиция суннитского ислама.***

Введение

На протяжении нескольких десятилетий проблема экстремизма и терроризма находится в центре внимания мирового научного сообщества, растет поток исследований по данной тематике. Конец XX и начало XXI века ознаменовались ренессансом религий в России и на всем постсоветском пространстве. На фоне интереса к традиционным[1] формам ислама развивается в числе прочих исламский вектор экстремистских религиозно-политических движений. Рели-

[1] Термин используется в основном российскими религиоведами.

гиозно-политический экстремизм сегодня превосходит по своему охвату и влиянию на большие группы населения все остальные разновидности экстремизма. В связи с этим приходится признать, что «любая монотеистическая религия при неправильной интерпретации может служить базой для насильственной экспансии и подавления инакомыслия»[2].

С точки зрения политолога Р. Эмирова, ислам, как и любая другая религия, приобретает особую актуальность в переломные периоды исторического развития стран и народов. Как показывает исторический опыт, в такие периоды религия довольно легко принимает радикальные и экстремистские формы[3]. Подобной точки зрения придерживается и М.Я. Яхъяев, подчеркивая, что «религиозный экстремизм оживает именно в такие переходные времена и связан как с кризисом традиционной религиозной веры, так и с рождением новой формы религии»[4]. Исламский идеологический экстремизм, по мнению Э. Соловьева, выступает в роли революционной идеологии, целью которой провозглашается не просто изгнание «крестоносцев», иудеев и их пособников в лице местных светских правителей, но своего рода исторический передел соотношения позиций в мире в пользу исламской уммы.

После распада Советского Союза и краха идеологии коммунизма, в частности политики интернационализма, полиэтничные общества, в которых негласно основным выражением идентичности являлся ислам, лишились единственного мощного регулятора межнациональных и межконфессиональных отношений. В условиях образовавшегося вакуума и идеологической дезориентации это место заняла исламская идеология, которая не делит людей по этническому признаку и, как казалось тогда многим, могла бы стать объединяющим началом в регионах компактного проживания мусульман. Особенно эти процессы усилились с началом «парада суверенитетов» в бывших советских республиках с преимущественно мусульманским населением: республиках Центральной Азии, Азербайджане и др.

Именно идеологическая доктрина ислама делает исламский экстремизм и такое его проявление, как терроризм, чрезвычайно опасным для общества. Феномен международного терроризма оказался напрямую связан с эффектом глобализации. Глобализация и растущая интернационализация религиозного экстремизма, связанного с исламом, — уже свершившийся факт. Как верно заметил Э. Соловьев, «террористические организации достаточно легко освоились в меняющемся мире с проницаемыми границами и размывающимся территориальным суверенитетом. Они усвоили новые приемы и методы организации, адаптировались к стремительному развитию коммуникационных и информационных технологий. Так называемые новые международные террористические организации смогли приобрести свое нынешнее влияние только в условиях проницаемости международных границ и размывания суверенитетов, что во многом и было результатом глобализации»[5].

Материалы и методы

Религиозно-политический экстремизм исламистского толка можно охарактеризовать как религиозно-политическое явление, находящееся в антагонизме с государством, использующее незаконные методы противодействия ему на основе идеи халифата.

---

[2] *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. М.: Академический проект, 2008. С. 121—186.

[3] См.: Приоритеты национальной безопасности Российской Федерации на Северном Кавказе. М., 2011. С. 86—106.

[4] *Яхъяев М.Я.* К вопросу об экстремизме в Исламе// Исламоведение, 2015, № 2. С. 64—76.

[5] *Соловьев Э.* Сетевые организации транснационального терроризма // Международные процессы, май — август 2004. Т. 2, № 2 (5). С. 71—83.

В настоящее время большая часть территории России по уровню террористической угрозы мало отличается от Западной Европы и Ближнего Востока. При этом на территории России риск террористических угроз выше всего в республиках Северного Кавказа, где, по сути, идет необъявленная война: гибнут люди, время от времени объявляется режим контртеррористической операции, проводятся спецоперации по розыску и задержанию боевиков и т.п. Республики Северного Кавказа по уровню террористических угроз сегодня оказались на уровне Ирака, Сирии и Ливии. Но, в отличие от этих стран, под террористические удары чаще всего попадают не мирные граждане, хотя часто страдают и они, а чиновники разных уровней, полицейские, представители бизнеса и религии.

«Тысячи выходцев с Северного Кавказа воюют в Ираке и в Сирии на стороне террористов, — заявил секретарь Совета безопасности РФ Николай Патрушев на совещании в Астрахани 19 апреля 2017 года. Особую угрозу представляют граждане, причастные к деятельности международных террористических организаций. По имеющимся данным, на территории Сирии и Ирака в составе террористических структур находятся почти 2,7 тысячи жителей округа». Как отметил Патрушев, это связано с активной пропагандой экстремизма и вербовкой террористов на территории Северного Кавказа. В самом регионе обстановка остается напряженной в плане террористической угрозы[6].

По мнению К.М. Ханбабаева, активному распространению на Северном Кавказе радикального ислама способствуют такие факторы, как социально-экономический кризис, приведший к ухудшению жизни; идеологический, духовно-нравственный кризис; обострение межнациональных отношений; криминализация всех сторон жизни, безнаказанность, коррупция и бездействие властей; геополитические трансформации в регионе; низкий авторитет духовенства и руководства республик[7].

Особенность экстремизма и терроризма на Северном Кавказе в настоящее время, как считает Д.С. Вояковский, заключается в сращивании на основе идеологии радикального ислама религиозного, этнического и криминального терроризма, поддерживаемого аналогичными международными структурами. Таким образом, северокавказские «исламские» экстремизм и терроризм носят преимущественно квазиисламский характер[8].

В настоящее время радикальный ислам на фоне общественно-политических проблем в арабских государствах и Афганистане становится глобальной угрозой XXI века, заполняя, в частности, идейно-политический вакуум в Центральной Азии. Там росту социально-политической напряженности способствует и появление двух религиозно-экстремистских групп: «Хизб ут-Тахрир» и Исламское движение Туркестана. Причины роста религиозного экстремизма в регионе те же, что и в республиках Северного Кавказа: коррупция во всех эшелонах власти, падение жизненного уровня населения, злоупотребления властными полномочиями, а иногда безграмотное руководство регионами. Необходимо отметить, что в Казахстане, Кыргызстане и Туркменистане ислам играл не столь важную политическую роль, как, скажем, в Узбекистане и Таджикистане. Это связано с географической и ментальной близостью двух последних к Ирану, Афганистану и Пакистану. Именно Афганистан и Пакистан являются сегодня основными «поставщиками» идей религиозного экстремизма и терроризма в Центральной Азии. Именно здесь в специальных лагерях проходят обучение будущие шахиды-смертники и террористы.

---

[6] [https://regnum.ru/news/polit/2265169.html], 28 апреля 2017.

[7] См.: *Ханбабаев К.М.* Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе: общее и особенное // Исламоведение, 2010. № 2. С. 80.

[8] См.: *Вояковский Д.С.* Политические проекты исламского экстремизма в современной России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени…., 2009 [http://www.dissercat.com/content/politicheskie-proekty-islamskogo-ekstremizma-v-sovremennoi-rossii#ixzz4fUMWNGA7], 28 апреля 2017.

В 1990-х годах после падения железного занавеса в республики Центральной Азии и Северного Кавказа стали активно проникать эмиссары из Саудовской Аравии, Турции, Египта, Пакистана. Они вербовали молодых людей для обучения в религиозных учебных заведениях своих стран и несли иное понимание ислама, отличное от традиционного ислама суннитского толка, который здесь исповедовался исторически. Если на Северном Кавказе эпицентрами подобных экстремистских учений и групп оказались Чечня, Дагестан и Ингушетия, то в Центральной Азии это Ферганская долина, где традиционно был высок уровень религиозности, сконцентрировано большое количество культовых учреждений и большое значение придавалось обрядовости. Разделенный между Узбекистаном, Таджикистаном и Кыргызстаном, этот регион всегда был центром острой политической борьбы. Основная часть населения Ферганской долины живет по нормам шариата и верит в то, что исламские принципы способны решать социальные проблемы, так как нет возможностей отстаивать свои политические права демократическим путем[9].

В Центральной Азии сегодня сложились благоприятные условия для исламизации. В Казахстане, например, распространению идей радикального ислама способствует ряд факторов, в частности рост трудовой миграции из Кыргызстана и Узбекистана, где сильны позиции исламизма. В Таджикистане активизация исламских сил в свое время привела к гражданской войне. Религиозная обстановка там и сегодня довольно сложная, радикальные идеи в силу сложившейся неблагоприятной социально-политической обстановки распространяются достаточно быстро. Аналогично активизировались религиозные организации радикального толка и в Кыргызстане. Там их ряды пополняют не только мусульмане, но и представители других конфессий. По мнению Р. Триведи, «исламизация является либо орудием в геополитической борьбе, либо одной из форм антимодернизации, либо результатом неэффективности политической и экономической систем»[10]. По его мнению, в Центральной Азии присутствует комбинация всех трех факторов.

В Центральной Азии существуют партии и группы, так или иначе связанные с исламом или исламистскими группировками, базирующимися за рубежом. Вот некоторые из них: «Ислом Лошкарлари» (воины Ислама), «Хизб ут-Тахрир» (Партия освобождения), Исламское движение Узбекистана, «Таблиги Джамаат» и др. По мнению ветерана ФСБ С. Кривошеева, активнее всего в Центральной Азии проявляет себя террористическая организация «Хизб ут-Тахрир». Ее представители работают и на территории России. Они направляют боевиков на подготовку в лагеря на территории Пакистана, в Ирак и в Сирию в ряды ИГИЛ (запрещена в России). После неудач ИГ (запрещена в России) в Сирии они возвращают своих людей по домам, в том числе и в Россию. Эти люди вербуют сторонников и готовят теракты[11].

Религиозные экстремисты и на Северном Кавказе, и в Центральной Азии, при том что они не поддерживают между собой тесных связей, равно отрицательно относятся к исторически исповедавшемуся здесь традиционному исламу. Они проповедуют отказ от такого ислама и предлагают свое понимание «правильного» ислама, базирущегося на принципах «чистого» ислама без более поздних дополнений и отступлений, а также идее политической системы, основанной на халифате, и юридической системы, основанной на шариате (исламском праве).

В соответствии с ханафитской традицией суннитского ислама, которая с уважением относится к личным свободам человека, ислам на Северном Кавказе и в Центральной Азии носил мирный характер, с уважением относясь ко всем остальным конфессиям. Основы ханафитства

---

[9] См.: *Токсоналиева Р.* Радикальные течения ислама в странах Центральной Азии [http://easttime.ru/analytics/tsentralnaya-aziya/radikalnye-techeniya-islama-v-stranakh-tsentralnoi-azii/5312], 28 апреля 2017.

[10] *Триведи Р.* Нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии с точки зрения сравнительной региональной перспективы // Сравнительная политика, 2011, № 4. С. 112.

[11] [https://ria.ru/radio_brief/20170419/1492592758.html], 28 апреля 2017.

пошатнул ваххабизм, который появился в регионе с конца 1970-х годов и распространялся подпольно. Поэтому не совсем корректно утверждать, что на территорию центральноазиатских республик радикальные течения пришли только с распадом СССР. Радикально настроенные муллы, по мнению Е.Н. Егорова[12], еще во времена СССР подпольно распространяли свои нетрадиционные идеи через исламистские сети. С обретением независимости центральноазиатскими республиками эти идеи получили вполне осязаемые формы в виде хорошо организованных группировок и течений в основном экстремистской направленности, ведущих борьбу против государственных структур и режима в целом.

Результаты

В 2016 году был опубликован Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. В него среди прочих вошли террористические организации, ведущие подрывную деятельность и на территории нашей страны[13].

Таблица 1

Организации, признанные в Российской Федерации террористическими

№ п/п	Наименование организации	Решение о признании организации террористической и внесении ее в Единый федеральный список организаций, признанных террористическими (на 25 октября 2016 г.)
1	Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03 116, вступило в силу 04.03.2003 г.
2	Конгресс народов Ичкерии и Дагестана	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03 116, вступило в силу 04.03.2003 г.
3	Братья-мусульмане («Аль-Ихван аль-Муслимун»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03 116, вступило в силу 04.03.2003 г.
4	Партия исламского освобождения («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03 116, вступило в силу 04.03.2003 г.
5	«Лашкар-и-Тайба»	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03 116, вступило в силу 04.03.2013 г.
6	Исламская партия Туркестана (бывшее «Исламское движение Узбекистана»)	Верховный Суд Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03 116, вступило в силу 04.03.2003 г.

[12] См.: *Егоров Е.Н.* Исламский радикализм в Центральной Азии: «Хизб ут-Тахрир» и Исламское движение Узбекистана // Среднерусский вестник общественных наук, 2014, № 3 (33). С. 189.

[13] [http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm], 28 апреля 2017.

Таблица 1 (продолжение)

№ п/п	Наименование организации	Решение о признании организации террористической и внесении ее в Единый федеральный список организаций, признанных террористическими (на 25 октября 2016 г.)
7	«Имарат Кавказ» (Кавказский Эмират)	Верховный Суд Российской Федерации, от 08.02.2010 № ГКПИ 09-1715, вступило в силу 24.02.2010 г.
8	Исламское государство (другие названия: Исламское государство Ирака и Сирии, Исламское государство Ирака и Леванта, Исламское государство Ирака и Шама)	Верховный Суд Российской Федерации, от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С, вступило в силу 13.02.2015 г.
9	Джебхат ан-Нусра (Фронт победы) (другие названия: Джабха аль-Нусра ли-Ахль аш-Шам [Фронт поддержки Великой Сирии])	Верховный Суд Российской Федерации, от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С, вступило в силу 13.02.2015 г.

Важнейшей составляющей современного терроризма выступают идеологические доктрины радикализма, которые зачастую интерпретируются не просто как исламские, но и как единственно верные. В соответствии с подобными псевдоисламскими концепциями выстраивается специфическая практика, включающая в себя и террористические акции смертников. К экстремистскому крылу радикалов относятся организации, группы, отдельные лидеры, которые в качестве основного метода достижения своих целей используют вооруженную борьбу, в том числе и террористическую деятельность. Вспомним хотя бы страшные события лета 2016 года, связанные с терактами в торговом центре Мюнхена, когда были убиты 9 и ранен 21 человек, взрывы в Ансбахе (Германия), теракт в Ницце (Франция), в результате которого погибло не менее 80 человек, теракт в петербургском метро (Россия) 3 апреля 2017 года, жертвами которого стали 14 человек[14]. Список кровавых террористических актов в мире растет. Ответственность за большинство террористических атак по всему миру берет на себя так называемое Исламское государство (ИГ, или ДАИШ. Запрещена в России). Все актуальнее становятся вопросы: кто эти люди, совершающие преступления против человечности, как они попадают в организации подобного рода?

Дискуссия

Российские спецслужбы в 2015 году выявили в стране около 3 тыс. человек, которые, предположительно, были участниками боевых действий на стороне террористов в Афганистане, Сирии и Ираке. Об этом сообщил директор ФСБ России А. Бортников на открывшемся в Санкт-Петербурге совещании руководителей спецслужб и правоохранительных органов из 63 стран[15].

[14] См.: *Гаджимурадова Г.И.* Противодействие религиозному экстремизму в свете миграционных процессов (на примере миграционного кризиса в Германии). В кн.: Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов: Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. проф. В.С. Белозерова. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. С. 74—78.

[15] См.: *Егоров И.* Смертники на экспорт // Российская газета, 28 июля 2016, № 165.

В рядах боевиков состоят граждане 80 государств, в том числе некоторых стран, входящих в ШОС, граждане Франции, Великобритании, Германии, Марокко, Саудовской Аравии, США, Канады. Пропаганда религиозного экстремизма ведется постоянно. Как заявил во время саммита Организации договора о коллективной безопасности (15 сентября 2015 г.) ее генсек Н. Бордюжа, в рамках операции «Прокси» структуры ОДКБ выявили более 57 тыс. сайтов, которые использовались для вербовки жителей Центральной Азии в террористическую группировку «Исламское государство» и другие экстремистские организации.

Террористические организации создали уникальные по своей результативности транснациональные сетевые организации. Общее количество агитаторов и вербовщиков ДАИШ по всему миру составляет около 90 тыс. человек. Агитация одновременно ведется на 24 языках, причем русский язык занимает третье место после арабского и английского. По данным спецслужб, в России сейчас работает от 7,5 до 10 тыс. вербовщиков этой организации[16]. Возраст завербованных — от 14 до 28 лет. Объектом вербовки выступают и трудовые мигранты из стран Центральной Азии, работающие в России[17]. Вербовка ведется через социальные сети; особой популярностью пользуется *Telegram*, насчитывающий около 100 млн пользователей. Из всех существующих мессенджеров именно он особенно популярен в арабских странах и в России, где, собственно, и был изобретен. Джихадисты все чаще используют *Telegram* в пропагандистских целях. Одно из его преимуществ, по мнению специалистов по информационной безопасности, — надежность шифрования данных.

Президент международной ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа» С. Гончаров в интервью «Парламентской газете»[18] рассказал, как происходит вербовка: группа наводчиков подбирает молодых людей, которые интересуются проблемами ислама, через Интернет. Это могут быть знакомства в открытых группах соцсетей, таких, например, как Фейсбук, Инстаграм и пр. Другая группа «специалистов» занимается обработкой юношей и девушек в соцсетях, чтобы склонить их на какие-то конкретные действия. На последнем этапе в дело вступают непосредственно вербовщики, которые ищут к каждому адепту индивидуальный подход. Девушек привлекают возможностью выйти замуж за сильного, красивого, непьющего, брутального воина-мусульманина; молодых людей привлекают материальным благополучием и возможностью стать героями, борцами за веру. При этом все подается с точки зрения героизированной жертвенности, где нет места проблеме ценности отдельной человеческой жизни. Показательным является пример В. Карауловой, которая дважды пыталась примкнуть к «воинам Аллаха», но стараниями родителей и российских спецслужб была возвращена на родину.

Все чаще в сводках силовых ведомств сообщается о задержании мигрантов из Центральной Азии, которые занимались вербовкой молодых людей для участия в военных действиях в Сирии на стороне ДАИШ, либо подозреваются в совершении терактов в городах России. Для поиска вербовщиков в ИГ в сети используется разработанная в 2015 году специальная компьютерная программа («Демон Лапласа»), которая активно мониторит и анализирует экстремистские группы в Facebook, «ВКонтакте», «Живом журнале» и Twitter. Деятельность правоохранителей оказалась достаточно результативной. Например, при проведении спецоперации ФСБ на окраине Самары 15 декабря 2016 года были задержаны двое граждан одной из центральноазиатских республик — предположительно, пособники запрещенной в России

---

[16] См.: Парламентская газета, 23—29 октября 2015. С. 38.

[17] См.: *Рязанцев С., Богданов И., Доброхлеб В., Лукьянец А.* Миграционное взаимодействие стран Центральной Азии с Россией и Казахстаном в контексте интеграционных процессов в ЕАЭС // Центральная Азия и Кавказ, 2017, Том 20, Выпуск 1. С. 44—49.

[18] См.: Парламентская газета, 23—29 октября 2015. С. 38.

террористической организации «Исламское государство»[19]. 22 декабря 2016 года в Московском регионе задержаны семь участников религиозной ячейки «Таблиги Джамаат», в том числе ее руководители. В ходе обысков изъяты экстремистская литература, средства связи, а также электронные носители информации с отчетами о работе[20]. Террористическая организация «Исламское государство» взяла на себя ответственность за вооруженное нападение на силовиков в Нижнем Новгороде 26 октября 2016 года. По информации управления ФСБ по Нижегородской области, нападавшими были выходцы из Центральной Азии.[21] По данным Следственного комитета, взрыв в петербургском метро 3 апреля 2017 года осуществил гражданин РФ уроженец Кыргызстана Акбаржон Джалилов[22]. 27 апреля 2017 года в Калининграде оперативниками в ходе спецоперации задержаны 12 выходцев из республик Центральной Азии, являющихся членами ячейки запрещенной на территории РФ международной террористической организации «Исламский джихад — джамаат моджахедов», возможно причастных к вербовочной деятельности в интересах международной террористической организации[23].

К сожалению, наиболее сильные игроки на международной арене не готовы сегодня выступить против терроризма единым фронтом. Такие страны, как США, Великобритания, которые не раз сами становились объектами террористических атак, стремятся использовать сложившуюся ситуацию в собственных целях, поддерживая организации и группировки с сомнительной репутацией. Об этом свидетельствуют 59 крылатых ракет, выпущенные 7 апреля 2017 года по приказу президента США Д. Трампа по аэродрому Шайрат, используемому правительственными войсками Сирии; недавняя отмена визита в Россию министра иностранных дел Великобритании Б. Джонсона; введение санкций против нашей страны и другие недружественные, а порой и провокационные акции. В борьбе с террористической угрозой нужны общие усилия всего мирового сообщества. Наиболее эффективным методом борьбы с терроризмом может стать лишение его финансовой базы. Это достаточно сложная задача, особенно в условиях транснациональных финансовых потоков, которые очень сложно отследить. Здесь нужна четкая слаженная работа и скоординированные действия на уровне межгосударственного сотрудничества стран антитеррористической коалиции.

Заключение

За понятиями «экстремизм» и «терроризм» прочно закрепилось определение «исламский». Так называемый «исламский экстремизм» уже преуспел в создании отрицательного образа ислама в мировом общественном сознании. Из-за кровожадности мусульман-фанатиков, совершающих террористические атаки по всему миру, ислам в умах большинства людей стал ассоциироваться с насилием, жестокостью, убийствами и разрушениями. При этом «исламский экстремизм» не вполне совершенен, поскольку «речь, конечно же, идет об экстремизме, использующем ислам в качестве религиозной идеологии». Вместе с тем «ислам, будучи цельной религией, неотделим от политики. Более того, он проникает во все формы общественного сознания. И с этой точки зрения, экстремизм может быть и исламским»[24].

---

[19] [https://www.kommersant.ru/doc/3171371], 26 апреля 2017.

[20] [https://ria.ru/incidents/20161222/1484353734.html], 28 апреля 2017.

[21] [http://morning-news.ru/2016/10/islamskoe-gosudarstvo-proyavilos-v-nizhnem-novgorode/], 28 апреля 2017.

[22] [http://tass.ru/proisshestviya/4195732], 28 апреля 2017.

[23] См.: В Калининграде задержали членов террористической группировки [https://rg.ru/2017/04/27/v-kaliningrade-zaderzhali-12-chlenov-terroristicheskoj-gruppirovki.html], 28 апреля 2017.

[24] *Баглиев М.А.* Политические аспекты современного исламского экстремизма (на примере Египта) [http://planetadisser.com/see/dis_154460.html], 28 апреля 2017.

Исламовед Л.Р. Сюкияйнен считает, что важную роль в борьбе с исламским экстремизмом должен сыграть «позитивный идейный потенциал ислама». Он рекомендует «превратить мусульманско-правовую теорию из орудия идейной мобилизации на борьбу с властью в союзника государства, направить острие ислама против экстремистов». Он также предлагает в исламских регионах России «использование отдельных достижений мусульманско-правовой культуры в интересах правового развития страны на строгих правовых основах при соблюдении российской Конституции и принципов действующего законодательства в интересах укрепления государства и повышения доверия к его правовой политике со стороны мусульман»[25]. А.С. Кац в статье «Исламский экстремизм и Россия» предлагает вообще реформировать ислам путем его «пацифицирования», заведомо приписав ему экстремистские черты: «Нужно реформировать ислам, изъяв из Корана призывы к уничтожению неверных. Это должны сделать мирные мусульмане на своем всемирном съезде. Если это не произойдет, то бумеранг ударит прежде всего по тем исламским странам, которые генерируют терроризм, растят боевиков и финансируют их»[26].

По мнению Л.Р. Сюкияйнена и К.М. Ханбабаева, прочность позиций экстремизма под исламскими лозунгами коренится не только в нерешенности политических, социально-экономических и национальных проблем, но и в его идейной базе, ориентирующейся на исламскую концепцию. К сожалению, идейно-теоретическая сторона остается вне внимания российских властей. «В итоге сегодня исламистские концепции стоят на вооружении не у российского государства, а у сепаратистов, экстремистов и террористов. Без включения позитивного идейного потенциала ислама в арсенал государственных средств борьбы с терроризмом окончательно подорвать влияние исламских радикалов невозможно»[27]. Все страны, входящие в Шанхайскую организацию сотрудничества, заинтересованы в политической стабильности в регионе. Поэтому так важны скоординированные, слаженные действия по выявлению каналов вербовки, финансирования и противоправной деятельности радикальных экстремистов.

---

[25] *Сюкияйнен Л.Р.* О правовых средствах борьбы с исламским экстремизмом и основных направлениях государственной политики в отношении ислама [http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Islam/syk/prav_sred.php], 28 апреля 2017.

[26] *Кац А.С.* Исламский экстремизм и Россия [http://samlib.ru/k/kac_a_s/islam.shtml], 28 апреля 2017.

[27] *Сюкияйнен Л.Р.* Мусульманское право и борьба с международным терроризмом // Право и безопасность, 2005, № 3 (16). С. 42—51; *Ханбабаев К.М.* Идеологическое противодействие экстремизму и терроризму в России // Исламоведение, 2011, № 2. С. 15.

РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПОСРЕДСТВОМ МОБИЛИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РЕСУРСА

Вахит АКАЕВ

*доктор философских наук,
академик АН ЧР, профессор кафедры
философии Грозненского государственного
нефтяного технического университета (ГГНТУ)
им. академика М.Д. Миллионщикова
(Грозный, Российская Федерация)*

Борят НАНАЕВА

*доктор философских наук,
профессор, завкафедрой философии
Грозненского государственного
нефтяного технического университета (ГГНТУ)
им. академика М.Д. Миллионщикова
(Грозный, Российская Федерация)*

АННОТАЦИЯ

Анализируется феномен так называемого радикального исламизма, его формы и особенности проявления на Северном Кавказе. Рассматриваются его теоретические основания, взаимосвязь ислама и исламизма, отмечается нетождественность их содержательных аспектов. Особое внимание уделяется мобилизации потенциала традиционных этнических культур народов Северного Кавказа для противодействия радикализму и экстремизму, практикуемым под прикрытием лозунгов ислама.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ***ислам, исламизм, политика, экстремизм, ваххабизм, народная культура, этнокультурный ресурс.***

Статья написана в рамках реализации проекта / Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации № 359530ю20 Н/БУ.

Введение

Появление и распространение на Северном Кавказе радикального исламизма — особое религиозно-политическое явление со своей специфической основой, своими особенностями организации и идеологии, многообразными формами проявления. В научных исследованиях пока нет сколько-нибудь четкого анализа соотношения ислама и исламизма, нередко содержание этих понятий не различают и даже ставят знак равенства между ними. Особенно часто это происходит, когда мусульмане начинают бороться против колониальной политики, коррумпированных режимов, за социальную справедливость и т.д. Между тем отождествление исламизма и ислама неверно как в теоретическом, так и в практическом отношении, более того, содержание этих феноменов принципиально различно.

В научном дискурсе отдельных авторов встречается понятие «радикальный ислам», под которым понимают «исламский фундаментализм», «исламский экстремизм», он же «исламизм»[1]. Однако такая позиция — отнюдь не единственно возможная и, более того, скорее всего, ошибочная, ибо в исламе отсутствует деление на «радикальный ислам» и «нерадикальный ислам». Думается, здесь приемлема позиция А. Сагадеева, отмечавшего, что термин «исламский фундаментализм» «грешит неточностями, досадной небрежностью и почти всегда отличается политической предвзятостью»[2]. Исследователь подчеркивал, что «везде есть экстремисты, радикалы, террористы… но их так и называют без указания их вероисповедной принадлежности»[3].

Имеются разные интерпретации исламизма, неоднозначно устанавливающие его догматическую, идеологическую, политическую составляющую, а потому имеющие содержательные разночтения. Различают такие формы исламизма (подчеркнем: не ислама!), как умеренный и радикальный. К позиции умеренного исламизма относят взгляды тех мусульман, которые придерживаются религиозных предписаний, но не связаны ни с религиозным, ни с политическим активизмом, тогда как неумеренные, или «радикальные», — это мусульмане, активно участвующие в религиозных, политических процессах, порою использующие крайние формы, вплоть до террористических акций. Такое толкование исламизма встречается как в российском, так и в западном востоковедении, изучающем политические процессы в исламе.

На Северном Кавказе к представителям исламизма отнесены ваххабиты, которые активно включились в политический сепаратизм, противодействовали местному исламу, ставя задачу вытеснить его на периферию общественной, культурной, религиозной жизни народов региона, особенно Чечни. Продекларированная ими политическая позиция заключалась в том, чтобы создать «кавказский халифат», покончив с влиянием Российского государства в регионе. Такая позиция ваххабизма, как выраженной формы исламизма, в итоге способствовала разжиганию религиозной и межнациональной розни.

Вместе с тем на Северном Кавказе осуществляется противодействие проявлениям религиозного радикализма, в том числе исламизма, как с использованием политико-правовых мер, так и путем мобилизации этнокультурных ресурсов народов, проживающих в регионе.

Теоретические основания исламизма

Радикальный исламизм — феномен, получивший достаточно широкое освещение в зарубежной и российской политологии и востоковедческих штудиях, порой оставляющих же-

---

[1] *Игнатенко А.А.* Ислам и политика. М.: Институт религии и политики, 2004. С. 8.

[2] *Сагадеев А.* Исламский фундаментализм: что же это такое? // Азия и Африка сегодня, 1994, № 6. С. 3.

[3] Там же. С. 6.

лать много лучшего в том, что касается прояснения содержания данного понятия. Крупный американский исламовед Джон Эспозито предлагает свое толкование «исламского фундаментализма», подчеркивая, что этот термин означает то же самое, что «радикализм», «религиозный экстремизм» и «терроризм»[4]. Но в реальности этот термин применим к очень широкому кругу исламских движений — от тех, кто с оружием в руках борется за свободу своей страны или стремится реализовать проекты всемирного халифата, и до тех, кто оказывают помощь школам, больницам и социальным организациям[5]. Таким образом, исламский фундаментализм по своему объему является достаточно широким понятием, включающим в себя не только радикальные, но разные благотворительные деяния мусульман, исламских организаций, движений и стран.

З.И. Левин пишет: «Термин «фундаментализм» ввели в оборот те протестанты, для которых неприемлемы модернистские веяния в протестантизме и которые настаивают на необходимости буквального понимания Священного писания»[6]. Заимствовав этот термин из протестантской религиозной культуры и добавив прилагательное «исламский», политики, журналисты, исследователи, куда больше способствовали запутыванию ситуации с фундаментализмом, нежели ее прояснению. Так, процитированный автор пишет, что «фундаментализм и ислам почему-то в последнее время часто отождествляют с терроризмом и экстремизмом»[7].

Дж. Эспозито пишет, что, «когда речь заходит об исламе в политике, более типичны термины «политический ислам» и «исламизм»[8]. Итак, термин «исламский фундаментализм» не позволяет адекватно выразить ситуацию с религиозными процессами, происходящими в среде мусульман. Два отмеченных выше термина инструментально эффективны, но очень важно установить соотношение между ними. Чисто логически здесь возможны два варианта: либо они тождественны по своему объему, либо пересекаются. С точки зрения этого автора, они тождественны — на это указывает утверждение, что «исламизм, или политический ислам», возник в рамках движения за возрождение ислама, начавшегося в конце 1960-х годов и повлиявшего как на общественную, так и на личную жизнь многих мусульман»[9].

Б. Ключников пишет о крайних, радикалистских течениях в исламе — исламизме и экстремизме, представляющих угрозу для современного мира. Вопреки мнению автора, ислам все-таки не имеет таких течений: все течения ислама хорошо известны и описаны. Более того, автор не пытается определить ни исламизм, ни экстремизм. Но он пишет, что ваххабиты являются экстремистским течением в исламе и в этом смысле предтечами современного исламизма[10]. Далее он заявляет об экстремистах-исламистах как о самых яростных врагах Запада и христианской цивилизации, которые использовались для борьбы с «безбожным коммунизмом»[11]. Но кто они, какова их идеология и практика, автор не раскрывает, ограничиваясь общими суждениями, которые не позволяют определить их характер и особенности.

Более конкретную интерпретацию исламизма дает французский исследователь Жиль Кепель, который определяет его как воинствующее направление ислама[12], родоначальником же исламизма он считает египтянина Сайида Кутба[13]. Вместе с пакистанцем А. Маудуди, иранцем

---

[4] *Эспозито Дж*. Ислам: Почему мусульмане такие. М.: Эксмо, 2011. С. 102.

[5] Там же. С. 103.

[6] *Левин З.И.* Предисловие. В кн.: Фундаментализм. М.: Институт востоковедения РАН, Изд-во «Крафт+», 2003. С. 3.

[7] Там же.

[8] *Эспозито Дж*. Указ. соч.

[9] Там же. С. 103—104.

[10] См.: *Ключников Б*. Исламизм, США и Европа: Война объявлена! М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 34.

[11] Там же. С. 39.

[12] См.: *Кепель Ж*. Джихад: Экспансия или закат исламизма. М.: Ладомир, 2004. С. 8.

[13] См.: Там же. С. 28.

А. Хомейни он начал борьбу против светского национализма и традиционных концепций ислама, которые не придавали особое значение политической борьбе.

Таким образом, с нашей точки зрения, в строго научном плане термин «исламский фундаментализм», получивший широкое распространение на Западе и в России, не проясняет содержание отмеченных выше терминов; наоборот, оно запутывается окончательно. При этом совершенно не предпринимаются усилия, в том числе и научно-теоретические, для ее прояснения.

Между тем установить соотношение между понятиями «исламский фундаментализм» и «исламизм» чрезвычайно важно и в теоретическом, и в практическом отношении. С нашей точки зрения, эти понятия не совпадают по своему объему, они не тождественны. Исламский фундаментализм — это приверженность корням ислама (*усул ад-дин* — араб.), коими являются основные догматы ислама. Как известно в исламе выделяются такие фундаментальные положения: а) шахада или ат-таухид как учение о единобожии; б) исполнение намаза — пяти ежедневных молитв; в) пост ураза, которого придерживаются во время месяца рамадан; г) закят — налог в пользу бедных; д) хадж — совершение паломничества в Мекку.

Основная деятельность представителя исламского фундаментализма сводится к изучению, анализу догматики ислама, Корана и сунны пророка Мухаммада, к широкой разработке богословской системы в строгом соответствии с его фундаментом. В этом отношении к исламскому фундаментализму относится и так называемый салафизм. Возвращение к первоосновам (фундаменту) религии, как считает А.А. Игнатенко, называется салафизмом, что происходит от выражения *ас-салаф ас-салих (праведные предки)*[14]. Хотя сторонники салафизма выступают за соблюдение мусульманами норм ислама времен Пророка и праведных халифов, тем не менее исламский фундаментализм не выводится от праведных предков — он все-таки выводится от «усул ад-дин».

Что касается понятия «исламизм», то в российской исламоведческой традиции, в том числе и в литературе о современных политических процессах в исламе, отсутствуют публикации, разъясняющие содержание данного понятия, не говоря о строгом его определении. Было бы некорректно относить к нему исламский фундаментализм как приверженность ядру ислама, имеющему только ему соответствующую периферию. Исламизм — это все-таки не исламский фундаментализм, не ислам; это политика, направленная на духовно-культурные, социальные явления, но при этом обрамляемая, оформляемая исламскими положениями, призванными придать им религиозный характер.

В этом отношении интересна позиция Жиля Кемпеля: он рассматривает в качестве матрицы исламизма ассоциацию «братьев-мусульман», созданную египтянином Хасаном аль-Банной[15]. Эта организация была создана в период колониализма, но разгромлена в 1954 году Насером, основателем египетского национального государства. Идеология и практика братьев-мусульман носила выраженный радикалистский характер. Конечно же, вопрос об их религиозной, политической умеренности не стоял, ибо они хотели жить и действовать в соответствии с Кораном, который считается для мусульман конституцией, позволяющей устанавливать необходимый им по их воззрениям социально-политический порядок.

Такая позиция не могла устраивать лидеров национальных государств, созданных мусульманами после распада колониальной системы. Одни из таких лидеров ориентировались на социализм, другие — на капитализм, а третьи никак не могли выбрать нужную социально-политическую систему, заигрывая с теми и другими, но оставаясь при этом на своих архаических социальных позициях.

---

[14] См.: *Игнатенко А.А*. Указ. соч. С. 14.

[15] См.: *Кепель Ж*. Указ. соч. С. 32.

Радикальный исламизм и его проявления на Северном Кавказе

О возрождении, а затем и о радикализации ислама стали говорить с возникновением исламских движений и партий и активизацией религиозной деятельности индивидов, отстаивающих свое право строить мечети, открывать религиозные учебные заведения. Они стремились участвовать в политических процессах в России, в выборах в Госдуму и т.д.

Если сводить радикализацию ислама в России к непосредственному участию в политических процессах, к созданию исламских партий для участия в выборах в Госдуму, то его начало следует связывать с созданием в 1990 году всесоюзной исламской партии, названной Исламской партией возрождения (ИПВ), преследовавшей цель объединить мусульман для активного участия в выборах, в политической жизни страны. Эта претензия ее организаторов была весьма настороженно воспринята властью и официальным мусульманским духовенством, а членов этой партии в народной среде стали называть «ваххабитами». С точки зрения А. Малашенко, это название было «запущено» советскими спецслужбами, чтобы дискредитировать намерения мусульман участвовать в политических процессах в стране, где набирали обороты перестройка и гласность.

С распадом СССР ИПВ как политическое объединение мусульман перестает существовать, но ее региональные структуры активно участвуют в религиозно-политической жизни мусульман Центральной Азии, России, в частности в Поволжье и на Северном Кавказе. Ваххабиты Северного Кавказа, начав свою политическую деятельность с «исправления местного ислама, очищения его от заблуждений», постепенно радикализируются, заявляют о необходимости создания кавказского халифата, освобождения Кавказа от России, русских, а также высказывают идею о полной исламизации России.

Эти и другие вопросы политизации и радикализации ислама получили отражение в публикациях В.Х. Акаева, Л.А. Баширова, А.А. Игнатенко, А.В. Малашенко, И.П. Добаева, К.М. Ханбабаева, М.Я. Яхьяева[16]. Исследователи рассматривали различные аспекты исламизма, особенности его функционирования. Прежде всего анализу подвергались вопросы радикализма, экстремизма, терроризма в деятельности ваххабитов и салафитов, а также в деятельности отдельных религиозно-экстремистских организаций, запрещенных в России. Особенности проявления ислама в контексте политических процессов на Северном Кавказе, в частности в Чечне и Ингушетии, раскрыты в соответствующих наших публикациях[17].

Если все другие авторы приводят факты, дают оценки, связанные с идеологией и практикой ваххабизма, салафизма на Северном Кавказе и в России в целом, то И.П. Добаев опубликовал целостное исследование, посвященное генезису, эволюции и практике исламского радикализма. Такая работа, безусловно, востребована научным сообществом. Автор признает, что «политизация ислама и экстремистские проявления воинствующего исламизма предстали в

---

[16] См.: *Акаев В.Х.* Исламский радикализм на Северном Кавказе: миф или реальность? // Центральная Азия и Кавказ, 2000, № 3 (9); *Баширов Л.А.* Ислам в контексте этнополитических процессов в современной России. М.: Изд-во РАГС, 2008; *Игнатенко А.А.* Указ. соч.; *Малашенко А.* Исламская альтернатива и исламский проект / Моск. Центр Карнеги. М.: Изд-во «Весь Мир», 2006; *Добаев И.П.* Радикализация ислама в современной России. Москва — Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2014; *Ханбабаев К.М.* Этапы распространения ваххабизма в Дагестане. Тарикаты в Дагестане. В кн.: Алимы и ученые против ваххабизма: Махачкала: ГУП «Даг. кн. изд-во», 2001; Религиозно-политический экстремизм: сущность, причины, формы проявления, пути преодоления / Под общ. ред. проф. М.Я. Яхьяева. М.: Парнас, 2011.

[17] См.: *Akaev V.* Islam and Politics in Chechniia and Ingushetia. В кн.: Radical Islam in the Former Soviet Union / Ed. by G. Yemelianova. First published 2010 by Routledge; *Акаев В.Х.* Ислам в Чечне. М.: Логос, 2008.

последние десятилетия в общественном сознании, международной публицистике, а иногда даже в трудах ученых, именно как исламский фундаментализм»[18]. В этом тексте термины «политический ислам», «воинствующий исламизм», «исламский фундаментализм» употребляются как синонимы, хотя они имеют некоторые различия. Далее создается впечатление, что нет и ясного толкования смысла терминов «исламизм», «фундаментализм», «джихадизм» и употребляются они как синонимы. Полагаем, что для выяснения этих нюансов в современном научном дискурсе необходим основательный научный анализ, который, к сожалению, сегодня отсутствует.

Некоторые подходы к прояснению ситуации обозначены в ряде наших последних публикаций[19].

В российском исламоведении обозначилась тенденция продуцировать терминологические новшества, содержание которых четко не проясняется. Сложно найти публикацию, в которой можно было бы обнаружить ясное изложение сути явлений исламизма, фундаментализма, уж тем более, джихадизма. В публикациях российских и зарубежных авторов порою стирается грань между ними, что не позволяет выявить их особенные и общие различия.

Некоторые исследователи договорились до того, что стали делить ислам на «старый» и «новый», в языке западных политиков употребляются даже такие терминологические новшества, как «исламофашизм», «исламский терроризм» (порою создается впечатление, что весь терроризм в мире освящен и поддерживается исламом, что совершенно неприемлемо).

На Северном Кавказе в течение многих лет исследователи под радикальным исламизмом понимают ваххабизм, который начиная с 1990-х годов активно проявляет себя как нетрадиционное для региона исламское течение, включенное в религиозно-политические процессы возрождения ислама, реисламизации общества. Об идеологии и практике ваххабизма написана серия работ такими авторами, как В.Х. Акаев, А.А. Ярлыкапов, А.А. Малашенко, А.Ф. Кисриев, Г.В. Заурбекова. В них приведены факты деятельности ваххабитов, часто не соответствующие правовому полю страны, региона. Их деятельность противоречит и нормам, сложившимся в регионе исламских традиций, что порождало и порождает конфликты между местным исламом и привнесенными в регион исламскими течениями[20]. Появление этого течения в регионе связано с «перестройкой» и развалом СССР, разрушением системы, препятствовавшей проникновению в регионы страны радикалов и экстремистов.

Под лозунгами демократии и гласности в стране появились различные религиозные организации, придерживающиеся альтернативных позиций, демонстрирующие себя более правильными сторонниками «истинного» ислама. На традиционные культуры народов обрушилась сила, которая поставила задачу разрушить традиции, культурные ценности, достижения народов, накапливавшиеся веками. Выход из этой ситуации на Северном Кавказе был найден в принятии политико-правовых мер, законодательным запрете экстремизма, в том числе и

---

[18] *Добаев И.П.* Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. С. 30.

[19] См.: *Акаев В.Х.* Исламские традиции и новации в современной России: противоречивые проявления // Гуманитарные и социально-экономические науки, 2016, № 1; *Акаев В.Х., Вагабова Н.М.* Религиозно-политический экстремизм в обществе: факторы детерминации, динамика и меры противодействия // Гуманитарные и социально-экономические науки, 2016, № 6.

[20] См.: *Акаев В.Х.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. Конфронтация или компромисс? Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН,1999; *Он же.* Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999; *Ярлыкапов А.А.* Проблема ваххабизма на Северном Кавказе. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2000; *Малашенко А.* Исламские ориентиры Северного Кавказа / Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2001; *Заурбекова Г.В.* Ваххабизм в Чечне. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2003; *Кисриев Э.Ф.* Ислам и власть в Дагестане. М.: ОГИ, 2004.

религиозного, а также активном противодействии политических и религиозных элит региона проявлениям исламизма.

О мобилизации возможностей этнокультурного ресурса

Народы Северного Кавказа отличаются устойчивыми многовековыми традициями, укорененными в общественной жизни. Этнические ценности выступают в качестве факторов противодействия, сопротивления религиозному радикализму и экстремизму, в том числе проявлениям радикального исламизма, всегда преследующего цель дестабилизировать религиозную и политическую ситуацию в среде мусульман. Представители этнического традиционализма придерживаются умеренных религиозных и политических позиций, признают светские законы, общественные порядки.

Возможности и потенциал традиционной культуры народов Северного Кавказа имеют широкий диапазон и могут использоваться для противодействия проявлениям радикализма и экстремизма в исламе. В условиях стабильного развития общества этнические ценности ни в прошлом, ни сегодня не позволяли крайним формам доминировать в общественной и религиозной жизни мусульман, хотя в ходе распространения ваххабизма в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Карачаево-Черкессии его сторонники применяли жесткие меры по утверждению его религиозной практики и идеологии, подавлению традиционных этнических ценностей.

Народы Северного Кавказа веками поддерживали между собой тесные политические, духовные контакты, сосуществовали, оказывали друг другу помощь и поддержку. Им удавалось преодолевать конфликты, применяя средства народной дипломатии, используя потенциал культурного сотрудничества. Эти же возможности могут быть использованы для противодействия активности ваххабитов, исламистов, которые, опираясь на крайние религиозные установки (например, джихад), пытались и пытаются действовать вразрез с традиционными, этнокультурными ценностями.

Исламисты пытаются навязать мусульманской молодежи Северного Кавказа альтернативную концепцию — разделение мира на людей, придерживающихся истинной и неистинной веры. Весь мир для исламистов — это поле непрерывного джихада, осуществляемого во имя глобального торжества ислама.

Очевидно, что ныне необходим анализ для выяснения причин, по которым ваххабизм находит отклик у части молодежи в регионе. Прежде всего его распространение стало возможно в силу ослабления, а затем и уничтожения советской идеологической системы. Это способствовало проникновению в молодежную среду ваххабизма, религиозного радикализма, противоречащего местным религиозным верованиям, развивавшимся посредством адаптации к социальной, политической реальности.

Мусульманское духовенство, политические элиты активно используют этнокультурный ресурс народов региона, умеренный и интегральный характер его содержания, позволяющий блокировать деятельность религиозных радикалов и экстремистов. Для этого мобилизовываются нравственно-гуманистический, миротворческий потенциал обычаев, традиций, исторические и культурные ценности, ключевые положения народной дипломатии, ментальные установки народов Северного Кавказа.

Заключение

Рассматривая поставленную проблему, авторы исходили из необходимости научно осмыслить феномен радикального исламизма. Они не считают, что данный феномен связан со специфическими особенностями ислама: его хорошо известные фундаментальные положения не являются ни радикальными, ни экстремистскими. Ислам не является религией насилия и, тем более, идеологией терроризма. Он представляет собой мировидение и образ жизни, нацеленные на преодоление крайностей, достижение согласия между людьми, социальными группами, умеренности в жизни общества и религиозной общины.

Умеренность (*васатыйа* — араб.) — важнейшая характеристика ислама, это золотая середина, отрицающая насилие, захват заложников, угон самолетов, теракты и пр. Чего не скажешь об исламизме, являющемся политической крайностью, которой придерживаются отдельные личности, группы, прикрывающиеся исламскими лозунгами. Носителей этой идеологии и практики трудно считать настоящими мусульманами, исповедующими ислам как религию мира, созидания, умеренности.

В традиционных обществах на Северном Кавказе, где доминирует ислам, этнические культуры тесно взаимодействуют с его положениями и нормами. Они взаимно адаптированы, в силу чего приобрели свои региональные особенности, отличающие их от «новаций», привносимых исламистами. Потенциал этнического ресурса на Северном Кавказе значителен и его умелое и активное использование позволяет минимизировать проявления религиозно-политического экстремизма и радикализма.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК В УСЛОВИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

Ирина КАРАБУЛАТОВА

доктор филологических наук,
академик РАЕН, профессор-исследователь
кафедры иностранных языков
Российского университета дружбы народов
(Москва, Российская Федерация)

Работа выполнена по гранту РФФИ 17-04-00607 «Этнолингвокультурологический скрининг политтехнологий ИГИЛ в работе с протестным поведением российской молодежи». Работа выполнена также по гранту РФФИ 17-13-02010 «Ислам в Башкортостане: риски политизации».

Светлана ГАЛИУЛЛИНА

*доктор исторических наук, доцент,
завкафедрой зарубежного регионоведения и истории
Уфимского государственного нефтяного технического университета
(Уфа, Российская Федерация)*

Ксения КОТИК

*магистрант кафедры зарубежного регионоведения и истории
Уфимского государственного нефтяного технического университета
(Уфа, Российская Федерация)*

АННОТАЦИЯ

В условиях высокой динамичности современной политической жизни и стремительного развития информационно-коммуникативного пространства российского общества проблема изучения политических лингвотехнологий вошла в число приоритетных: названные технологии сегодня все активнее применяются в процессе управления коммуникативным пространством социума. Политические лингвотехнологии способны выстраивать, дисциплинировать, ориентировать политически значимую деятельность людей и влиять на их политические предпочтения и поэтому могут эффективно использоваться для решения политических задач. Быстро меняющиеся условия жизни современной России, экономические, политические и социальные трансформации предполагают изменения в массовом сознании и политическом поведении населения, отказ от старых и восприятие новых ценностей и поведенческих установок. Это необходимо для адаптации к новым реалиям жизни[1].

Религиозный фактор в совокупности с политическим процессом может стимулировать как устойчивость политического пространства, так и его дестабилизацию. Выявление механизмов и технологий политизации религии с целью выработки мер по обеспечению социальной и государственной безопасности также актуализирует тему исследования. Возникли новые источники угроз национальной безопасности, такие, как терроризм, распространение оружия массового поражения, межэтнические и межконфессиональные конфликты, разного рода болезни, международная преступность, наркобизнес и т.д., среди которых одно из ключевых мест занимают внутренние угрозы. Превратившись в сложную, многофакторную и открытую систему, национальная безопасность охватывает внутриполитическую, геополитическую, экономическую, военную, этнонациональную, региональную, информационную и иные сферы. Рост новых религиозных движений, увеличение числа приверженцев традиционных вероисповеданий, а также новая проблема радикального ислама и религиозного терроризма требуют осмыслить быстрые и ненормативные трансформационные процессы религиозности. Террор приво-

[1] См.: *Карабулатова И., Мкртумова И., Поливара З., Ахметова Б., Галиуллина С., Лоскутова Е., Абылкасымов Е.* Протестное поведение современной российской молодежи как этносоциальная девиация в ситуации этнополитической конфликтогенности // Центральная Азия и Кавказ, 2016, Том 19, Выпуск 2. С. 109—118.

дит к трансформации правосознания, к аберрации в идейном и психологическом восприятии правовых ценностей, к формированию искаженного понимания законности и правопорядка.

Это способствует появлению новой субкультуры, базирующейся не на правовых регуляторах как главном факторе защиты прав, свобод и обеспечения достойной жизни граждан, а на деструктивной стратегии разрушения и уничтожения основных человеческих ценностей, включающих форму правового мышления, правовую идеологию, сложившиеся правовые институты, экономический уклад и бизнес.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ***трансформация, межконфессиональный диалог, изменение идентичности, террористические угрозы.***

Введение

Распространение экстремистских настроений напрямую связано с неблагоприятной социально-экономической ситуацией, неэффективностью легальных форм политической борьбы, отсутствием в обществе социальной мобильности и сильным имущественным расслоением.

Сегодняшние модернизационные преобразования в России происходят на фоне обостряющихся демографических проблем, интенсивного старения населения и сопровождаются углублением социальной дифференциации, трансформацией конфессиональных установок и кризисом идентичности у молодежи, что негативным образом сказывается на стабильности и безопасности общества. Можно с уверенностью констатировать обратную зависимость между масштабом распространения экстремистских идей и общей политической стабильностью государства[2].

Трансформация конфессиональных установок — это быстрый, сжатый во времени процесс религиозных изменений, влекущий существенные психологические изменения личности[3] и в результате — изменение социально-политической ситуации в стране в целом[4]. Это обстоятельство придает особую актуальность исследованию данного феномена.

С учетом сложности формулирования универсального научного определения понятия «терроризм» в исследовании предлагается рабочее определение: терроризм — это насилие с целью внушения страха, используемое для утверждения определенных социальных и политических ценностей.

---

[2] См.: *Мкртумова И., Карабулатова И., Зинченко А.* Проблема молодежного политического экстремизма как этносоциальной девиации на постсоветском пространстве в современном электронно-информационном обществе // Центральная Азия и Кавказ, 2016, Том 19, Выпуск 4. С. 87—96.

[3] См.: *Полетаев В.* Опасные связи. Приговор Карауловой признан законным, 22 марта 2017 [https://rg.ru/2017/03/22/verhovnyj-sud-ostavil-v-sile-prigovor-varvare-karaulovoj.html], 3 июня 2017; *Осипов Г.В., Карабулатова И.С., Карабулатова А.С.* Матримониальные стратегии в политтехнологиях ИГИЛ // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки, 2016, № 6. С. 69—79.

[4] См.: *Карабулатова И., Ахметова Б., Шагбанова Х., Лоскутова Е., Сайфулина Ф., Замалиева Л., Дюков И., Выхрыстюк М.* Особенности формирования позитивной идентичности в контексте этносоциокультурной информационной безопасности и борьбы с «Исламским государством» // Центральная Азия и Кавказ, 2016, Том 19, Выпуск 1. С. 95—104.

Информационные взрывы после трагических событий, порождаемых межконфессиональной конфронтацией, воздействуют на все коммуникативное поле, на механизмы социальной динамики[5]. В связи с этим особую значимость приобретают исследовательские вопросы о дискурсах террористических действий, реконструкция социокультурного генезиса терроризма и его конкретных репрезентаций. Исследование терроризма в контексте его предпосылок и последствий позволяет всесторонне осмыслить перспективы изменений и наметить пути решения проблем. Противоречивая природа процесса глобализации диктует разнонаправленные тенденции интеграции и дифференциации, которые можно рассматривать как два противоположных вектора цивилизационных процессов: с одной стороны, — тенденция к унификации, с другой — стремление к сохранению культурной, в том числе и религиозной, самобытности.

Таким образом, актуальность данного исследования определяется тем, что оно направлено на решение важной научной проблемы — ненормативного изменения самосознания под влиянием трансформации конфессиональных установок в контексте террористических угроз.

Материалы и методы

Трансформационные процессы в российском обществе формируют новую проблематику исследований. Ее язык описания, категориальный аппарат, исследовательские подходы и методы еще не установились. В качестве методологической основы исследования авторским коллективом приняты общенаучные методы, используемые в гуманитарных областях знания, — фактологический, системный, структурно-функциональный анализ, а также положения и выводы о структуре государственной политики и взаимосвязи ее компонентов, содержащиеся в научных трудах по современной политологии отечественных и зарубежных авторов.

Попытки дать единое определение терроризма осложняются тем, что государственные деятели, в отличие от политически нейтральных исследователей, проявляют при употреблении данного слова сильную политическую ангажированность, так что термин «терроризм» зачастую используется не столько для квалификации определенных действий, сколько для выражения соответствующей — негативной — оценки.

Зарубежные исследователи терроризма (П. Дженкинс, У. Лакер, М. Кроненветтер, Г. Мартин, Б. Хоффман) приводят такие определения, от которых им удобно отталкиваться в своих рассуждениях; определения в законодательствах разных стран, как правило, отличаются от них по ряду пунктов.

Наиболее серьезной и основательной попыткой дать определение терроризму можно считать работу голландских исследователей, А. Шмида и А. Ёнгмана, собравших 109 определений различных ученых, а также официальные определения, принятые на государственном уровне, и проанализировавших их, выделяя главные компоненты и характеристики этого понятия. Результаты приводятся в табл. 1.

Таким образом, можно констатировать, что неотъемлемыми элементами терроризма (по крайней мере, в его восприятии) являются «насилие, совершаемое в политических целях», а

[5] См.: *Нападение у Notre Dame de Paris квалифицировано как теракт,* 6 июня 2017 [http://www.vesti.ru/doc.html?id=2896333], 6 июня 2017.

также «насилие, совершаемое с целью внушить страх». Вместе с тем страх становится легко конвертируемой валютой при сделках за собственную безопасность. Наглядной иллюстрацией этого служит ситуация вокруг Катара[6].

Анализ детерминированности проявлений терроризма на уровне индивидов заставляет нас обратиться к социально-психологическим концепциям, выводящим причины терроризма из природы поведения индивида и рассматривающих терроризм как результат индивидуальных реакций на маргинальное положение в социальной системе[7]. Постижением феномена агрессии мы обязаны трудам Л. Бутовской, Т. Гоббса, Г. Зиммеля, К. Лоренца, Д. Майерса, З. Фрейда, Э. Фромма.

Таблица 1

Определение основных компонентов содержания слова «терроризм»

Ключевое слово в определении терроризма	Доля определений терроризма с данным ключевым словом, %
«Насилие»	84
«Политические цели»	65
«Внушение страха»	51
«Произвольность жертв»	21
«Убийство мирных и нейтральных граждан»	18

Источник: *Schmid A.P., Jongman A.J.* Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Databases, Theories and Literature. Amsterdam, 1988.

Структурно-функционалистская перспектива анализа терроризма предполагает особое внимание к постулатам функционализма (Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун), концепциям явных функций и дисфункций Р. Мертона, парадигме социальных фактов Э. Дюркгейма. Вместе с тем отмеченные подходы к исследованию проявлений терроризма хотя и необходимы для его анализа, однако самостоятельно не справляются с объяснениями этого сложного феномена и его последствий[8].

Материалами для данной статьи послужили авторские разработки по анализу изменения поведения, данные опросов среди жителей Москвы и Уфы (300 человек), аналитические исследования отечественных и зарубежных коллег по политологии, психологии, культурологии, истории, экономике, политической психолингвистике, законодательные акты в сфере антитеррористической направленности, открытые публикации в СМИ, документальные видеоматериалы, содержащие интервью участников террористических групп и их жертв, сумевших избежать казни.

---

[6] См.: Охота на миллиард, 6 июля 2017 [https://www.gazeta.ru/politics/2017/06/06_a_10709579.shtml#page2], 7 июля 2017.

[7] См.: *Abrahms M.* Deterring Terrorism: A New Strategy // Perspectives on Terrorism, 2014, Vol. 8, No. 3 [http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/344/html], 6 July 2017.

[8] *Почепцов Г.Г.* Пропаганда и контрпропаганда. М.: Изд-во «Центр», 2004.

Результаты

Идеология терроризма — искаженная форма отражения действительности. Она закрепляет извращенное понимание объективной ситуации. Именно идеология придает насильственным действиям легитимную основу во имя политических целей. Характерными чертами террора является управляемость хаоса, системность актов насилия[9]. Конечная цель террора — создание в обществе обстановки дестабилизации, подавленности и страха.

В апреле 2017 года секретарь Совбеза России Николай Патрушев заявил, что в Сирии и Ираке на стороне террористов воюют почти 2,7 тыс. жителей Северного Кавказа. По данным МИД, на июнь 2017 года к боевикам ИГИЛ примкнуло всего пять человек[10].

Говоря о поведенческой составляющей, следует отметить, что исламистские и этнорегиональные террористические группы используют технологии жесткого кодирования личности. Основное различие между ними заключается в том, что после военного разгрома отрядов движения «Талибан» подавляющая часть исламистских группировок использует в борьбе только терроризм, в то время как группировки, ведущие этническую герилью, практикуют более широкий спектр методов политической борьбы[11].

Наш анализ базируется на результатах психометрической оценки, которые представляют собой количественные показатели степени изменения (от +3 до –3, где 0 — отсутствие изменений) состояния, характеризующего осмысленность жизни. Использовались самооценки психологического состояния опрашиваемых по степени соответствия/несоответствия этого состояния той или иной характеристике. Состояние описывалось различными прилагательными, характеризующими наполненность жизни смыслом. Результаты были подвергнуты статистической обработке и упорядочены в соответствии с уровнями религиозности опрашиваемых. По каждому прилагательному методики были определены средние значения изменений при низких, средних и высоких уровнях религиозности раздельно. Далее были определены средние значения изменений по всем прилагательным для верующих с низким уровнем религиозности, со средним уровнем религиозности и с высоким уровнем религиозности. Результаты описательной статистики по группам представлены в табл. 2.

Для определения уровня значимости различий средних значений изменений для выборок с низким, средним и высоким уровнем религиозности был использован метод парных сравнений *t*-Стьюдента. Результаты сравнения средних значений представлены в табл. 3.

Метод парных сравнений *t*-Стьюдента показал, что существуют значимые различия в средних значениях степени изменений осмысленности жизни для низкого, среднего и высокого уровня религиозности ($p = 0{,}000$).

При проведении опроса о готовности российских граждан защищать свою веру и этничность выяснилось, что подавляющее большинство опрошенных готовы взять в руки оружие для защиты своих этноконфессиональных детерминант. Эти данные коррелируют с данными, полученными ранее другими исследователями. Однако если в 2014 году прогнозировалось

---

[9] См.: *Ермакова Е., Джилкишева М., Файзуллина Г., Карабулатова И., Шагбанова Х.* Постмодернистский дискурс современного терроризма в контексте риторики апокалипсиса массмедийной продукции и художественной литературы // Центральная Азия и Кавказ, 2016, Том 19, Выпуск 2. С. 71—79.

[10] См.: В Сирию с начала 2017 года уехали пять человек, 7 июня 2017 [https://www.gazeta.ru/army/news/10145261.shtml], 7 июня 2017.

[11] См.: *Карабулатова И.* Влияние исламского фактора на политические процессы в современном Таджикистане // Центральная Азия и Кавказ, 2017, Том 20, Выпуск 1. С. 132—139; *Сейдина М., Карабулатова И., Поливара З., Зинченко А.* Современный публицистический дискурс исламских организаций Центрального федерального округа России и проблемы толерантности // Центральная Азия и Кавказ, 2017, Том 20, Выпуск 1. С. 121—131.

Таблица 2

Средние значения изменений при низком, среднем и высоком уровне религиозности

	№	Минимум	Максимум	Среднее	Стандартное (допустимое) отклонение
Среднее значение изменений для высокого ОУР	50	1,56	2,76	2,0419	0,27630
Среднее значение изменений для среднего ОУР	52	1,33	2,28	1,7298	0,21787
Среднее значение изменений для низкого ОУР	50	1,29	2,21	1,5998	0,20602

Таблица 3

Результаты сравнения средних значений показателя изменений

		t (время для анализа)	Степень связи изменений показателя осмысленности жизни	Значимость (2-сторонняя)
Пара 1	Среднее для высокого ОУР — среднее для среднего ОУР	8,555	32	0,005
Пара 2	Среднее для высокого ОУР — среднее для низкого ОУР	15,632	32	0,000
Пара 3	Среднее для среднего ОУР — среднее для низкого ОУР	7,966	32	0,013

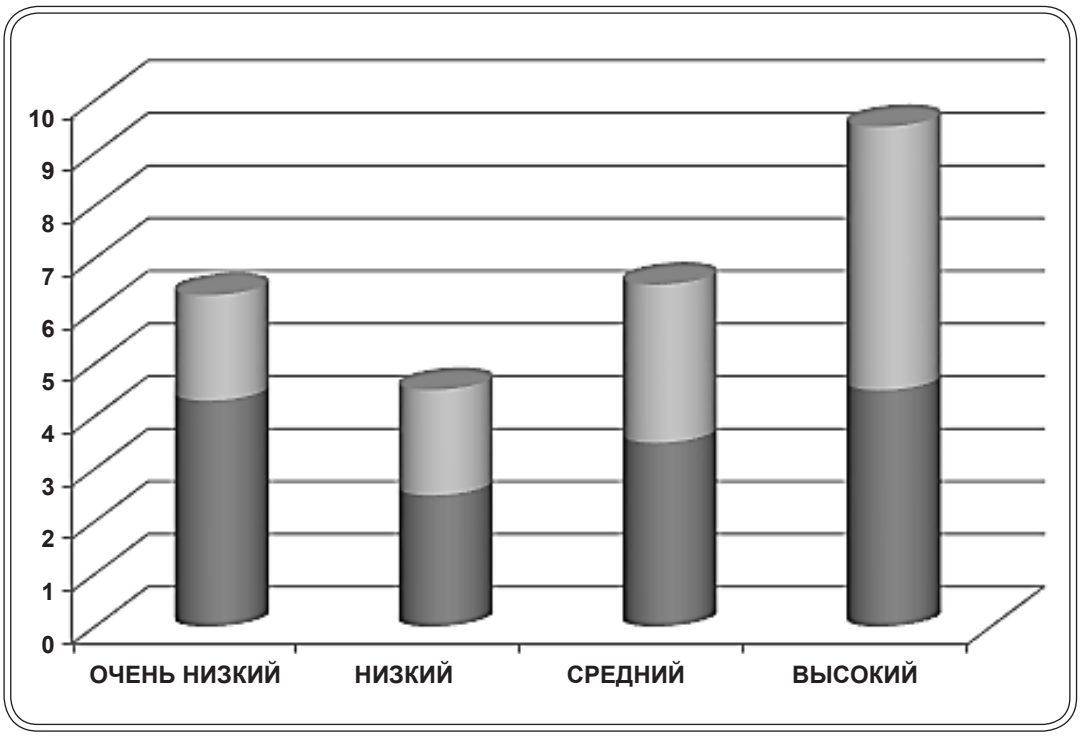
снижение этноконфессиональной напряженности[12], то сейчас мы обнаруживаем тенденцию к ее росту.

Исследовательские разработки по тематике этноконфессионального терроризма в отечественной науке достаточно разрознены, теоретико-методологические аспекты проблемы остаются неразработанными. При всей представленности разных аспектов проблематики данного феномена в отечественных и зарубежных работах междисциплинарного характера, религиозный терроризм и его последствия не концептуализированы с позиций интегральной социологической парадигмы через призму социально-политических изменений, глобальных рисков.

[12] См.: *Маткаримова Г.В.* Этноконфессиональная напряженность в столичном мегаполисе: состояние и динамика. М.: МГЛУ, 2015.

Рисунок 1

Результаты опросов



Выявленная зависимость уровня этноконфессиональной напряженности (выраженного в относительных единицах) от уровня религиозности отражена на рис. 1. Более темный цвет отражает соответствующие показатели у женщин, более светлый — у мужчин.

Очень низкий уровень напряженности обнаруживается в ответах 3,81% опрошенных, низкий уровень — в ответах 29,2% жителей Уфы и Москвы, средний уровень межконфессиональной напряженности отмечается у 42% жителей, высокий уровень межконфессиональной напряженности — у 26,1%. Это обусловлено, на наш взгляд, ситуацией вокруг войны на Донбассе, войны в Сирии, многочисленными террористическим актами исламистов в различных странах Европы и Азии.

Параллельно с ксенофобными настроениями растут и протестные настроения, которые сопровождаются сознательным переходом из одной конфессии в другую. Анализ интервью лиц, подвергшихся психологической обработке вербовщиков ИГИЛ, позволил нам выделить среди пострадавших от психологического насилия следующие типы личностных изменений.

1. **Аскетический тип (29% верующих)**

   При аскетических изменениях смысловой сферы религиозное обращение сопровождается уменьшением смысловой наполненности всех остальных сфер жизни. Изменения в результате обретения веры носят отрицательный характер. Данный тип изменений самосознания встречается реже всего (29%).

   Результатом религиозного обращения в данном случае является так называемое служение. Об этом говорят следующие утверждения верующих: «Мои отношения с

Богом — основа моей жизни и всего того, что я делаю. Я служу Господу»; «Я не просто знаю о существовании Бога, я стремлюсь к глубоким отношениям с Богом, подразумевающим постоянный, непосредственный контакт с Ним».

Для верующего свойственно смирение, а также сопровождающее его чувство вины. Отмечая отрицательные изменения в своей смысловой сфере, верующий тем не менее воспринимает их как благо. Такое кажущееся противоречие можно объяснить следующим образом. Любая религия, с одной стороны, возвышает свой идеал, подчеркивая пропасть между реальным человеком и идеалом. Именно этот аспект религии порождает смирение, чувство вины и самоуничижение. Верующий в результате религиозного обращения оценивает свою жизнь и себя в ней в контексте именно таких отношений с Богом, которые фактически для него становятся единственной реальностью.

2. **Кризисный тип изменений (43% верующих)**

Кризисный тип изменений характеризуется тем, что религиозное обращение сопровождается увеличением степени осмысленности жизни в одних сферах и уменьшением в других. Такой тип изменений встречается достаточно часто (43% верующих).

Данный тип изменений является самым сложным и неоднозначным. Верующие отмечают изменения в том, что касается сферы преодоления болезней. Преобладает чувство вины. На момент обращения смысловая сфера переживает разрушение и существенные трансформации, вызванные трудной жизненной ситуацией (ситуации, связанные с браком, любовью, здоровьем). Такое объяснение подтверждается также большим процентом верующих, переживающих трансформации данной категории под влиянием вербовщиков ИГИЛ.

3. **Позитивный тип (14% верующих)**

Позитивный тип изменений самосознания в процессе религиозного обращения характеризуется невысокими положительными изменениями по всем компонентам смысловой сферы. Такой тип изменений встречается в 14% случаев обращения в новую веру. По позитивному типу изменяются такие сферы осмысленной жизни, как сфера достижений (характеризуется эпитетами «успешный», «работоспособный», «продуктивный», «жертвенный»), сфера духовности («уникальный», «борющийся», «в поисках ответов на вечные вопросы»), сфера совладания с трудностями («гибкий», «неунывающий», «сильный»), сфера общественных отношений («честный», «альтруистичный», «справедливый»).

Таким образом, с точки зрения последствий обращения аскетический и позитивный типы представляют собой противоположные полюса. Аскетический тип характеризуется потерей социального мира, приобретением мира духовного и трансцендентного. В отличие от аскетического типа, позитивный тип обращения характеризуется приобретением новообразований в социальном мире, увеличением значимости и роли в социальном взаимодействии.

4. **Катарсический тип (55% верующих)**

Изменения самосознания катарсического типа ведут к тому, что человек после обретения веры ощущает максимальную наполненность смыслом во всех сферах своей жизни. Данный тип изменений наиболее распространен среди верующих (55%).

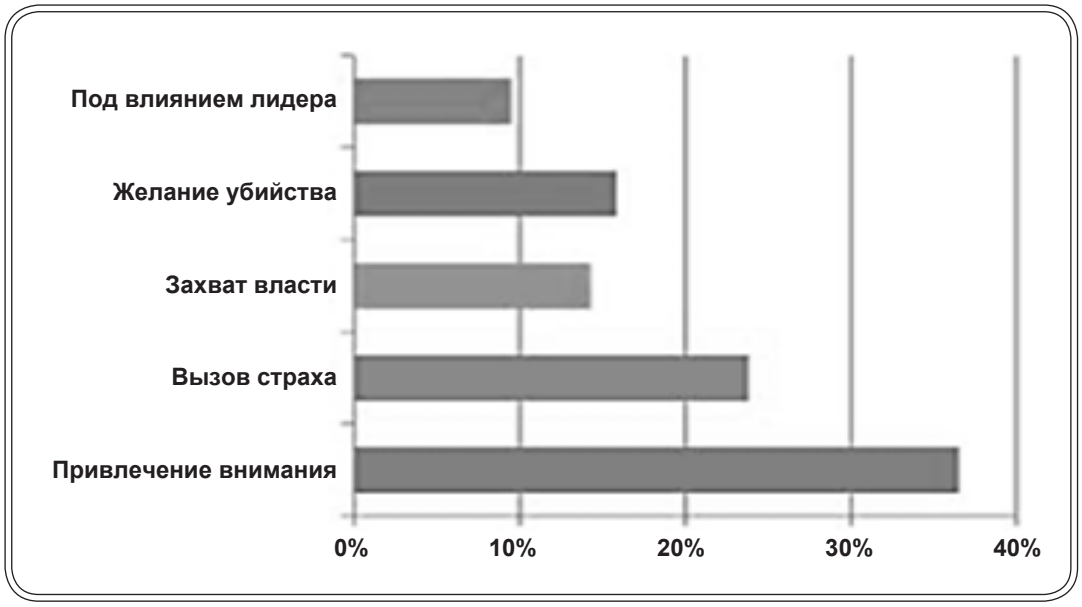
Высокая положительная оценка всей смысловой сферы характерна для процесса катарсиса. Катарсис (от греч. catharsis — очищение) — процесс острого или для-

щегося негативного переживания, в своей верхней точке превращающегося в переживание позитивное. Д.А. Леонтьев отмечает, что «катарсис — отражение процесса глубинной смысловой перестройки, диалектического разрешения на новом уровне внутреннего противоречия в смысловой сфере личности»[13]. Таким образом, специфика катарсического типа изменений заключается в резкой разрядке высокого эмоционального напряжения, что мы видим в проявлениях протестного поведения современной молодежи[14].

Таким образом, религиозное обращение сопровождается качественными изменениями самосознания[15], увеличением или уменьшением смысловой наполненности всех сфер жизни. Существуют четыре типа таких изменений: аскетический (с уменьшением смысловой наполненности во всех сферах жизни), кризисный (увеличение смысловой наполненности в одних сферах и уменьшение в других), позитивный (небольшие увеличения смысловой наполненности во всех смысловых сферах), катарсический (максимальное увеличение смысловой наполненности во всех сферах жизни). Наиболее часто встречаются изменения позитивного и катарсического типа (95%). Нарастание осмысленности жизни происходит в таких ее сферах, как социальная самореализация (сфера достижений), духовность, совладание с трудными жизненными ситуациями (жизнестойкость), личные и общественные отношения.

Рисунок 2

Распределение мнения респондентов по причинам совершения теракта



[13] *Леонтьев Д.А.* Психология смысла. М.: Смысл, 1999, 487 с.

[14] См.: *Мкртумова И., Досанова А., Карабулатова И., Нифонтов В.* Коммуникационные технологии противодействия политико-религиозному терроризму как этносоциальной девиации в современном информационно-электронном обществе // Центральная Азия и Кавказ, 2016, Том 19, Выпуск 2. С. 63—71.

[15] См.: *Осипов Г.В., Карабулатова И.С., Карабулатова А.С.* Указ. соч.

Катарсический и позитивный типы изменений отличаются друг от друга прежде всего характером изменения степени осмысленности жизни.

Для позитивного типа характерны более мягкие изменения смысловой сферы, для катарсического типа конверсии изменения смысловой сферы носят радикальный характер.

Типы изменения самосознания, связанные с увеличением уровня религиозности, детерминируют выраженность тех или иных компонентов религиозности. Катарсический тип изменения самосознания связан с аффективным компонентом религиозности. Религиозность такого верующего характеризуется преобладанием эмоциональной связи с трансцендентным миром, постоянным восприятием высших сил, прямым контактом со сверхъестественной реальностью. Аскетический тип изменения самосознания связан с иррациональным компонентом религиозности и может являться предпосылкой деструктивных форм религиозности.

Дискуссия

Современные исследователи определяют религиозность как сложное, многокомпонентное психологическое образование, характеризуемое как мера осуществления субъектом в окружающей действительности трансцендентных, теистических/религиозных интенций, направленных на осуществление связи субъекта с Теосом и выраженных в вере в сверхъестественное, а также в специфических нуминозных переживаниях, культовых действиях, поступках и поведении в целом[16].

Среди жертв терроризма выделяются разные группы риска: пострадавшие от терактов (первичные, вторичные) и пострадавшие в ходе проведения контртеррористических операций. Поэтому актуален сравнительный анализ декларируемых форм и практик государственной политики в области социальной защиты, которые призваны снижать социальные риски для данных категорий граждан[17]. Так, Президент поддержал идею отменять решение о предоставлении российского гражданства тем, кто осужден за терроризм. Свое мнение он высказал на встрече со спикером Госдумы Вячеславом Володиным[18].

Дискурсивный репертуар при трансформации межконфессиональных установок представляет террористов борцами за интересы народа, отчизны, а их силовые действия — национально-освободительной борьбой за великие цели изначального Света и Добра. Привлеченным антагонистом таких стратегий становится риторика, построенная на обвинениях, ксенофобии, инициировании ненависти к врагу, отождествляемому с государством, властью, со всем российским народом.

Большинству исследованных текстов присуща религиозная апологетика, просматривающаяся как в категоризациях самооправдательного характера, так и в воинственной риторике оскорблений российской стороны.

---

[16] См.: *Смирнов Д.О.* Религиозная активность в структуре интегральной индивидуальности: дис. канд. психол. наук: 19.00.01. Пермь, 2001, 186 с.

[17] См.: *Зеленков М.Ю.* Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века (политико-правовой аспект). Воронеж: изд-во ВГУ, 2007, 244 с.

[18] См.: Такие граждане нам не нужны: террористов могут лишать паспорта РФ, 6 июня 2017 [http://www.vesti.ru/doc.html?id=2896357], 6 июня 2017.

В ситуациях угрозы террористических акций преобразуются практики обеспечения безопасности людей на повседневном уровне[19]. М.Ш. Магомед-Эминов разрабатывает понятие «экстремальности», которое также может быть рассмотрено в качестве фактора изменения религиозного самосознания. Экстремальная ситуация, по М.Ш. Магомед-Эминову, представляет собой ситуацию неповседневного опыта существования человека в мире, то есть опыта, выходящего за пределы обычного повседневного существования[20].

С другой стороны, трудная жизненная ситуация определяется тем, что индивид сам понимает и интерпретирует события своей жизни в соответствии с собственными установками, взглядами, индивидуальными чертами, что используется при трансформации межконфессиональных установок[21].

Э. Шейн делит процесс манипулирования на три этапа: «разморозка» (внушение того, что прошлая жизнь человека была ошибочной); изменение (приобретение уверенности за счет веры в лидера и взаимодействия с группой); «заморозка» (закрепление внушенных установок; при этом человек считает, что он пришел к этим выводам самостоятельно)[22]. На основании ряда свидетельств, полученных от новообращенных исламистов, можно констатировать, что подобный процесс, хотя и сформулированный по-другому, имеет место в террористических организациях типа «Исламского государства»[23].

Жертвой вербовщиков может стать кто угодно, о чем свидетельствуют печально известные примеры студентки Варвары Карауловой или актера Вадима Дорофеева. Но чаще всего своей целью манипуляторы выбирают не мужчин, а детей и одиноких женщин. Последние наиболее активны в социальных сетях, на форумах. Особенно высока вероятность стать жертвой вербовщика на сайтах, где общаются женщины, переживающие потерю близкого человека, развод или подвергшиеся изнасилованию[24].

Р.Дж. Лифтон выделяет несколько приемов, которые используются в тоталитарных обществах для влияния на психологию человека:

1) контроль над общением внутри группы и вне нее;

2) обновление языка (другие имена и слова для некоторых понятий);

3) необходимость очищения (в случае ИГИЛ — религиозного);

4) признания и откровения;

5) мистическое манипулирование (лидеры часто объявляют о своей связи с Богом);

---

[19] См.: *Чижин В.И.* Духовная безопасность российского общества как фактор военной безопасности государства: автореф. дисс. д-ра. филос. наук. М., 2000. 36 с.

[20] См.: *Магомед-Эминов М.Ш.* Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности. М.: МГУ, 2009, 53 с.

[21] См.: *Chuev I.N., Panchenko T.M., Novikov V.S., Konnova O.A., Iraeva N.G., Karabulatova I.S.* Innovation and Integrated Structures of the Innovations in Modern Russia // International Review of Management and Marketing, 2016, Vol. 6, No. 1S. P. 239—244.

[22] См.: *Schein E.H.* Organizational Culture and Leadership, 2004 [http://www.untag-smd.ac.id/files/Perpustakaan_Digital_2/ORGANIZATIONAL%20CULTURE%20Organizational%20Culture%20and%20Leadership,%203rd%20Edition.pdf], 7 June 2017.

[23] См.: *Кабиль А.* Технология вербовки: Как ИГИЛ пополняет свои ряды, 11 октября 2014 [http://islamreview.ru/v-mire/tehnologia-verbovki-kak-igil-popolnaet-svoi-rady/], 7 июня 2017; *Гришин А.* Осторожно! ИГИЛ требуются спящие агенты, 31 октября 2016 [https://www.pravda.ru/society/family/pbringing/31-10-2016/1317115-grishin-0/], 7 июня 2017.

[24] См.: Как террористы из ИГИЛ вербуют женщин в Интернете [https://lady.mail.ru/article/488295-kak-terroristy-iz-igil-verbujut-zhenshhin-v-internete/], 7 июня 2017.

6) доминирование доктрины над человеком;

7) наличие священного знания;

8) избранность группы[25].

Теории Лифтона и Шейна позже подвергались критике, а исследования этих авторов обвиняли в ограниченности выборки[26]. Не учитывая ряд факторов (предрасположенность индивида к внушению, добровольно принимаемые изменения), нельзя считать выводы о степени возможности манипулирования в полной мере достоверными. Переживание жизненных событий осуществляется через систему смыслов, на основе которых человек соотносит свои возможности и цели, распределяет события жизни по значимости на данный момент времени, что позволяет отнести работу с религиозным самосознанием личности к политтехнологиям этноконфессионального терроризма.

Заключение

Смысл жизни представляет собой динамическую структуру. Ценностная смысловая сфера и смысл жизни как направленность жизни являются отражением социально-экономических, политических, идеологических изменений в обществе. Способы истолкования гендерных особенностей трансформации межконфессиональных установок в контексте террористической угрозы транслируются идеологией, выводами ученых, парадоксами общественного мнения, судебной практикой и массовой культурой. В печатном дискурсе о женском участии в этнорелигиозном терроризме отличительными характеристиками участниц теракта стали нерациональность, чрезмерная агрессивность, фанатичность и более высокая опасность, по сравнению с мужчинами[27]. Согласно репрезентациям, новообращенные террористки демонстрировали сбой гендерной, этнической идентичности и отклонялись от конфессиональных норм.

Можно отметить некоторую подвижность в структуре анализируемых дискурсов, фиксируемую появлением рационального объяснения происходящего в терминах войны с меньшей эмоциональностью и акцентирующего отношение привыкания к терактам «шахидок».

В заключение отметим, что для межконфессионального согласия необходимо, чтобы СМИ, формирующие информационное пространство российских регионов, объективно и правдиво освещали события, транслировали жизнестроительные представления о вере, чести, информировали о нормах и правилах, диалогичности общения, обитания в нашем поликонфессиональном мире. Формирование этноконфессионального согласия в правоохранительных органах, воинских коллективах, в регионах, в целом, зависит от объединения усилий политической власти, ответственности и адекватности СМИ при подаче информации, профессионализма журналистов, военных психологов, энергии общественных организаций, общин, согласованных действий правоохранительных органов и всех ведомств, занимающихся проблемами нормализации этноконфессиональных отношений, а также от заинтересованно-

---

[25] См.: *Лифтон Р.Дж.* Технология «промывки мозгов»: Психология тоталитаризма. СПб: Прайм-Еврознак, 2005 [http://www.evolkov.net/cults/books/Lifton.R/Lifton.R.Thought.reform.psychol.totalism.content.html], 7 июня 2017.

[26] См.: *Richardson J.T.* Regulating Religion: Case Studies from Around the Globe. New York: Kluwer, 2004.

[27] См.: Как террористы ИГИЛ вербуют женщин в Сети? // Cosmopolitan, 25 ноября 2015 [https://www.cosmo.ru/lifestyle/society/kak-terroristy-igil-verbuyut-zhenshchin-v-seti/], 7 июня 2017.

сти или хотя бы неравнодушия всех граждан. Это позволит избежать новых экстремистских действий, предотвратить трансформацию неприязни к представителям исламской конфессии в ненависть, снизить уровень этнической интолерантности в армейском и гражданском социумах.